

Магия и религия

Эндрю Лэнг

Magic and Religion

Andrew Lang

Электронная книга проекта "Гутенберг" о магии и религии

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Магия и религия

Автор: Эндрю Лэнг

Дата выхода: 2 августа 2014 г. [Электронная книга № 46480]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

В титрах: Продюсер Марк Д'Хуг (Изображения предоставлены интернет-архивом).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "МАГИЯ И РЕЛИГИЯ" ***

МАГИЯ И РЕЛИГИЯ

АВТОР ЭНДРЮ ЛЭНГ

АВТОР КНИГИ "МИФ, РИТУАЛ И РЕЛИГИЯ", "ОБЫЧАЙ И МИФ" И ДР.

ЛОНГМАНС, ГРИН И КОМПАНИЯ

ПАТЕРНОСТЕР-РОУ, 39, ЛОНДОН

НЬЮ - ЙОРК И БОМБЕЙ

1901

ПРЕДИСЛОВИЕ

Последние годы принесли богатые дополнения к материалам для изучения ранней религии, ритуалов, магии и мифов. Пропорционально обилию информации росло количество теорий и гипотез. Первое эссе в этом сборнике, "Наука и суеверия", указывает на опасность позволять слишком изобретательным гипотезам захватывать нашу науку в плен.

Поскольку, как и другие, я не так давно выдвинул собственную предварительную теорию, второе и третье эссе призваны укрепить мою позицию. Теория состоит в том, что, возможно, самая ранняя прослеживаемая форма религии была относительно высокой, и что ее тон неизбежно снижался в процессе социальной эволюции. Очевидно, что это мнение может быть подвергнуто критике с двух сторон. Можно сказать, что более возвышенные религиозные идеи низших дикарей заимствованы из христианства или ислама. Насколько я понимаю, это теория мистера

Э. Б. Тайлора. С большой застенчивостью я осмеливаюсь в настоящее время не согласиться со столь выдающимся и проницательным авторитетом, ожидая публикации Абердинских Гиффордских лекций мистера Тайлора. Мой ответ на его гипотезу, в той мере, в какой она была им опубликована, можно найти во втором эссе "Теория богов-заимодавцев". Во-вторых, на мою позицию могут напасть, если исключить доказательства существования высших элементов в религии низших дикарей. Мистер Фрейзер во втором издании своей "Золотой ветви" выдвинул гипотезу происхождения религии, в которой доказательства высших факторов не принимаются во внимание. Вероятно, он рассмотрит эту тему в более поздней работе, на которую он ссылается в своем Предисловии. "Если я доживу до завершения работ, для которых я собирал и продолжаю собирать материалы, смею думать, что они очистят меня от любых подозрений в том, что я рассматриваю раннюю историю религии с единственной узкой точки зрения".^[1]

Тем временем, однако, мистер Фрейзер выдвинул теорию происхождения религии, в соответствии с которой свидетельства, которые, на мой взгляд, заслуживают внимания, не получают признания. Поэтому я надеюсь, что не будет преждевременным привести доказательства или некоторые из них, которые я привожу в третьем эссе "Магия и религия".

В-четвертых, приводится пространная критика многочисленных гипотез мистера Фрейзера, которые объединены в его теорию происхождения или частичного происхождения веры в божественный характер Христа. Этот аргумент требует очень тщательного и, боюсь, утомительного рассмотрения. Еще больше я боюсь, что мой труд, в конце концов, не был достаточно подробным и точным. Кажется, почти невозможно ясно понять и справедливо представить идеи, с которыми человек не согласен. Если я и потерпел неудачу в этих отношениях, то неосознанно, и я с благодарностью приму критику, позволяющую мне распознавать и исправлять ошибки.

В-пятых, в "Ужасном священнике" я исследую теорию мистера Фрейзера о Золотой ветви Вергилия, связанную с беглым рабом, который был "Королем Леса" близ Ариси. Я предлагаю гипотезу относительно происхождения его любопытного положения, которая кажется мне более простой и не менее вероятной, чем гипотеза мистера Фрейзера о том, что этот изгой "жил и умер как воплощение верховного арийского бога, чья жизнь была в омеле, или золотой ветви". Но мое предположение - это всего лишь догадка о проблеме, решить которую, я думаю, у нас нет средств.

Далее следует эссе "Религия Южной Африки" и еще одно, посвященное старой загадке знаков "Чаша и кольцо" на камнях, урнах и других предметах по всему миру.

Далее я рассматриваю тему "Табу", имея в виду теорию мистера Ф. Б. Джевонса. Далее следует эссе о необычном обряде Хождения по Огню с предполагаемой неприкосновенностью исполнителей. Эту любопытную тему я рассматривал раньше, но теперь добавлю свежие доказательства.

Из этих эссе второе, частично, появилось в "Деятнадцатом веке", а большая часть "Ужасного священника" была опубликована в "Fortnightly Review", в то время как "Кубок и кольцо" впервые увидели свет в "Contemporary Review". Выражаю благодарность редакторам этих периодических изданий за разрешение на перепечатку. Эссе о "Хождении по огню" было опубликовано в "Трудах Общества психических исследований", хотя тема, похоже, не является "психической". Все остальные статьи новые, и добавлены три приложения по деталям.

Рисунок на обложке нарисован мистером Доннелли, первооткрывателем памятников и реликвий Данбуи и Дамбук, по австралийскому эскизу из г. "Коренные племена Центральной Австралии" Спенсера и Гиллена.

За разрешение воспроизвести этот рисунок я должен поблагодарить любезных господ. Macmillan & Co. Рисунки ног на обратной стороне тома (предмет, найденный в Австралии) и орнамент "Еврейская арфа" (распространенный в Шотландии и Индостане) также принадлежат мистеру Доннелли из шотландских наскальных рисунков.

[1] *Золотая ветвь*, i. xvii, 1900.

Исправления и добавления

Страница 4, строки 24, 25, для истории, прочитанной этажно, для историй, прочитанных этажно.

Страница 13, строка 7, сравните стр. 297, второй абзац, относительно Мотагона и епископа Сальвадо.

Страница 17, строка 24, за 1871 год читать 1873 год.

Страница 44. К именам авторов, поддерживающих идею австралийской религии, следует добавить доктора Джона Мэтью в книге *"Ястреб и ворона"*, стр. 147 (1899): "Когда-то я придерживался мнения, что представления о божестве были заимствованы у белых и передавались среди черных туда-сюда, но теперь я убежден, что эта идея существовала здесь до европейской оккупации". Но (стр. 130, 131) доктор Мэтью приводит свои причины считать возможным заимствование из индийской мифологии. Но поскольку они основаны на расшифровке им определенных знаков, которые, возможно, означают иероглифы, на копии австралийской настенной росписи сэра Джорджа Грея, доказательства слабы. (Грей, *Северо-западная Австралия*, i. 201 и далее.). Предположив, что персонажи суматранские, было бы необходимо показать, что жители Суматры действительно представляют свое отдаленное божество, как на картине, скопированной Греем.

Страница 58, строка 6, для правильного прочтения ритуалов.

Страница 75, примечание 1, для примитивной культуры, i. 379, 1871, *прочитайте* "Примитивная культура", i. 419, 1873.

Страница 112, примечание 1. "Но так было и в 1000 году н.э.". Мне сообщили, что особого страха перед концом света в 1000 году н.э. не было. М. Кумон приводит веские основания утверждать, что мученическая смерть святого Дасия в 303 году зарегистрирована между 362 и 411 годами (*Man*, май 1901 г., № 53).

Страница 120. "Ктесий процветал несколько раньше Бероса, которому около 200 года до н.э."; вместо 200 читай 260. Ктесий был современником Геродота.

СОДЕРЖАНИЕ

- I. НАУКА И СУЕВЕРИЯ
- II. ТЕОРИЯ ЗАИМСТВОВАННЫХ БОГОВ, ИЛИ ЗАИМСТВОВАННАЯ РЕЛИГИЯ
- III. МАГИЯ И РЕЛИГИЯ
- IV. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ ВЕРЫ
- V. ПОДХОДЫ К ТЕОРИИ МИСТЕРА ФРЕЙЗЕРА
- I. ЭВОЛЮЦИЯ БОГОВ
- II. ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ СМЕРТНОСТЬ БОГОВ
- III. РЕЛИГИОЗНОЕ ЦАРЕУБИЙСТВО
- IV. ЕЖЕГОДНОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ ЦАРЕУБИЙСТВО
- V. САТУРНАЛИИ
- VI. ГРЕЧЕСКАЯ CRONIA
- VII. САКЕЯ
- VI. ПОПЫТКИ ДОКАЗАТЬ БОЖЕСТВЕННОСТЬ сакского ПРЕСТУПНИКА
- I. ПРИНЕСЕНИЕ В ЖЕРТВУ ЧЕРЕЗ ПОВЕШЕНИЕ. СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ОНО?
- II. ЭТАПЫ ТЕОРИИ МИСТЕРА ФРЕЙЗЕРА
- III. ВОЗМОЖНОЕ ПРИМИРЕНИЕ
- IV. SACÆA ВНЕЗАПНО МЕНЯЕТ ДАТУ
- V. РАЗЛИЧНЫЕ ТЕОРИИ ЖЕРТВЫ
- VII. ЗАКМУК, САКЕЯ И ПУРИМ
- I. ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРУДНОСТЬ
- II. ПЕРСЫ - НЕ ВАВИЛОНЯНЕ
- III. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПУРИМА
- IV. ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ПУРИМ ДОИЗБРАННЫМ ИЛИ ПОСТИЗБРАННЫМ
- V. ТЕОРИЯ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖЕРТВЕ В ПУРИМ
- VI. ПРОТИВОРЕЧИВАЯ ГИПОТЕЗА
- VII. НОВАЯ ТЕОРИЯ ЖЕРТВЫ
- VIII. НОВАЯ НЕМЕЦКАЯ ТЕОРИЯ ПУРИМА
- IX. ЕЩЕ ОДНА НОВАЯ ТЕОРИЯ. ЧЕЛОВЕК И ЖЕРТВА
- VIII. МАРДОХЕЙ, ЕСФИРЬ, ВАШТИ И АМАН
- I. ЕСФИРЬ, ЛЮБИМАЯ МАРДОХЕЕМ
- II. ПЕРСИДСКИЙ ШУТ
- III. МОЯ СОБСТВЕННАЯ ПОЛЕЗНАЯ ТЕОРИЯ
- IX. ПОЧЕМУ ПСЕВДОКОРОЛЯ САКЕИ ВЫПОРОЛИ И ПОВЕСИЛИ?
- I. ПЕРИОДЫ РАСПУЩЕННОСТИ
- II. БОЖЕСТВЕННЫЙ КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ
- III. НОВЫЕ ПЕРИОДЫ ВСЕДОЗВОЛЕННОСТИ
- IV. САКЕЯ КАК ПЕРИОД ВСЕДОЗВОЛЕННОСТИ
- X. ГОЛГОФА
- XI. УЖАСНЫЙ СВЯЩЕННИК

XII. РЕЛИГИЯ ЮЖНОЙ АФРИКИ

XIII. КУБОК И КОЛЬЦО: СТАРАЯ ПРОБЛЕМА РЕШЕНА

XIV. ПЕРВЫЕ ПЛОДЫ И ТАБУ

XV. ХОЖДЕНИЕ СКВОЗЬ ОГОНЬ

ПРИЛОЖЕНИЯ

A. ТЕОРИЯ ЗАИМСТВОВАНИЯ МИСТЕРА ТАЙЛОРА

B. МУЧЕНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ ДАСИУСА

C. ПУТЕШЕСТВИЕ БЕЗБОРОДОГО

ИНДЕКС

Я

НАУКА И СУЕВЕРИЯ

Мы все знаем, что подразумеваем под наукой; наука - это "организованный здравый смысл". Ее цель - приобретение аргументированных и упорядоченных знаний. Представленная совокупность проверенных фактов, часть науки состоит в том, чтобы привести их в порядок и объяснить их существование в соответствии с ее признанной теорией вещей. Если факты не могут быть вписаны в теорию, она должна быть расширена или изменена; ибо мы должны признать, что, если факты проверены, теория нуждается в изменении и расширении.

"Сопоставление" фактов требует гипотез, а они могут на момент их построения не поддаваться проверке. Отклонения планеты от ее, по-видимому, нормального курса могут быть объяснены гипотезой о притяжении другого небесного тела, которое еще не открыто. Гипотеза законна, поскольку известно, что такие тела существуют и производят такие эффекты. Когда тело обнаружено, гипотеза становится достоверной. С другой стороны, гипотеза о том, что какая-то капризная и сознательная сила подтолкнула планету к отклонениям, была бы незаконной, поскольку существование такой причудливой силы не доказано. Тогда наши гипотезы должны соответствовать нашим действительным знаниям о природе и о природе человека, а наши предполагаемые причины должны быть адекватны возникновению следствий. Таким образом, наука постепенно приобретает и организует новые области знания.

Суеверие - это слово с гораздо менее определенным значением. Когда мы называем человека "суеверным", мы обычно имеем в виду, что доказательства, которые удовлетворяют его, не удовлетворяют нас. Мы ежедневно видим примеры зависимости веры от предвзятости. Один человек верит истории о жестокостях, совершенных нашими противниками; другой, не веря в эту историю, верит повествованию о проступках нашей собственной партии. Вероятно, доказательства ни в том, ни в другом случае не удовлетворили бы историка и не были бы приняты присяжными. Мужчина в таверне рассказывает другому, как буры, отступая с позиции, похоронили своих раненых. "Я в это не верю", - говорит другой. "Тогда вы сторонник буров".

Скептик исходил из своих общих знаний о природе человека. Верующий исходил из своего собственного предвзятого и мифопоэтического представления о людях, которые ему не нравились. Если бы вопрос касался религии, верующего можно было бы назвать суеверным; скептика можно было бы назвать ученым, если бы он был готов уступить свои сомнения доказательствам способных наблюдателей предполагаемого факта.

У суеверия, как и у науки, есть свои гипотезы, и, как и наука, оно исходит из опыта. Но ее переживания обычно фантастичны, нереальны или, если они реальны, могут быть объяснены иными причинами, чем те, которые приписываются суевериям. Человек приходит ночью и говорит, что видел призрака в белом. Это всего лишь его гипотеза; существование призраков в белом не доказано. Вы сопровождаете его на место происшествя и доказываете ему, что он видел столб, а не привидение. Его опыт был реальным, но был неверно истолкован с помощью гипотезы, не основанной на доказанном факте знания.

Гипотезы суеверий знакомы. Итак, произошло событие: допустим, вы потеряли свой крючок для пуговиц. Сейчас вы слышите о смерти члена вашей семьи. Всегда после этого вы начинаете беспокоиться, когда теряете крючок для пуговиц. Вы путаете случайную последовательность фактов с причинно-следственной связью фактов. Последовательность во времени ошибочно принимается за последовательность того, что мы обычно называем причиной и следствием. Точно так же суеверие поддерживает гипотезу о том, что подобное влияет на подобное. Таким образом, солнце круглое, и шар из глины круглый. Поэтому, если туземец Австралии хочет задержать вращение круглого солнца в небесах, он прикрепляет круглый глиняный шар к ветке дерева; по крайней мере, так говорят нам книги по антропологии. Исходя из гипотезы, что подобное влияет на подобное, человек делает глиняное или восковое изображение врага и утыкает его булавами или шипами. Он ожидает, что в результате его враг будет страдать от агонии, и "внушение" настолько мощно, что, если враг знает об этом образе, он иногда заболевает и умирает. Этот опыт подтверждает суеверную гипотезу, и поэтому эксперимент с изображением распространяется по всему миру. Все делается или предпринимается в этом направлении с помощью суеверия. Мужчины имитируют убийство врагов или дичи и ожидают, что в результате убьют их на войне или в погоне. Они имитируют скопление облаков и проливной дождь и ожидают, что в результате пойдет дождь. Они имитируют эволюцию съедобной личинки из личинки и ожидают, что личинки будут размножаться; и так далее.

Все это вполне рационально, если принять гипотезы суеверия. Ее практики - это магия. Позже мы обсудим теорию о том, что люди владели магией до того, как у них появилась религия, и изобрели богов только потому, что обнаружили, что магия не работает. Еще позже они изобрели науку, которая является всего лишь магией с обоснованной гипотезой, использующей реальный, а не вымышленный опыт. В долгосрочной перспективе магия и религия, возможно, вымрут, и наука получит всю эту область в свое распоряжение.

Это может быть великолепной, хотя и отдаленной перспективой. Но, несомненно, превыше всего необходимо, чтобы наша наука была научной. Она не должна закрывать глаза на факты только потому, что они не вписываются в ее схему или гипотезу о природе вещей или религии. Она действительно должна придавать такое же значение доказательствам, которые противоречат, как и тем, которые подтверждают ее теорию в каждом конкретном случае. Она не только не должна закрывать глаза на эти доказательства, но и должна усердно искать их,

должна искать то, что Бэкон называет *мгновенными противоречиями*, поскольку, если они существуют, теория, игнорирующая их, бесполезна. Если она выдвигает гипотезу, она не должна противоречить всей массе человеческого опыта. Если наука обнаруживает, что ее гипотеза противоречит опыту, она должна искать гипотезу, соответствующую опыту, и, если она не может быть найдена, она должна ждать, пока она будет найдена. Опять же, наука не должна нагромождать одну непроверенную гипотезу на другую непроверенную гипотезу до тех пор, пока ее здание не сравняется с Вавилонской башней. Она не должна выдвигать гипотезу на стр. 35, а на стр. 210 относиться к гипотезе как к факту. Потому что, если одна история в карточном замке будет разрушена из-за того, что окажется невозможной, все остальные истории "посыплются кувырком" вслед за ней. - Вряд ли необходимо, но не лишне добавить, что в ее замке гипотез одно не должно противоречить другому и, следовательно, разрушать его. Нас не следует просить поверить в то, что событие произошло в один день, а также в то, что оно произошло в другой; или что институт был одновременно заимствован народом в один период, а также находился во владении, не заимствованном, тем же народом в более ранний период. Мы не можем позволить науке уверять нас, что определенный факт был хорошо известен и что это знание привело к важным последствиям; в то время как нам не менее торжественно заявляют, что этот факт был совершенно неизвестен, откуда, по-видимому, и не могли быть получены результаты, якобы вытекающие из этого знания.

Такого рода рассуждения, с их выводом выводов из других умозаключений, которые сами по себе выводятся из предположений о существовании фактов, не имеющих доказательств, следует назвать скорее суеверными, чем научными. Результаты могут быть интересными, но они противоположны науке.

Пожалуй, главным образом в зарождающейся науке антропологического изучения институтов и, прежде всего, религии преобладают такого рода рассуждения. Эта тема привлекает изобретательные и любопытные умы. Строилась система за системой, безупречные по материалу, элегантные по внешнему виду, спускались на воду и терпели крушение или были отнесены беспечными ветрами к заброшенному берегу, где лежит в упадке ковчег Брайанта со всем его экипажем, божественным или человеческим. Ни один смертный студент не верит в аркитскую систему Брайанта, хотя его ковчег написан на спичечных коробках мистера Дж. Брайанта и Мэй, возможно, обозначают верность идее предков.

Мир современных читателей наблюдал, как мифы о солнце, мифы о рассвете, мифы о грозе и мифы о ветре приходят и уходят: *источник вдохновения*. Тотемы и табу преуспели, и мы сбиты с толку противоречивыми теориями происхождения табу и тотемов. Божества растительности - это все во всем, и пусть мы далеки от того, чтобы утверждать, что кто-либо, от Урана до Пана, от персидского царя до лошадей Вирбия, не является духом растительной жизни. И все же, возможно, у божества есть более высокие аспекты и благородные функции, чем стремление к своей "пресной растительной любви", и они заслуживают иногда внимания.

Однако результатом поспешных гипотез и обобщений является то, что зарождающаяся наука о происхождении религии воспринимается с недоверием. Мы можем сделать краткий обзор истории современной науки.

Около двадцати лет назад, когда "Принципы социологии" мистера Герберта Спенсера были впервые опубликованы, книга была рецензирована в журнале "Mind" автором "Примитивной культуры". Эта работа, опять же, была опубликована в 1871 году. В 1890 году вышла "Золотая ветвь" мистера Дж. Дж. Фрейзера, а второе издание книги с изменениями и большим количеством нового материала было представлено миру в 1900 году.

Итак, перед нами целое поколение, промежуток в тридцать лет, в течение которого английские философы или ученые изучали науку о происхождении религии. В последнем издании "Золотой ветви" мистер Фрейзер даже проник в отдаленные края, где у человека вообще не было никакой религии и он не хотел ее иметь. Естественно, мы спрашиваем себя, к какой точке мы пришли после трудов целого поколения. Двадцать лет назад, рецензируя мистера Спенсера, мистер Тайлор сказал, что приближается время большого общественного волнения по этим темам. Шумиха и соперничество, вызванные теорией мистера Дарвина о происхождении видов и происхождении человека, затмятся грядущей войной по вопросу эволюции религии. Но общего ажиотажа не было; общественный интерес к этим вопросам практически не проявлялся. Они были предоставлены "любопытным" и "образованным", классам, не абсолютно идентичным. Мистер Фрейзер, действительно, уверяет нас, что сравнительное изучение человеческих верований и институтов "способно быть гораздо большим, чем средством удовлетворения просвещенного любопытства и предоставления материалов для исследований образованных".[1]

Но просвещенное любопытство, по-видимому, легко удовлетворить, и лишь очень немногие из образованных людей занимаются этими исследованиями, которые, как ожидал мистер Тайлор, будут в целом захватывающими.

Сотрудник Оксфордского университета сообщил мне, что студенты-старшекурсники почти полностью пренебрегают изучением верований и антропологии в целом, и когда я спросил его "Почему?", он ответил: "На это нет денег". Другой сказал, что антропология "не имеет доказательств". Выражаясь языком экономистов, в Оксфорде нет предложения, потому что нет спроса. Классику, филологию, историю, физику и даже литературу изучают, потому что "в них есть деньги", на самом деле не большие деньги, а компетентность, если студент успешен. На изучение эволюции верований спроса нет или его очень мало. И все же, говорит мистер Фрейзер, "при правильном обращении она может стать мощным инструментом ускорения прогресса, если выявит определенные слабые места в фундаменте, на котором построено современное общество". Все мы желаем прогресса (в правильном направлении), все мы жаждем выявить слабые места, и все же нас, похоже, не волнуют услуги, которые могут быть оказаны прогрессу изучением эволюции религии. "Это действительно меланхоличная и, в некоторых отношениях, неблагодарная задача, - говорит мистер Фрейзер, - подрывать основы верований, в которых, как в прочной башне, надежды и чаяния человечества на протяжении долгих веков искали убежища от жизненных бурь и стрессов". "Неблагодарны", действительно, эти операции. "И все же рано или поздно, - добавляет мистер Фрейзер, - неизбежно, что батарея сравнительного метода пробьет брешь в этих почтенных стенах, увитых плющом, мхами и полевыми цветами, вызывающими тысячи нежных и священных ассоциаций. В настоящее время мы только перетаскиваем орудия на позиции; они еще едва начали говорить.

Мистер Фрейзер слишком скромн: он поместил труд огромной учености и красноречивого стиля в трех осадных орудиях, можно сказать, в трех томах самого большого калибра, и в них было сказано около 500 000 слов. Продолжая метафору, ни один человек не снабжен лучше, чем он, средствами обучения, знанием фактов любого рода. И все же мне кажется, что почтенные стены, увитые плющом, мхами, полевыми цветами и другой настенной растительностью, ни в малейшей степени не пострадали от артиллерии, и я пытаюсь обосновать свое мнение.

Почему это так и почему той части публики, которая живет внутри или за пределами почтенных стен, в основном безразлично?

Можно было бы привести несколько достаточных причин. Во-первых, у многих людей есть или думают, что есть, так много других оснований для неверия, что дополнительные основания, предоставляемые сравнительным методом, рассматриваются скорее как роскошь, чем как удовлетворение ощущаемой потребности. Опять же, но очень немногие люди располагают досугом, или склонностью, или силой ума, достаточной для того, чтобы проследить за сложной аргументацией на протяжении полутора тысяч страниц, не говоря уже о других работах на ту же тему. Еще раз, лишь незначительное меньшинство способно проверять и взвешивать доказательства и критиковать запутанные гипотезы, на которых основывается аргумент или в которые он вовлечен.

Но есть еще один и, возможно, более веский аргумент в пользу безразличия. Образованные люди осознают, что доказательства всех этих спекуляций не имеют той природы, к которой они привыкли, ни в исторических, ни в научных исследованиях. Век все больше и больше настаивает на строгости в оценке доказательств и на экономии в догадках. Но изучение эволюции мифов и верований всегда было и остается отмеченным необычайным использованием гипотез, или злоупотреблением ими. "Возможно", "мы можем предположить", "мы должны сделать выводы" бесчисленны.

Как и в случае с так называемой "Высшей критикой", многие антропологи слишком часто нагромождают гипотезу на гипотезу, догадку на догадку, в то время как, если ошибочна только одна догадка, главный аргумент рассыпается на куски. Более того, в определенных случаях проще всего объяснить предполагаемые факты с помощью контргипотезы, не сложной гипотезы, но, по крайней мере, столь же правдоподобной, как многие объединенные догадки архитекторов замка, хотя, возможно, столь же далекой от истины и столь же не поддающейся проверке. Примеры этих утверждений будут приведены по ходу этой книги.

Мы все, кто работает над этими темами, занимаемся наукой, наукой о человеке, или, скорее, мы мучительно трудимся над тем, чтобы заложить основы этой науки. Мы все пытаемся ускорить прогресс. Но наша наука не может ускорить прогресс, если наша наука ненаучна. Поэтому мы должны, каким бы педантичным ни казался наш процесс, продолжать настаивать на отбрасывании всех доказательств, которые не являются достоверными, на щадящем использовании догадок и на тщетности нагромождения гипотезы на недоказанную гипотезу. Мне кажется, как я уже говорил, что законная гипотеза должна "сопоставлять факты", что она должна делать это более успешно, чем любая противоположная гипотеза, и что для каждого звена в ее цепи должны быть доказательства, которые выдержат критические испытания.

Но главная причина безразличия заключается в характере наших доказательств. Мы можем найти все, что захотим, по словам людей — не только "обывателей", но и ученых — среди сообщений о деяниях диких рас. Мы находим то, что хотим, а к тому, чего не хотим, мы часто слепы. Например, ничто в религии дикарей не является лучшим доказательством, чем вера в существо, которого рассказчики всех мастей называют "Творцом, который держит все в своей власти". Я беру первый попавшийся под руку пример, открывая "Первобытную культуру" мистера Тайлора. Это существо - тот, кого туземцы Канады "называют "Андуаньи", не имея, однако, никакой формы или метода обращения к нему с молитвой". Дата этого свидетельства - 1558 год. Очевидно, что андуаньи (чтобы выделить один случай из множества) был изобретен не в отчаянии от волшебства. Мистицизм был назван отчаянием философии, а мистер Фрейзер, как мы увидим, рассматривает религию как отчаяние магии. Согласно его теории, человек, изначально не имевший религии и веривший в магию, на собственном опыте убедился, что магия на самом деле не может управлять погодой и запасами пищи. Поэтому человеку приснилось, что "существуют другие существа, подобные ему, но гораздо более сильные", которые, невидимые, контролируют то, с чем не может справиться его магия. "Этим могущественным существам ... теперь человек обратился к самому себе ... умоляя их о милосердии снабдить его всеми благами...."[2]

Но никто не умолял Андуаньи что-либо предпринять. У канадцев "не было метода или формы молитвы к нему".[3] Следовательно, Андуаньи был изобретен не потому, что магия потерпела неудачу, и поэтому об этой великой силе мечтали, и к его милосердию обращались с молитвами о добрых делах. Андуаньи эволюционировал не таким образом, потому что никто не молился ему в 1558 году, и у нас нет оснований полагать, что кто-либо когда-либо это делал.

Из каждой части земного шара, но преимущественно из среды очень низкая дикие и варварские расы, существование мощных существ как Andouagni, но, подобно ему, не обращался в молитве, но редко так обращался, сообщает путешественники из многих рас, возрастов, вероисповеданий и профессий. Существование веры в таких существ, к которым часто не обращаются с молитвой или жертвоприношением, является фатальным для нескольких современных теорий происхождения и эволюции религии. Но эти факты, основанные на лучших доказательствах, которые может предложить антропология, и подтвержденные непреднамеренным совпадением свидетельств со всех сторон, - это не то, что хочет найти большинство изучающих эту науку. Поэтому эти факты игнорировались или поспешно замалчивались, или же верования приписывались европейскому или исламистскому влиянию. Тем не менее, во-первых, христиане или исламисты, имея бога, которого они представили, представили бы ему молитву, а молитвы во многих случаях нет. Далее, в случае с Андуаньи, какое миссионерское влияние могло существовать в Канаде до 1558 года? В-третьих, если бы миссионеры, любители или профессионалы, были в Канаде до 1558 года, они были бы католиками и представили бы не Творца, к которому никогда не обращались в молитве, а кресты, четки, Мадонну, Святых и такие католические обряды, которые оставили бы материальные следы.

Несмотря на все эти очевидные соображения, я не знаком ни с одной книгой об этой фазе религии дикарей и едва ли знаю какую-либо книгу, за исключением "Примитивной культуры" мистера Тайлора, в которой четко изложены факты.

Позвольте мне повторить, что доказательства фактов носят наилучший характер, который может предоставить антропология, поскольку они основаны на свидетельствах, непреднамеренно совпадающих, данных из большинства частей света людьми самого разного образования, вероисповедания и предубеждений. Противоречивых свидетельств, отрицающих существование верований, также предостаточно: к таким вечным противоречиям свидетельств антропология должна прийти со своим умом. Мы можем только проверять и исследовать в каждом конкретном случае предвзятость свидетеля, если у него есть предвзятость, и его возможности приобретения знаний. Если вера действительно существует, она редко может подтверждаться, или вообще никогда, материальными объектами, такими как идолы, алтари, жертвоприношения и звуки молитв, поскольку такому существу, как Андуньи, не молятся и не умилощивляют: одно из доказательств того, что он не христианского происхождения. Таким образом, у нас мало что есть, кроме сообщений европейцев, близко знакомых с народами, дикими или варварскими, и, по возможности, с их языком, которые могут служить доказательством существования веры дикарей в высшее существо, творца вещей.

Этот факт предостерегает нас от осторожности, но иногда у нас есть такие свидетельства, которые предоставляют европейцы, посвященные в тайны религии дикарей. Однако нашим лучшим доказательством существования этой возвышенной, обычно пренебрегаемой веры является совпадение свидетельств спутников Колумба и первых торговцев, посетивших Америку, с свидетельствами мистера А. У. Ховитта, *миста* австралийской Элевсини или последних путешественников среди фангов, отдаленных племен масаи и других едва "зараженных" рас.[4]

Если мы можем привести, по крайней мере, доводы для рассмотрения в пользу этой неутилитарной веры в божество, к которому не обращаются с молитвой или жертвоприношением, мы также выдвигаем предположение против теории о том, что боги были изобретены в отчаянии от магии как силы, из которых можно получить что-то полезное: силы, дающие в дар хорошие вещи, вещи, в которые люди перестали верить, что они могут получить их с помощью собственного магического механизма. Сильные первобытные боги, не испытывающие раздражения от молитвы, не были изобретены как получатели молитвы.

Игнорировать эту главу ранней религии, отмахиваться от нее как от ткани заимствованных идей — хотя ее существование засвидетельствовано первыми европейцами на месте, а за ее оригинальность ручается само отсутствие молитвы, и такими наблюдателями, как мистер А. У. Ховитт, мисс Кингсли и сэр А. Б. Эллис, которые предложили, но отказались от теории "богов-заимодавцев", — ненаучно.

Мои собственные ранние чтения в "Ранней религии" не познакомили ру с этой главой "Книги верований". Когда я впервые заметил пример этого в отчетах бенедиктинской миссии в Нурсии, в Австралии, я подумал, что в 1845 году миссионером, приславшим отчет, была допущена какая-то ошибка.[5] Но позже, когда я начал замечать совпадение свидетельств из многих кругов, из многих эпох, тогда я не мог скрыть от себя, что эту главу необходимо прочитать. Это противоречит нашим распространенным теориям о происхождении богов из почитаемых духов предков: считается, что создатель вещей, к которому, как правило, не обращаются с молитвой, существует там, где, как сообщается, не поклоняются духам предков. Но наука (в других областях) специально изучает исключительные случаи, противоречивые примеры и все то, что кажется не согласующимся с ее теорией. В данном случае наука обратила внимание на то, что

противоречит ее теории, и объяснила это предвзятостью репортеров, ошибкой репортеров и теорией заимствования. Но такое совпадение в искаженных сообщениях - опасная вещь для антропологии, поскольку это наносит ущерб ее доказательствам в целом. Опять же, теории заимствования, по-видимому, противоречат ранние даты многих сообщений, сделанных до прибытия миссионеров, и секретность, в которой дикари часто скрывают свои верования, а также отсутствие молитв к самому могущественному существу.

Мы все от природы склонны настаивать на идее, которая пришла к нам неожиданно и, как оказалось, была подтверждена более широкими исследованиями, и, возможно, прежде всего, которая противоречит текущему научному мнению. Мы обожаем относительно новую идею; пусть это будет происхождение мифологии в "языковой болезни"; или огромное религиозное значение тотемов; или наша теория происхождения тотемизма; или огромная роль, которую играют в религии боги растений. Мы настаиваем на слишком исключительной идее; мы находим ее там, где ее нет — на самом деле, мы очень человечны, очень ненаучны, очень склонны заикливаться на одной идее. Еще более естественно, что в этом свете на нас должны смотреть наши братья (*мы всегда на высоте!*), чьи собственные системы окажутся под угрозой, если удастся утвердить нашу любимую идею.

Я рискую на такую интерпретацию, продолжая утверждать— что глава об отлученных или непокоренных высших существах в "Ранней истории религии" заслуживает прочтения. Не сокращать его страницы, продолжать создавать системы, как будто его не существует, - это, осмелюсь думать, не совсем научно и граничит с суеверием. Ибо строить и защищать теорию, не обращая пристального внимания на то, что может поставить ее под угрозу, - это как раз вина суеверного кхонда, который привык удобрять свое поле большим пальцем или куском мяса с бока человеческой жертвы и не пробовал засеивать поле без куска человеческого мяса, чтобы посмотреть, каковы будут сравнительные урожаи. Или наука такого рода подобна Дон Кихоту, который, пробив свой шлем одним экспериментальным ударом меча, починил его, но больше не испытывал.

Как и другие мученики науки, я должен ожидать, что меня сочтут назойливым, занудой, сторонником одной идеи, и эта идея неправильная. Возмущаться этим значило бы демонстрировать большой недостаток юмора и полное незнание человеческой природы. Между тем, я собираюсь позволить себе критиковать некоторые недавние гипотезы в области религиозного происхождения в интересах антропологии, а не ортодоксии.

[1] *Золотая ветвь*, i. xxi., 1900.

[2] *G. B.* i. 77.

[3] Тайлор, *Прим. Культ.* ii. 309, цитирующий Теве, "*Особенности антарктической Франции*", Париж, 1558, гл. 77.

[4] *Журнал Антропологического института*, октябрь-декабрь 1900 г. и N.S. II., № 1, 2, стр. 85.

[5] Макс Мюллер, *Лекции Хибберта*, стр. 16.

II.

ТЕОРИЯ ЗАИМСТВОВАННЫХ БОГОВ, ИЛИ ЗАИМСТВОВАННАЯ РЕЛИГИЯ

Изучению истоков религии препятствует невозможность получения исторических свидетельств по этому вопросу. Если мы исследуем религиозные верования существующих рас, самых низших в материальной культуре, лучших представителей человека эпохи палеолита, мы все еще далеки от истоков человеческих умозрений и верований. Человек, должно быть, начал размышлять о происхождении вещей, как только стал разумным животным. Если мы посмотрим на изолированное и отсталое племя Центральной Австралии, арунта, то у нас будет преимущество, возможно, перед лучшим и наиболее тщательным научным исследованием, когда-либо проведенным об этой расе, - книгой мистера Дж. Спенсер и Гиллен.^[1]

Здесь мы наблюдаем за людьми, настолько "примитивными", что, как говорят, они совершенно не осведомлены о естественных результатах союза полов в плане потомства. Тем не менее, основываясь на том же авторитете, это племя разработало сложную и, при наличии предпосылок, научную и адекватную теорию эволюции нашего вида и природы жизни. Первоначальный запас духов постоянно перевоплощается; духовные родословные сохраняются записями в форме овальных украшенных камней, и кажется, что мужчина или женщина наших дней могут быть идентифицированы как воплощение души, чьи приключения в более ранних воплощениях можно проследить до Альчеринги, или мифической героической эпохи народа. Их законы о браке уже опережают законы их соседей, урабунна, и их единственная магистратура, ограниченная и конституционная, передается по мужской линии.

Таким образом, арунта в социальном плане опережают пиктскую королевскую семью Шотландии, чья корона передавалась по женской линии, и ни одному королю не наследовал его сын. Очевидно, что религиозные или нерелигиозные идеи такого народа, раздетого, бездомного, не знающего металлов и сельского хозяйства и не имеющего домашних животных, какими бы они ни были, должны быть идеями, имеющими за собой долгую историю. Философия Арунты - это особая философия, разработанная вдумчивыми людьми и разработанная так искусно, что, кажется, в ней нет места ни для бога, ни для идеи будущей жизни, кроме жизни последовательных перевоплощений. Поэтому мы не можем утверждать, что человечество в целом начало свой спекулятивный путь с уникальной и, по-видимому, безбожной философии Арунты. Их рабочая наука - симпатическая магия; о Великом Духе, с оттенком веры в которого им приписывают, не говорят, что они молятся; и он, по-видимому, является либо изобретением старших с целью поддержания порядка среди младших и женщин, либо существом изначально более высокого характера, вера в которое угасла среди взрослых. К нему мы вернемся в другом эссе.

Поскольку историческая информация о ранней или поздней эволюции идеи высшего (если не сказать всевышнего) существа, таким образом, недостижима, мыслители как древних, так и современных вывели идею Бога из идеи призрака. Предполагается, что представление о могущественном духе умершего отца, которому поклоняются его дети, постепенно возросло до могущества бога. Против этой теории я в другом месте настаивал на том, что высшие существа встречаются среди рас, которые не поклоняются духам предков; и снова, что эти высшие

существа рассматриваются не как духи, а скорее как сверхъестественные люди, обладающие неограниченной властью (идея, часто противоречащая как в дикой, так и в греческой мифологии) и неограниченной продолжительностью жизни.

Ответ мне принимает форму игнорирования или опровержения доказательств или утверждения, что эти высшие существа являются "заимствованными богами", позаимствованными дикарями у европейцев или исламистов. Именно ко второй теории, согласно которой эти дикие высшие существа являются замаскированными заимствованиями у миссионеров, исследователей, торговцев или скваттеров, я сейчас обращаюсь.^[2] Эти существа, безусловно, создают трудности для философии, которая выводит богов, в конечном счете, из призраков.

Вероятно, что эти трудности в течение некоторого времени приходили в голову мистеру Э. Б. Тайлору (говоря о столь знаменитом ученом, можно отказаться от академических титулов). Когда мистер Тайлор опубликует Лекции Гиффорда, которые он читал несколько лет назад в Абердине, мы узнаем его зрелый взгляд на эту проблему. Тем временем он показал, что трудность, бог там, где бога быть не должно, преследует его размышления. Например, последнее издание его "Первобытной культуры" (1891) содержит, как мы покажем, интересные модификации того, что он написал во втором издании (1871).

Есть три способа, с помощью которых сторонники современной теории о том, что боги - это взрослые призраки, могут попытаться выйти из своего затруднительного положения. (1) Низшие расы с высшими богами *выродились*, и их божество является пережитком более высокой стадии утраченной культуры. Мистер Тайлор, однако, конечно, знает слишком много, чтобы считать австралийцев каменного века дегенератами. (2) Доказательства неверны или (о. Мюллер) принадлежат предвзятым миссионерам. Но мистер Тайлор знает, что некоторые доказательства превосходны и, в лучшем случае, не основываются на свидетельствах миссионеров. (3) Высшие боги низших рас заимствованы из миссионерского учения. Этой линии придерживается мистер Тайлор.

Недавно в "Создании религии" (1898) я указал на множество трудностей, с которыми сталкивается современная теория. Поэтому я был встревожен, узнав, что мистер Тайлор добывал почву в соответствии с моей собственной гипотезой. Его теория заимствования (которая взорвала бы мою до небес, если бы она взорвалась) изложена мистером Тайлором в эссе "Пределы религии дикарей", опубликованном в "Журнале Антропологического института" (том xxi, 1892). Я предлагаю изучить работу мистера Тайлора и показать, что его собственные свидетели демонстрируют нерожденный и оригинальный характер богов, о которых идет речь.

Мистер Тайлор сначала выступает против расплывчатого популярного представления о том, что по всей Северной Америке индейцы верили в существо по имени *Китчи Маниту*, или "Великий Дух", - представления, которое я не защищаю. Он говорит: "Историческим свидетельством является то, что Великий Дух принадлежит не необразованному, а тренированному разуму дикаря и сохранен для нас в записях самих наставников, иезуитских миссионеров Канады".^[3] Теперь, что касается слова "дух Маниту", мистер Тайлор цитирует Le Jeune (1633): "Я думаю, под этим словом "Маниту" они понимают то, что мы называем ангелом или каким-то могущественным существом".^[4] Еще раз: "Горцы дают название "Маниту" всему, хорошему или плохому, что превосходит человека. Поэтому, когда мы говорим о Боге, они иногда называют Его "Хорошим Маниту", в то время как когда мы говорим о дьяволе, они называют его "Плохим Маниту"."^[5] Когда затем, девяносто лет спустя, в 1724 году, Пер Лафито расширяется на

"Великом Духе", "Великом Маниту", мы должны увидеть, что за девяносто лет термин, который индейцы использовали для обозначения *нашего* Бога — их перевод *le bon dieu* — прижился, акклиматизировался и процветал. Лафито, по словам мистера Тайлора, также заменил гуронское слово, обозначающее дух, *oki*, на *Okki* с большой буквы O, которое он называет *Le Grand Esprit*. Это возвышение произошло исключительно благодаря Лафито и другим христианским учителям. Если все это принять во внимание, то все это на самом деле далеко не доказывает, что идея благотворного Творца была заимствована индейцами у иезуитов между 1633 и 1724 годами. Собственная книга мистера Тайлора "Примитивная культура" позволяет нам исправить это мнение. Здесь он цитирует капитана Смита из издания "Истории Вирджинии" 1632 года. Смит начал колонизировать Вирджинию в 1607 году. Он говорит (издание 1632 года): "Их главный бог, которому они поклоняются, - дьявол. Его они называют Оки (*Okki*) и служат ему скорее из страха, чем из любви". М-р Тайлор цитирует это как высказывание "полуобразованного и полностью предубежденного европейца" о "диких божествах, которые, с его точки зрения, кажутся полностью дьявольской природой". "Слово *оки*, - продолжает м-р Тайлор, - очевидно, означает "то, что выше", и на самом деле было общим названием духа или божества".[6]

Тогда (в 1607 году, до прихода миссионеров) главным божеством виргинцев с его храмами и изображениями было существо, чье имя, по-видимому, означало "то, что наверху". Более того, отец Бребеф (1636) описывает *оки* на небесах, который управляет временами года, внушает страх и санкционирует договоры.

Следовательно, Лафито в 1724 году впервые не превратил *оки*, духа, в *Окки*, бога. Это было сделано в Вирджинии задолго до прибытия миссионеров самими туземцами, задолго до 1607 года. Для этого у нас есть свидетельство Смита, и мистер Тайлор цитировал его, еще до прибытия иезуитов. Что еще более соответствует цели, Уильям Стрейчи, преемник Смита, писавший в 1611-12 годах, сообщает нам, что Океус (так он произносит это слово) был всего лишь наместником "великого Бога (говорят им священники), который управляет всем миром и заставляет солнце светить, создав солнце и луну со своими спутниками"... [его] они называют Ахоне. Добрый и миролюбивый Бог не требует таких обязанностей [которые выплачиваются Океусу], и ему не нужно приносить жертвы, ибо он желает им всего хорошего. "У него нет образа.[7] Стрейчи отмечает, что местные священники яростно сопротивлялись христианству. Они, конечно, не заимствовали ни Океуса, ни Ахона, благодетельного Творца, не приносящего жертв, у иезуитов, которые еще не прибыли.

Нужны ли нам дополнительные доказательства? Если да, то вот они. Говоря о Новой Англии в 1622 году, Уинслоу пишет о боге Кихтане как о существе, пользующемся древним уважением у местных жителей. Он "создал всех остальных богов; он обитает далеко на западе, над небесами, куда попадают все хорошие люди после смерти". Так сам мистер Тайлор (*лок. цит. по.*) резюмирует Уинслоу и цитирует: "Они никогда не видели Китана, но они считают великим долгом, чтобы одна эпоха учила другую". И в его честь они устраивают пиры, плачут и поют о изобилии, победе или о чем-нибудь хорошем".

Таким образом, Кихтан в 1622 году был не только относительно верховным богом, но и богом древнего положения. Поэтому заимствование у миссионеров было невозможно.

Затем мистер Тайлор добавил в 1871 году: "Этимология Бринтона правдоподобна, что этот Кихтан - просто Великий Дух (Киттанитовит, Великий Живой Дух, алгонкинское слово,

составленное из Китта = великий, маниту = дух, завершение, остроумие, обозначающее жизнь)".

Но всю эту этимологию мистер Тайлор опустил в своем издании 1891 года, вероятно, больше не считая ее правдоподобной.

Однако в 1891 году он сказал (ii. 342): "Другое известное индейское имя Верховного Божества - Оки".

Не довольствуясь Океусом с большой буквы "О" и всем прочим до прибытия миссионеров; не довольствуясь Киетаном, этимология которого (в 1871 году) "по-видимому" означает "Великий Дух", до прибытия иезуитов в Новую Англию, мистер Тайлор в "Примитивной культуре" добавляет к этим божествам "гренландцев" Торнгарсук, или Великий Дух (его имя является дополнением к "торнгак", "дух" [в 1891 году "демон"]): "до прибытия миссионеров! Ибо, говорит мистер Тайлор, "он не кажется фигурой, происходящей из религии скандинавских колонистов, древней или современной.... Он настолько четко занимал свое место как верховное божество в сознании аборигенов, что, как утверждает миссионер Кранц, многие гренландцы, слыша о Боге и Его Всемогущей силе, были склонны прийти к мысли, что речь идет об их Торнгарсуке." [8]

Теперь, в 1891 году, мистер Тайлор исключил, что "он, по—видимому, не является фигурой, происходящей от религии скандинавских колонистов, древней или современной", и добавил, что позже Торнгарсук был отождествлен не с нашим Богом, а с нашим Дьяволом: слабая черта, я могу сказать, — как сказал мистер Тайлор о капитане Смите и Оки - "полуобразованного и полностью предубежденного европейца". Что касается алгонкинских индейцев, мистер Тайлор процитировал отца Ле Жена (1633): "Когда миссионер говорил им о всемогущем создателе неба и земли, они начали говорить друг другу "Атахокан, Атахокан". Но его имя стало презрительным, и глагол "*Нуматахокан*" означал "Я рассказываю старую причудливую историю". В 1558 году Тевет приписывает канадским индейцам веру в "создателя" андуаньи, к которому не обращаются с молитвами. Ни одно из этих существ не могло быть заимствовано у европейцев. Сейчас будет видно, что между 1871 и 1892 годами мистер Тайлор стал скептически относиться к записям о Великом Духе в Америке. Но он сохранил Оки в смысле Верховного Божества.

Итак, здесь, от Виргинии до Гренландии, мистер Тайлор представил в 1871 году доказательства существования существа высшей силы, названного именами, которые, возможно, означают "Великий Дух". В своем эссе 1892 года он не ссылается на свою более раннюю работу и приведенные там доказательства существования Великого Духа и не говорит нам, почему он изменил свое мнение. Теперь он приписывает Великий Дух миссионерскому влиянию. Естественно, мы спрашиваем, в каком отношении он счел ранние свидетельства, на которые он ранее опирался, не имеющими ценности. Мистер Тайлор в "Примитивной культуре", [9] дает еще более раннюю ссылку на создателя из Вирджинии, чем другие. Он цитирует Гериота (автора 1586 года). И снова: "Они верят в того, кто сотворил все сущее, но не воздают ему почестей", - пишет отец Л'Алеман в 1626 году в регионе, где "я никогда не был сторонником религии".

В 1871 году мистер Тайлор сказал: "Считалось даже, что вся доктрина о Великом Духе была заимствована дикарями у миссионеров и колонистов. Но эта точка зрения не выдерживает критики. Сделав должную поправку на неправильный перевод ответов дикарей и заимствование мыслей белых людей, вряд ли можно судить о том, что божественное существо,

характеристики которого настолько непохожи на то, что могло бы предложить европейское общество, и о котором слышали такие ранние исследователи среди таких отдаленных племен, могло быть божеством иностранного происхождения.^[10] В 1891 году "эта точка зрения не выдерживает проверки. "удален - почему?" — и божество, как нам говорят, *"вряд ли* могло быть полностью иностранного происхождения". Его не могло быть, когда его обнаружили первые европейские первооткрыватели, и, если бы символ веры был заимствован, молитва к существу была бы заимствована вместе с ним.

Так вот, в своем эссе 1892 года мистер Тайлор, я думаю, никогда не ссылается на свои собственные свидетельства 1873 или даже 1891 года в пользу создателя из краснокожих индейцев, свидетельства более ранние, чем иезуиты (1558, 1586, 1612-16, 1622 и о Жене, 1633). В эссе 1892 года не приводится достоверных свидетельств "о таких ранних исследователях среди таких отдаленных племен" о дикой концепции Творца. Совпадение показаний является самым убедительным из возможных доказательств природы и незарожденного характера этого существа. Такое совпадение, по сути, является для самого мистера Тайлора пробным камнем достоверных показаний. И все же в 1892 году иезуитам принадлежит вся заслуга в том, что они представили эту идею. Было бы интересно узнать, почему ранние свидетельства внезапно стали ненадежными. Очерк 1892 года следует, конечно, рассматривать всего лишь как набросок. И все же нам не терпится узнать причины, побудившие мистера Тайлора оставить вне поля зрения свои свидетельства, хотя и переизданные им всего за год до того, как он выдвинул свой трактат в пользу заимствования у иезуитов. Я перехожу к другому вопросу, по которому я не могу согласиться с аргументами мистера Тайлора.

В своем эссе 1892 года мистер Тайлор датирует легенду о потопе в Мандане не ранее 1700 года. Почему? Потому что Кэтлин (в 1830-1840 годах) нашел железные инструменты, ритуально использовавшиеся в местной мистерии о потопе. Предполагалось, что они представляют инструменты, использованные при изготовлении сосуда, в котором "единственный человек" избежал утопления. Но манданы получили железные инструменты только в 1700 году. Однако, отвечаем мы, у индейцев были каноэ до того, как у них появились железные орудия труда, и в наше время они, естественно, могли использовать железо вместо кремневых инструментов (выброшенных) в Мистериях. Они могли это делать, несмотря на явное предпочтение каменных орудий в ритуалах. Возможно, у них их не было. Здесь следует отметить, что Кэтлин не использует слово "ковчег" (как это делает м-р Тайлор) для обозначения судна "единственного человека". Кэтлин всегда говорит "большое каноэ". Даже если мы признаем (чего мы не делаем), что манданы обязательно заимствовали свою легенду о Потопе у белых, из этого не следует, как утверждает м-р Тайлор, что, поскольку "Великий Дух" появляется в легенде о потопе, он "не может претендовать на большую древность", чем 1700 год. Во-первых, поскольку, согласно более раннему заявлению мистера Тайлора, канадцы, алгонкины, виргинцы, массачусетсцы и гренландцы обладали Великим Духом до того, как началось влияние христианства, манданам, возможно, повезло не меньше. Также не кажется безопасным утверждать, подобно мистеру Тайлору, что если Великий Дух фигурирует в (гипотетически) заимствованном мифе, следовательно, концепция Великого Духа была обязательно заимствована в то же время. То, что более поздние мифы постоянно связываются с ранее существовавшим богом или героем, является общепризнанным фактом в мифологии. Мифологи также не могут утверждать (1), что библейский миф - это модифицированный пережиток дикарского мифа, и (2) что такие естественные и очевидные дикарские мифы, как вылепление человека из глины, происхождение смерти ("грехопадение") и предание о Всемиром потопе,

обязательно заимствованы дикарями из Библии. Это, действительно, порочный круг. Опять же, был ли австралийский и американский миф о расе мудрых птиц, предшествовавших человеку, заимствован из знаменитого хора в "Птицах" Аристофана? Заимствована ли теория эволюции Арунты у Дарвина или их теория реинкарнации - у буддизма? Заимствование идей, по-видимому, выгодно только тогда, когда идеи дикарей более или менее напоминают идеи христианства.

Мистер Тайлор замечает, что принц Максимилиан, знавший манданский язык лучше, чем Кэтлин, не нашел среди них так называемого "Великого маниту". Но он действительно нашел Создателя, чье имя означает "Владыка Земли". Было ли оно позаимствовано у белых? Наконец, в связи с этим, стали бы дикари, которые оставались такими совершенно нехристианскими, как манданы, перенимать у миссионеров только один миф — о Всемирном потопе — и делать его центральной чертой своего национального ритуала? Действительно, такое поведение кажется совершенно невероятным! Нет ничего более консервативного, чем ритуал: это печально известно.

Мы не следуем за мистером Тайлором в Южную Америку. Если наша правота будет доказана его собственными, не отвергнутыми властями, властями Северной Америки, этого для нас достаточно. Мы переходим к Австралии.

Давайте сначала возьмем типичный австралийский случай с Байаме, Пей-а-мэй или байамаи, которые, как в настоящее время утверждает м-р Ховитт и другие, являются моральным созидательным существом многих племен,^[11] и которым служили без жертв в их мистериях. Мистер Тайлор впервые упоминает его как творца у мистера Хораса Хейла, чья книга датирована 1840 годом.^[12] Затем, в 1850 году, уроженец некоторых немецко-моравских миссионеров говорил о Байаме как о существе, которое, согласно их "колдунам или врачам", создало все сущее, но его легко было разозлить, и его можно было умиротворить танцами. Таким образом, он был принят самым известным консервативным классом, классом, наиболее ревниво относящимся к миссионерскому влиянию, - магами. Опустив на данный момент более позднее описание Байаме, увиденного чернокожим приверженцем в видении, мы обратимся к теории мистера Тайлора о происхождении этого бога. Мистер Ридли (который начал свою миссионерскую карьеру в Виктории в 1854 году) дает приятный отчет о Байаме как о творце, создавшем рай для добрых. Согласно мистеру Ридли, мистер Гринуэй обнаружил, что "Байаме" происходит от *baia*, "создавать", и он приходит к выводу, что "с незапамятных времен" черные называли Бога "Создателем".^[13]

Теперь мистер Тайлор спрашивает: "Был ли Байаме, - утверждает он, - около 1840 года такой выдающейся божественной фигурой среди австралийцев, известной им вообще несколькими годами ранее?" Он решает, что до 1840 года Байаме был "неизвестен хорошо информированным (белым) наблюдателям". Это, конечно, не доказывает, что Байаме был неизвестен черным. Что же касается наблюдателей, которых всего трое, то один, осужденный Бакли, несмотря на свои тридцать два года работы с неграми, не представляет никакой реальной ценности. Мы не можем доверять человеку, который так откровенно лгал, говоря, что в Австралии он "ловил лосося на копье"! и часто видел легендарного монстра Буньипа.^[14] Бакли не умел читать, и его книга была составлена неким мистером Морганом из "черновых заметок и меморандумов" ... и с помощью разговора.' Если же, как говорит Бакли, "у них нет представления о Высшем Существо" (стр. 57), мы можем не принимать это во внимание;

представление Бакли о таком существе, вероятно, было слишком возвышенным. Более того, он никогда не упоминает о якобы древних местных мистериях, в одной из которых среди определенных племен раскрывается существо.[15] Следующий хорошо информированный наблюдатель мистера Тайлора до 1840 года, мистер Бэкхаус, квакер, берет свои факты непосредственно от третьего свидетеля, мистера Трелкельда; он признает это в отношении некоторых из них, и в данном случае это верно для всех них.[16] Поскольку Бакли находится вне суда, а Бэкхаус - простая копия мистера Трелкельда, что может сказать мистер Трелкельд? Любопытно следующее. Мистер Трелкельд (1834-1857) не называет Байаме, но говорит о большом сверхъестественном чернокожем человеке по имени Коин, который возносит волшебников на небо, вдохновляет колдунов, разгуливает с огненной палкой и так далее.[17] В его честь мальчикам выбивают передние зубы на этапах инициации.

Как только я прочитал этот отрывок, я понял, что мистер Трелкельд смешивает такого гоблина, которого курнаи называют "Бревин", с верховным Богом Мистерий. В 1881 году, когда мистер Ховитт вместе с мистером Файсоном написал "Камиларой и Курнай", он не знал среди этого племени более высокого существа, чем гoblin Бревин. Но, получив посвящение позже, мистер Ховитт обнаружил, что Богом Мистерий является Мунган-нгаур = "Наш Отец" (это показывает незначительную ценность отрицательных свидетельств). Женщины знают о Бреване, повелителе гоблинов-чародеев, но знания о Мунган-нгауре скрыты от них под страхом ужасных наказаний.[18] Не только я, но и мистер Гораций Хейл (1840) пришел к такому мнению: что Коин - это гoblin, Байаме - бог, как мы увидим. Точно так же, там, где Байаме является верховным, Дарамулун иногда является гоблином или исчадием ада.

Мистер Трелкельд совершенно правильно не использовал имя дьявола Койна как эквивалент слова "Бог" в своем переводе Евангелия от святого Луки на родной язык (1831-1834). Там он использовал слово "Бог Элои" и, без сомнения, делал то же самое в своем учении; он также использовал слово *Джелиовака-бирун*. Ни одно из этих слов не прижилось у черных; ни одно из них не встречается в их традициях. Это слово, хотя и навязанное им, не было ими принято. Это выглядит неуместно для теории заимствования.

Итак, из трех отрицательных свидетелей мистера Тайлора, которые до 1840 года не знали Байаме, ценность представляет только мистер Трелкельд. Как говорит мистер Хейл, мистер Трелкельд был (1826-1857) первым, кто изучил диалекты племен, поклоняющихся байаме, камиларои из долины Веллингтон в штате Виктория. Но откуда мистер Хейл почерпнул то, что цитирует мистер Тайлор, - свои знания о Байаме в 1840 году? Он, американский *ученый*, участвовавший в исследовательской экспедиции, не смог должным образом разгадать эзотерические секреты местных жителей. Я докажу, что мистер Хейл узнал о Байаме от отрицательного свидетеля мистера Тайлора, мистера Трелкельда. Мистер Хейл говорит, что "когда миссионеры впервые приехали в Веллингтон", Байаме поклонялись с песнями. "Был туземец, прославившийся сочинением этих песен или гимнов, которые, по словам мистера Трелкельда, были переданы по наследству" и т.д. Таким образом, мистер Хейл заявляет (мистер Тайлор, вероятно, пропустил замечание мимо ушей), что когда миссионеры впервые прибыли в Веллингтон (где Создателем является Байаме), они нашли там Байаме раньше них![19] Тогда почему мистер Трелкельд не назвал Байаме? Я думаю, потому, что мистер Хейл говорит, что имя Байаме и священный танец были принесены туземцами издалека и (когда он пишет) вышли из употребления.[20] Таким образом, до 1840 года миссионер вывел байаме из Камиларои *байя*, "создавать" (поскольку это теория м-ра Тайлора о происхождении слова "Байаме") и научил

отдаленных туземцев этому имени как слову, обозначающему его собственного Бога; и принесли ли эти обращающие в свою веру отдаленных танцующих туземцев Имя Байаме и танцевать под Веллингтона? Являются ли миссионеры мастерами танцев? Они учили молитве и коленопреклонению или раздавали четки; танцы не являются частью нашей религии. Чтобы продемонстрировать миссионерское влияние здесь, мы должны найти миссионера, а не мистера Трелкельда, который изучал язык камиларой и работал над ним до 1840 года. Такого миссионера не было. Наконец, мистер Хейл противоречит теории Тайлора о заимствовании у белых, хотя мистер Тайлор не цитирует его замечание. Идеи Байаме "возможно" заимствованы у европейцев, "хотя, - говорит м-р Хейл, - огромное нежелание, которое всегда проявляют местные жители, перенимать у них какие-либо обычаи или мнения опровергает такое предположение". Это нежелание заимствовать идеи у белых настолько сильно, что чернокожие центральной части даже не позаимствовали идею о том, что дети являются результатом общения полов! Итак, здесь, в части района, изученной м-ром Трелкельдом в 1826-1857 годах, американский *ученый* (который, несомненно, получил факты от м-ра Трелкельда) свидетельствует о байаме как о недавно привезенном издалека местными жителями, но до прибытия миссионеров, и, скорее всего, заимствованном.

Откуда же тогда взялся Байаме? мистер Тайлор считает, что доказательства "скорее указывают на то, что Байаме - это миссионерский перевод слова "творец", используемого в миссионерских пособиях по чтению Бога". Но к 1840 году, когда Байаме, по общему признанию, стал "такой выдающейся божественной фигурой", работы мистера Трелкельда были единственными переводами и грамматическими трактатами на языке камиларой. Так вот, мистер Трелкельд не переводил "создателя" (или что-либо еще) через "Байаме"; он использовал "Элои" и "Иегова-ка", а у туземцев не было ни того, ни другого слова. В чем же тогда причина, по которой мистер Тайлор утверждает, что до 1840 года (ибо это должно быть до этой даты, если это поможет его аргументации) ни один миссионер когда-либо становился творцом благодаря "Байаме"? Он только что утверждал, что ни один "наблюдатель" тогда не знал имени Байаме, поэтому ни один наблюдатель не мог ввести имя Байаме, которого он не знал; и все же это имя было; мистер Хейл нашел его там. Аргумент мистера Тайлора, по-видимому, заключается в том, что мистер Ридли в 1866 и снова в 1877 годах напечатал выдержки, в которых встречается Байаме = Бог, из "Миссионерских букварей, подготовленных для камиларой". Мы могли бы ожидать, что мистер Тайлор, по крайней мере, укажет даты "Миссионерских букварей", которые, *ex hypothesi*, введенный Байаме до 1840 года. Он не называет дат, а буквари относятся к 1856 году и написаны мистером Ридли, который их цитирует.^[21] Таким образом, они должны быть после Байаме 1840 года, а Байаме был до появления миссионеров в Веллингтоне, в то время, когда мистер Тайлор впервые отмечает его появление. Таким образом, по собственному свидетельству мистера Тайлора, Байаме не является миссионерским ввозом; наоборот.

Что касается Австралии, то мистер Тайлор не отрицает, что практически по всему континенту чернокожие владеют религиозными тайнами признанной древности. Не отрицается, что установление этих мистерий в настоящее время, во многих случаях, приписывается черными моральному творческому существу, чей дом находится на небесах или над ними. Не отрицается, что его имя теперь обычно означает на разных диалектах Создателя (Baïame), Мастера (Biamban) и Отца (Parang, а также многие другие слова). Не отрицается, что учение об этом существе *сейчас* скрыто от детей и женщин и открыто юношам на *Бора*, или мистерии

посвящения.^[22] Но, с другой стороны (как я понимаю, мистер Тайлор), хотя обряды посвящения являются древними (они, безусловно, существовали, когда Дампир достиг австралийского побережья в 1688-1689 годах), имена их инициатора (Отца, Создателя), его моральные качества (?) и его творческие качества - все это связано с миссионерским влиянием. Первоначальный основатель Бора в до-миссионерские времена был бы только мертвым "старостой" или лидером, ныне почитаемым с религиозной точки зрения.

Против этого мы сначала возражаем. Не показано — это отрицает Уэйтц и даже не утверждается мистером Гербертом Спенсером, — что австралийцы "постоянно умилоостивляют" или вообще приносят жертвы каким-либо призракам умерших людей. Как они могут? Имя умершего находится под табу, и даже там, где в одном экземпляре есть одноименное человеческое отчество из племени, это отчество меняется в каждом поколении. Теперь, среди такого народа, поклоняющегося привидениям, как зулусы, наибольшее почитание получает совсем недавно умерший отец. В Австралии, где даже недавние призраки лишены прикрас, вероятно ли, что какой-то отдаленный призрак помнят как основателя древних мистерий? Это выходит за рамки нашего понимания, хотя такого мнения придерживается или, по крайней мере, был придерживающийся мистер Ховитт. Простой институт женского рода среди некоторых из этих племен (хотя отцовство признано) противоречит древнему поклонению предку мужского пола там, где даже сейчас предкам не поклоняются.

Что касается аспекта этого бога, Байаме, мистер Тайлор далее цитирует историю, рассказанную мистеру Ховитту местным жителем, о том, как однажды вместе со своим отцом он проник в духе в дом Байаме и обнаружил, что это "очень великий старик с длинной бородой", а из его плеч растут хрустальные колонны, которые поддерживают небесное свод. Его "люди", птицы и звери, окружали его. Мистер Тайлор говорит: "Эти детали, как следует заметить, в некоторых отношениях носят очень туземный характер, в то время как в других напоминают традиционные христианские представления о Всемогущем".

"Христианская" идея - это, естественно, идея старика Блейка и "старика с бородой" Микеланджело—Хартли Кольриджа. Вероятно ли, что дикари видели какие-либо подобные изображения? Опять же, разве представление о Байаме как о старике не естественно для расы, где уважение к возрасту регулярно прививается в мистериях и преобладает на практике? "Среди камилароев Бундурры Туррамулан [другое имя этого или низшего бога] представлен [на мистериях] стариком, сведущим во всех законах".^[23]...

Еще в 1798 году Коллинз обнаружил, что туземное слово, обозначающее "отец" в Новом Южном Уэльсе, использовалось чернокожими как почетный титул по отношению к губернатору зарождающейся колонии.^[24] Оно используется сейчас во многих туземных племенах как имя их Высшего Существа, и мистер Тайлор считает, что оно миссионерского происхождения. Очевидно, что эта идея возраста и отцовства у почитаемого существа близка туземцам, проиллюстрирована в их законах и обычаях, не нуждается в заимствовании и скорее неизбежна. Мы можем добавить, что видение Байаме было рассказано мистеру Ховитту местным коллегой-посвященным. Лгать в таких случаях - "неслыханная вещь", - говорит мистер Ховитт. Видение было результатом всемирной практики созерцания кристаллов. Отец провидца вручил ему кристалл. "Когда я взглянул на это", - говорит рассказчик, - "мне явились всевозможные видения, включая видение Байаме".^[25]

Мы думаем, очевидно, что когда туземцы приписывают Байаме атрибуты отцовства и древности, им нет необходимости заимствовать из христианского искусства понятия, столь естественные, более того, столь неизбежные на их собственном этапе развития общества. Хотя во многих случаях они считают родство через женщин, они, несомненно, признают фактическое отцовство. Таким образом, отцовский титул не нужно было заимствовать как слово почтения. Так было до прихода миссионеров.

Мистер Ховитт, глубоко посвященный, пишет: "За сводчатым небом лежит таинственный дом того великого и могущественного существа, которое называется Бунджил, Байаме или Тарамулан на языках разных племен, но которое во всех известно под именем, эквивалентным единственному, которое используют курнаи, - Мангун-нгаур, наш Отец".[26]

Теперь, чтобы не умножать свидетельства, предоставленные другими наблюдателями относительно Центральной Австралии (не такой центральной, как страна Арунта) и Севера, мистер Тайлор сталкивается с такой проблемой: все ли племена, считающие могущественное существо, Байаме или другое, основателем своих древних мистерий, заимствовали его имя и атрибуты примерно с 1840 года у белых, с которыми они постоянно находились во враждебных отношениях? Возможно ли, что, гипотетически переняв у христиан представление о нравственном Отце небесном, их "священники" и инициаторы немедленно распространили эту идею по большей части континента и внедрили ее в свои самые тайные и консервативные церемонии? М-р Доусон в своей книге "Аборигены Австралии" (стр. 51) пишет: "Недавний обычай обеспечивать его (труп) едой высмеивается интеллигентными старыми аборигенами как "окорок белых товарищей"! "Так они оценивают новшества! И все же, согласно теории мистера Тайлора, именно самый консервативный класс из всех, знахари и ученые старейшины - повсюду соперники и оппоненты христианской доктрины, — подхватывают европейскую идею о добром, могущественном отце или учителе, заимствуют для него миссионерское имя (мы показали, что имя Байаме не миссионерского происхождения) и вводят его именно в сокровенное сердце мистерий. Это знание скрывается под страхом ужасных наказаний от женщин и детей: с какой целью? Обучают ли миссионеры только старых баранов в стаде и пренебрегают ли овцами и ягнятами? Очевидно, что женщины и дети должны знать какие-либо секреты божественных имен и атрибутов, переданных миссионерами. Опять же, маловероятно, что, недавно позаимствовав новую идею у белых, черные стали бы тщательно скрывать ее от ее авторов, европейцев. Это так хорошо спрятано, что до тех пор, пока он не прошел формальное посвящение, мистер Ховитт и не подозревал о его существовании.[27]

Мистер Тайлор может придерживаться своей гипотезы о заимствовании, но по указанным причинам мы считаем это невозможным в наших и его избранных североамериканских примерах и немыслимым в качестве объяснения австралийских явлений.

Наконец, мистер Тайлор откровенно приводит случай, в котором мистер Доусон, приложив большие и признанные усилия для сбора доказательств, узнал от чернокожих, что они верили в доброжелательное существо Пирнмехил, "чей голос подобен грому", "до того, как они узнали о существовании европейцев", которые "внушили им страх перед Пирнмехилом".[28] Мы добавляем свидетельство м-ра Ховитта о высшем существе, правящем "от Омео до реки Шоулхейвен, от побережья до Ясс Гундагая", относительно которого "старики упорно утверждали, что так было до прихода белых людей", сами они, ныне состарившиеся, узнали секрет только тогда, когда были инициированы "и стали мужчинами" примерно в

четырнадцатилетнем возрасте.[29] В том же эссе 1885 г.[30] Мистер Хоуитт рассказывает о туземце, чей дед посвятил его во всевидящую личность, Бунджила, "там, наверху", который отметил бы его поведение. "Это было сказано до того, как белые люди пришли в Мельбурн" (1835). Бунджил, по словам чернокожего Уильяма Бейрука, назывался "отче наш" "до того, как белые люди пришли в Мельбурн".

Я мог бы привести другие доказательства в пользу исконного характера австралийской веры в некое такое существо, как Байаме. Таким образом, миссис Лэнглох Паркер, тщательный собиратель "Австралийских легендарных сказаний", [31] сама интересовалась этим вопросом. Она подошла к предмету как ученица мистера Герберта Спенсера, который едва ли допускает хоть малейший намек на религию среди австралийцев. Услышав то, что она действительно слышала о Байаме от соплеменников, она спросила одного из них, не была ли эта идея заимствована у европейцев. Старый воин ответил, что если бы это было так, то молодые люди знали бы о Байаме больше всего. Но они ничего не знают, очевидно, потому, что старые обряды посвящения вышли из употребления. Не намного лучше они знакомы и с христианской доктриной. В этом чернокожем человеке была логика. Миссис Лэнглох Паркер, вопреки своим предположениям, пришла к тому же мнению, что и наш лучший авторитет, мистер Ховитт, о том, что австралийская вера не является врожденной.

Эта леди, которая приложила очень много усилий к критике и сбору своих доказательств, любезно прислала мне очерки мистера Мэннинга из "Журнала Королевского общества Нового Южного Уэльса", том xvi, стр. 159, 1883. Мистер Мэннинг был одним из первых поселенцев на северной границе южной колонии. Примерно в 1832 году он был в Европе и познакомился с Гете, чье неослабевающее любопытство, когда ему было тогда около восьмидесяти пяти, побудило его предложить мистеру Мэннингу изучить австралийские верования. Он так и сделал, но потерял свои записи, сделанные в 1845-1848 годах. В этих записях, которые он позже восстановил, мистер Мэннинг использовал христианскую терминологию вместо того, чтобы составлять стенографический отчет. Пораженный, безусловно, необычной дикой идеей о сыне (в одних случаях рожденном, в других - своего рода "эманации") высшего существа, он использовал теологические фразы. Сын, по его рассказу, произошел из жидкости, похожей на кровь, которую Бойма (Байаме) поместил в сосуд внутри хрустальной печи. Миф о таком рождении, как замечает м-р Хартленд, знаком зулусам и краснокожим индейцам.[32] Следовательно, маловероятно, что он европейского происхождения. Но показания мистера Мэннинга, несмотря на их терминологию, пока согласуются с рассказом миссис Лэнглох Паркер о существовании веры Байаме в то, что это "повод для дальнейшего расследования"; поэтому мистер Хартленд соглашается. Я больше ни о чем не прошу.[33] Таким образом, у мистера Мэннинга есть Баллима, у миссис Лэнглох Паркер - Буллима, своего рода цветочный рай для душ, очень красиво описанный в "Других легендарных рассказах Австралии" этой леди.

Оба источника упоминают молитвы за умерших; миссис Лэнглох Паркер цитирует то, что мистер Хартленд называет "очень интересными похоронными обрядами и молитвами за умерших". Он добавляет: "Мы хотим убедиться, являются ли они обычными, посредством точного описания обычных церемоний, которого она нам не дает". Я проведу расследование; но какое это имеет значение, стали ли обряды, ниспровергающие местные обычаи, обычными сейчас или нет? Байаме неизвестен новому поколению, как мы видели. Следовательно, молитвы к нему не могут быть обычными. Дело в том, что мистер Мэннинг в 1845 году и миссис Лэнглох Паркер в 1898 году оба упоминают молитвы за умерших, которые, конечно же, не заимствованы у

протестантов. Существует похожий рассказ, только о неназванном беглом заключенном, который жил с чернокожими в Северо-Западной Австралии.^[34] По мифическому противоречию, душа героя Иирина, о котором молилась в сказке миссис Лэнглох Паркер, теперь обитает в маленькой птичке.

Сторонникам теории заимствования необходимо рассмотреть еще один любопытный момент. М-р Хартленд высказывает несколько заслуженных порицаний терминологии м-ра Мэннинга в своем докладе об австралийской религии (1845-1848 гг.). М-р Мэннинг говорит: "Они верят в существование Сына Божьего, равного ему во всеведении и лишь немного уступающего своему Отцу по каким-либо качествам. Его они называют "Грогорагалли". Его божественная миссия состоит в том, чтобы наблюдать за всеми действиями человечества и возвращать к жизни мертвых, чтобы они предстали перед судилищем своего Отца, который один выносит ужасный приговор о вечном счастье на небесах (Баллима) или вечных страданиях в "Уруме" (ад), который является местом вечного огня (гамби). Сын ... действует как посредник за их души перед великим Богом, которому известны все хорошие и плохие поступки". Как справедливо говорит мистер Хартленд, "это неточный научный отчет". Даже "заглавные буквы" мистера Мэннинга подвергаются порицанию.

Вероятно, местный богослов действительно сказал что-то вроде этого: "Бойма" (Байаме) большой человек; очень волнистый попугайчик. Он сидит на большом стеклянном камне. Его сын Грогорагалли может видеть все и побывать везде. Увидеть человека-волнистого попугайчика, похожего на него; увидеть плохого человека, слишком много дьявольского дьявола. Любит волнистого попугайчика; не любит плохого человека: он слишком много рычит. Волнистый попугайчик умирает, Грогорагалли скажи Бойме; Бойма скажет: "Отведи его в сторону Баллимы, там много волнистых попугайчиков". Плохой человек умирает; Бойма скажет: "Отведи его в другую сторону, там слишком жарко, он там рычит". Грогорагалли, он достаточно силен, но не так силен, как Бойма.

Это или что-то подобное было бы действительным утверждением сумрачного богослова. Это легко передать терминологией мистера Мэннинга; но в то же время местный житель на своем грубом *лингва франка*, или пиджин-инглише, вряд ли мог бы отдать должное его вероучению. Это было его кредо; сам мистер Хартленд признает первоначальный характер местной версии Сверхъестественного Рождения.^[35]

Здесь, безусловно, присутствуют "библейские аналогии", как признает мистер Тайлор, но они, безусловно, не заимствованы.

Теперь давайте представим, что путешественник, а не греческий ученый, прибит штормом к доселе неизвестному острову. Он обнаруживает расу белых людей-язычников. Он описывает их религию. "Несмотря на их многобожие, их, безусловно, посещали христианские миссионеры или они произошли из христианской колонии. Они верят в высшее существо, которого называют Зевсом. У него есть сын по имени Аполлон или Феб Аполлон, который является всезнающим и всевидящим. Он действует как своего рода посредник между Зевсом и людьми, которым, как говорится в одном из местных гимнов, он "передает советы Отца и его безошибочную волю". К этому Аполлону обращаются через истеричную женщину, которая живет в пещере. После судорог, подобно другим диким медиумам, она говорит стихами. Ее советы часто туманны и двусмысленны, но в целом носят моральный характер.

Считается, что этот сын Зевса - единственный бог, который действительно знает будущее и волю своего отца. Есть еще один сын, Гермес, одна из обязанностей которого - приводить души умерших в присутствие их судьи, который не Зевс, а другой бог.

- Есть также сын Аполлона, которого я считаю всего лишь своего рода двойником этого бога; иногда он является своим почитателям в виде змея: его зовут Асклепий.

Это напоминает нам о том, что пишет Уинслоу о краснокожих индейцах Новой Англии. У них есть высшее существо, Киетан, сын которого, Хобамок, появляется на их собраниях в виде змеи. У Ридли есть та же история о черных Австралии. Таким образом, я делаю вывод, что уроженцы этого острова унаследовали или были обучены некоторым элементам христианства, как в случае с Аполлоном, посредником между Зевсом и людьми; и Гермесом, Проводником Душ, как они его называют, *психопомпос* на их языке. Но они смешали все это с унижительными суевериями".

Конечно, наш путешественник прибыл к грекам и цитирует гомеровский гимн Аполлону. Но греки, будучи до христианства, не заимствовали из него, как предполагает наш путешественник. С другой стороны, греческие верования, которые он описывает, больше напоминают австралийские и американские верования, чем австралийские и американские верования напоминают символ веры, которому учат миссионеры. Однако ни мистер Тайлор, ни кто-либо другой из сторонников теории заимствования не утверждает, что австралийцы или американцы позаимствовали свои принципы у Греции.

Истина, по-видимому, заключается в том, что там, где высшее существо считается слишком отстраненным и бесстрастным, ему, естественно, предоставляется заместитель. В Ахоне есть Оки, в Киехтане - Хобамок, в Бойме - Грогорагалли, в Байаме - Тундун или, местами, Дарамулун; в Ньянкупоне, в Западной Африке, есть Бобовисси. Иногда, как в случае с австралийцем Нуреле, эти активные заместители являются сыновьями высшего существа. Не нужно никаких заимствований, чтобы объяснить идеи, столь естественные для древних людей, веривших в высшее существо, далекое и ушедшее на покой, мало озабоченное мирскими делами и действующее через заместителя или заместителей. В других случаях, как в случае с финским нумом, или зулусским ункулункулу, или алгонкинским атахоканом, этим существом совершенно пренебрегают в пользу духов, которым приносят в жертву мясо или жир. Человеческие умы работают в схожем направлении, без заимствований, которые в случае христианства используются только для объяснения верований, которые не соответствуют "теории призраков" современных спекулянтов.

Существенным моментом отчета мистера Мэннинга, каким бы оскорбительным он ни был из-за его невозможной терминологии, является чрезвычайная секретность, поддерживаемая по этим пунктам его свирепыми информаторами. Раньше они верили, что мир погибнет, если женщины услышат об их догмах. Так, мужчина сказал мистеру Хауитту (чьа компетентность в качестве свидетеля неоспорима): "Если бы женщина услышала эти вещи или то, что мы говорим мальчикам, я бы убил ее".^[36] Один из свидетелей мистера Мэннинга забрался "в деревянный камин", откуда он шепотом излагал свои убеждения. До этого он осматривал двери и окна в поисках слушателей. Мужчина, сообщивший об этих верованиях, если бы они стали известны женщинам, был бы вынужден убить свою жену.

Если бы религиозные идеи были заимствованы у миссионеров, женщины знали бы их так же хорошо, как и мужчины. Они не были бы зарезервированы для посвященных в мистерии, благодаря которым мистер Ховитт получил свои самые эзотерические знания о верованиях, о которых в 1881 году он был абсолютно неосведомлен.[37]

Если бы верования имели миссионерское происхождение, то больше всего о Байаме знали бы молодые люди, а не старики. В связи с аналогичными верованиями на северо-западе Центрального Квинсленда я могу процитировать мистера Оба.[38] Существо Мулкари описывается мистером Боттом как "Я" - доброжелательное, вездесущее, сверхъестественное существо; все, что непостижимо". "Мулкари - это сверхъестественная сила, которая творит все, что черные не могут объяснить иначе; он хороший, милосердный человек и никогда никого не убивает". Его дом на небесах. Он также был знахарем, о нем ходят обычные низкие мифы, и он изобрел магию. Так пишет доктор Ботх, который знает местный язык питта—питта и не является миссионером. Доктор Ботх продолжает свои исследования, и его замечания приводятся лишь в предварительном порядке в ожидании подтверждения.

Иногда европейские наблюдатели не видят тенденции в своих собственных отчетах. В 1845 году мистер Эйр описал "происхождение творения", рассказанное ему австралийскими неграми на реке Мурринг. Существо по имени Ноореле с тремя нерожденными сыновьями живет высоко среди облаков. Он "весь" могущественный и доброжелательного характера. Он сотворил землю, деревья, воду и так далее. Он получает души (*ладко* = тени, *умбра*) местных жителей, которые присоединяются к нему в небесах и больше никогда не умрут". Однако мистер Эйр добавляет: "Вряд ли можно сказать, что Божество, Великое Первопричина, признано".[39] Что такое Ноореле, если не "Великое Первопричина"?

Среди некоторых племен бунджил, просто титул власти, означающий хозяина, повелителя, вождя, является именем высшего существа. Множество мифов о Бунджиле, часто нелепых или унижающих достоинство, о существе, проявляющемся как сверхъестественный знахарь, можно найти в великолепных коллекциях мистера Броу Смита.[40] Но никакие доказательства не могут быть лучше, чем свидетельства родной поэзии, что доказывает более высокий аспект Бунджила.

Старинный бард из Войворунга сочинил песню, которая растрогала престарелого певца до слез "меланхолией, которую передали ему слова". Это была "вдохновенная" песня, поскольку местные жители, как и мы, сочли бы Теннисона вдохновенным, а Таппера - нет. Обычно "духи" вдохновляют певцов; эта песня была вдохновлена самим Бунджилом, который ""устремляется вниз", в сердце певца", точно так же, как это делал Аполлон в древности. Это панихида по туземной расе:

Мы идем все!
Кости всех
Сияют белизной.
В этой стране Дулур!
Стремительный шум
Бунджила, нашего Отца,
Поет в моей груди, в
Этой моей груди![41]

Миссионеры не вдохновляют на эти песни. Они записывают их. "Белый человек, - говорит м-р Ховитт, - почти ничего не знает о песнях черных парней". Один из информаторов м-ра Мэннинга (1845) рассердился, когда его попросили спеть гимн Байаме (Booma). Он сказал, что мистер Мэннинг и так слишком много знает.

Я специально остановился на Австралии, потому что там, поскольку местные жители не поклоняются духам предков (имена умерших табуированы), их высшее существо не могло развиваться из поклонения призракам. Я специально избегал свидетельств миссионеров, за исключением ранних иезуитов, потому что некоторые авторы считают миссионеров предвзятыми в этом вопросе, хотя на самом деле по другим пунктам они обильно цитируются антропологами. Поскольку мистер Тайлор считает, что святых и часто принявших мученическую смерть иезуитов 1620-1660 годов стоит процитировать, я поэтому принял свидетельство отца Ле Жена о существовании атахокан до их прибытия в Америку, с помощью Оки отца Бребефа, или "оон Оки", гнева которого бояться и который санкционирует договоры. Для меня невозможно понять, как дикари могли позаимствовать у европейцев верования, которые европейцы обнаружили сохранившимися, когда они прибыли. Я не касался случая Африки. В "Создании религии" (стр. 222-228) я выступал против разработанной сэром А. Б. Эллисом теории заимствования бога в случае рас, говорящих на тши. Я не знал, что именно этот автор отказался от своей теории, которая также была отвергнута мисс Мэри Кингсли.

Что касается Австралии, то перед лицом доказательств (которые разрешили сомнения мистера Ховитта относительно заимствования этих идей) может ли кто-нибудь привести туземца в возрасте и с репутацией, который сказал бы, что Байаме под любым названием был заимствован у белых? Мистер Палмер "совершенно удовлетворен" тем, что "ни одна из этих идей не была заимствована у белых". Он говорит о племенах Карпентарийского залива, действительно далеких от Виктории и Нового Южного Уэльса. Среди антропологов нет большего авторитета, чем Уэйтц, и Уэйтц отвергает гипотезу о том, что высшие австралийские религиозные верования были заимствованы у христиан.[\[42\]](#)

Подводя итог, мы доказали на основании свидетельств 1558, 1586, 1612-16 и 1633 годов, что некое высшее творческое существо было известно в Северной Америке еще до того, как какое-либо миссионерское влияние достигло регионов, где оно преобладало. Что касается австралийского бога Байаме, мы показали устами собственного свидетеля мистера Тайлора, мистера Хейла, что Байаме предшествовал миссионерам в регионе, где впервые встречаются литературные свидетельства о его вероучении. Мы изложили мнение мистера Хейла относительно маловероятности заимствования. Мы поручили мистеру Тайлору найти миссионера, который до 1840 года переводил слово "Творец" на камиларойский "Байаме", показывая при этом трудность — я думаю, невозможность — найти какого-либо камиларойского филолога до мистера Трелкельда. И мистер Трелкельд, конечно же, не представлял Байаме! Мы доказали, что, вопреки теории мистера Тайлора о том, что может сделать миссионер, мистер Трелкельд не мог ввести свои собственные имена Бога, Элои и Иегова-ка, в практику камилароев. Мы отмечаем невероятность того, что высококонсервативные знахари единодушно внедрились европейскую идею в свои древние мистерии. Мы заметили, что по природе теории мистера Тайлора гипотетически заимствованные божественные имена и атрибуты должны были (если они были заимствованы у миссионеров) быть хорошо известны женщинам и детям, от которых их скрывают под страхом ужасных наказаний. Мы продемонстрировали бесполезность отрицательных свидетельств, доказав, что факты были обнаружены при посвящении студентом

(мистером Ховиттом), по общему признанию занимающим первое место, хотя он в течение многих лет не знал об их существовании. Мы показываем, что представления о возрасте и отцовстве как объекте почитания естественны и привычны для австралийских аборигенов и не нуждались в заимствовании. Мы предполагаем, что отсутствие молитвы к могущественному существу фатально для теории заимствования. Мы показываем, что прямые свидетельства местных жителей полностью отрицают заимствование божественных имен и атрибутов и настойчиво утверждают, что до прихода европейцев в Мельбурн (1835 г.) они были раскрыты в тайной доктрине древних обрядов посвящения. Это свидетельство снова развеяло сомнения, которые питал мистер Ховитт по этому поводу, и мистер Палмер и мистер Доусон согласны с мистером Ховиттом, мистером Кидли, мистером Гюнтером и мистером Гринуэем, экспертами, изучавшими чернокожих на месте. В исследовании Уэйтц придерживается того же мнения. Австралийская религия не заимствована.

В антропологических спекуляциях редко затрагивается тема, в которой встречаются поддающиеся проверке даты. Даты прибытия миссионеров и других европейцев, даты книг мистера Хейла, мистера Трелкельда, букваря мистера Ридли - это определенные факты, а не домыслы, витающие в воздухе. Пока этот массив фактов остается неизменным, наука не может логически утверждать, что высшие существа из верований низких дикарей заимствованы у христианских учителей и путешественников. Эта идея опровергается также эзотерической и скрытой природой верований, а также обычным, хотя и не всеобщим, отсутствием молитвы. Опять же, отсутствие молитвы и жертвоприношений доказывает, что боги, которых не подкупали и не умоляли, не были изобретены как могущественные дарители благ, потому что было обнаружено, что блага нельзя получить с помощью магии.

Такое состояние веры - это не то, что ожидает найти европеец, каковы бы ни были его предубеждения. Он не импортирует идеи такого рода. Если все это неверные сообщения из-за недопонимания в Америке и Австралии с 1558 по 1898 год, то какова ценность антропологических свидетельств? Излишне добавлять, что когда хорошие наблюдатели, такие как мисс Кингсли, находят следы иезуитского или другого миссионерского учения в регионах, таких как Африка или Канада, где иезуиты действительно преподавали в прошлом, я принимаю их решение.[43] Мои аргументы против теории заимствования применимы главным образом к случаям, когда первые белые наблюдатели обнаружили, что упомянутые верования уже существовали, к племенам, где миссионеры, подобные мистеру Трелкельду, не могли ввести свои имена для обозначения божества, и к племенам, которые ревниво скрывают свою теологию от белых.

[1] *Уроженцы Центральной Австралии*, Лондон, 1899.

[2] Случай игнорирования доказательств я рассматриваю в следующем эссе, *Магия и религия*.

[3] Указ. соч.. стр. 284.

[4] Le Jeune, *Отношения*, 1633, стр. 17.

[5] *Ibid*.....

[6] *Прим. Культ.* ii. 310.

- [7] *История путешествия в Вирджинию*. Уильям Стрейчи, джентльмен (компаньон капитана Смита). Общество Хаклюит. Дата около.1612-1616. См. *Миф, ритуал и религия*, i. xx-xxxix, 1899.
- [8] *Прим. Культ.* ii. стр. 308.
- [9] *Прим. Культ.* ii. стр. 309, 310 (1873 и 1891).
- [10] *Прим. Культ.* ii. стр. 308.
- [11] Ховитт, *Журнал Антропологического института*, 1884, 1885.
- [12] *Этнология и филология* стр. 110.
- [13] Ридли, *Словари камиларои*, стр. 17 (1875). Также в более ранней Грамматике 1866 года.
- [14] *Жизнь и приключения Уильяма Бакли*, 1852, стр. 40-48.
- [15] Ховитт, Дж. А. И., 1885. Племя курнаи.
- [16] Бэкхаус, *Рассказ о посещении австралийских колоний*, 1843, стр. 555. Сравните Трелкельда, *Австралийский язык*, 1892, стр. 47. Это перепечатка ранних работ мистера Трелкельда 1831-1857 годов.
- [17] *Указ. соч.* стр. 47.
- [18] *Журнал Anthropol. Inst.*, 1885.
- [19] Предполагалось, что он будет жить на острове, питаясь рыбой, которая приплывала по его зову, вероятно, детский ответ на утомительный вопрос.
- [20] *Исследовательская экспедиция США.*, 1846, стр. 110.
- [21] *Гурре Камиларой, или Высказывания Камиларой*. Сидней, 1856. Это небольшая книжечка с иллюстрациями и библейскими историями.
- [22] Ховитт, *Журнальный антрополог. Институт*, см. выше.
- [23] Гринуэй, Дж. А. И. vii. стр. 243.
- [24] Коллинз, *Отчет о колонии Новый Южный Уэльс*, 1798, том ii. стр. 544.
- [25] *J. A. I.* xvi. стр. 49, 50.
- [26] *Указ. соч.*, 1885, стр. 54.
- [27] О сокрытии от женщин и детей см. Howitt, *J. A. I.* xiii. стр. 192.
- [28] Доусон, *Аборигены Австралии*, стр. 49.
- [29] *J. A. I.* xiii. 1885, стр. 142.
- [30] *Указ. соч.* стр. 194.
- [31] Два тома. Натт.

- [32] *Легенда о Персее*, i. 97.
- [33] *Народные предания*, март 1899 г., стр. 55.
- [34] Ридли, Дж. А. И., 1872, стр. 282.
- [35] *Народные предания*, март 1899 г., стр. 52, 53.
- [36] *J. A. I.* том xiv. стр. 310.
- [37] Смотрите его и мистера Фисона "*Камиларой и Курнай*", 1881.
- [38] *Аборигены северо-запада Центрального Квинсленда*, стр. 14, 36, 116, 153, 158, 165.
- [39] *Эйр*, том ii. стр. 355-357.
- [40] *Аборигены Виктории*.
- [41] Составлена из строк дословного перевода с сохранением родной идиомы. Ховитт, *J. A. I.* том xvi. стр. 330, 331.
- [42] *Антропология*, vi. стр. 798.
-

III

МАГИЯ И РЕЛИГИЯ

"Грех колдовства такой же, как грех бунта". Идея, которая вдохновляет этот текст, вероятно, заключается в том, что человек, стремящийся достичь своих целей с помощью колдовства, восстает против божества или божеств, через которых только и следует добиваться этих целей. Колдовство также является оскорблением для официальных священников, которые относятся к ведьме так же, как хирург относится к костоправу, или как геолог относится к "лозоходцу" или водолазу, который пользуется жезлом для гадания.

Магия или колдовство делится на два основных класса. Первый - это магия того типа, которой пользуются люди, которые думают, что вещи, случайно похожие друг на друга, влияют друг на друга. Вы находите камень в форме батата и сеете его на участке для выращивания батата, вы находите камень, похожий на утку, и ожидаете хорошей охоты на уток, пока носите камень в сумке. Точно так же часть влияет на целое; вы сжигаете часть волос человека, и поэтому он заболевает лихорадкой. Имитация работает таким же образом; вы имитируете появление личинок из личинок и ожидаете, что личинки появятся сами.

Вся магия такого рода создается материальными объектами, палками, камнями, волосами и так далее, которые иногда были "зачарованы" песнями, распеваемыми над ними. Среди арунта из Центральной Австралии, во многих отношениях отсталого народа, мы действительно слышим о "злом духе", воздействующем на материальный объект, который был заколдован.^[1] Мы также слышим о духах, которые обучают людей медицинской магии. Но, как правило, магия

материалистична. Это действительно производит эффект внушения: мужчина умирает, а женщина завоевывается, если они знают, что используется магия, чтобы убить или добиться расположения.

Второй вид магии действует с помощью заклинаний, которые заставляют духов или богов выполнять волю мага. Эта магия проявляется в религии, когда магические церемонии являются, так сказать, всего лишь символическими молитвами, выраженными на своего рода языке жестов. Но если идея состоит в том, чтобы наложить ограничение с помощью заклинаний на бога или духа, тогда намерение является магическим и мятежным. Хотя официальный жрец дикого бога может использовать магию в своем обращении к этому божеству, он не волшебник. Ведьмой является неофициальный практикующий врач, точно так же, как некавалифицированный практикующий врач - шарлатан. Точно так же, если служитель церкви был ясновидящим или дальноруким, это было доказательством благочестия и вдохновения. Но если прихожанин-мирянин был близорук, ему или ей грозил костер как ведьме или волшебнику.

Это, вкратце, точки контраста и соприкосновения между магией и религией. Недавно мистер Фрейзер в новом издании своей "Золотой ветви" поднял вопрос о том, не везде ли магия предшествовала религии. Разве люди не пытались добиться погоды и всего остального по своему желанию с помощью магии, прежде чем изобрели богов и молились им о том, чего магия, как они узнали из опыта, не смогла обеспечить"?

Этот вопрос не может быть решен исторически. Если мы обнаружим расу, у которой есть магия, но нет религии, мы не можем быть уверены, что когда-то у нее не было религии, от которой она отчаялась. Однажды я знал человека, который в детстве страдал от зубной боли. Он молился об облегчении: оно не пришло. Он сразу же, примерно в возрасте восьми лет, отказался от религии. То, что может сделать ребенок, отчаявшись в религии, может сделать раса, подобная детям. Следовательно, если мы найдем расу с магией, но без религии, мы не сможем научно сказать, что у этой расы никогда не было религии. Таким образом, относительный приоритет религии или магии не может быть установлен исторически.

Опять же, все зависит от нашего определения религии, если мы хотим строить предположения, довольно воздушные и не основанные на фактах. Мистер Фрейзер определяет религию как "умилостивление или примирение высших над человеком сил, которые, как считается, направляют и контролируют течение природы и человеческой жизни".^[2] Я Но очевидно, что это определение не включает в себя все, что мы обычно подразумеваем. по религии. Если люди верят в могущественное существо, которое изначально создало природу вещей или большинство вещей (меня предупреждают не использовать слово "творец"), то это идея настолько религиозная, что благодаря воображению сверхъестественного агента она удовлетворяет спекулятивную способность. Очевидно, что вера в такое существо является зародышем, из которого могут прорасти идеи долга по отношению к этому существу и привязанность к нему. Никто не может отрицать, что это религиозные идеи, хотя они и не соответствуют определению мистера Фрейзера. Верующих в такое существо, даже если они никогда ни о чем его не просят, нельзя назвать нерелигиозными. В тот период своей жизни, когда Кольридж никогда не молился, он был бы сильно и небезосновательно раздосадован, если бы мистер Фрейзер назвал его нерелигиозным. Человек может верить в Бога и в то же время слишком всецело доверять ему, чтобы обращаться к нему с просьбами о земных благах и

снаряжении. "Да будет воля твоя" может быть его единственной молитвой; и все же у него нет недостатка в религии. Ему не хватает этого только в смысле определения мистера Фрейзера.

Если принять это определение, мистер Фрейзер готов создать отсталую расу, бездомную, без сельского хозяйства, металлов, домашних животных и без религии в понимании мистера Фрейзера. У них есть магия, но у них нет религии, говорит мистер Фрейзер, который вскоре сообщает нам, что 1 первенец каждой женщины был съеден племенем в рамках религиозной церемонии.[3] Итак, у них есть религия, и это кровавая религия.

Этот народ - австралийцы, среди которых "в то время как магия практикуется повсеместно, религия в смысле умиловивления или примирения высших сил, кажется, почти неизвестна".[4] "Никто не мечтает умиловивить богов или духов молитвой или жертвоприношением".

Сейчас мы увидим, что мистер Фрейзер приводит факты, противоречащие его собственному заявлению. Но сначала я должен процитировать все, что он говорит об австралийской религии. "В юго-восточных частях Австралии, где условия жизни в отношении климата, воды и растительности более благоприятные, чем где-либо еще, проявляются слабые зачатки религии в форме слабого уважения к комфорту ушедших друзей. Так, говорят, что некоторые викторианские племена разжигали костры рядом с телами своих умерших, чтобы согреть призрака, но "недавний обычай приносить им пищу высмеивается разумными старыми аборигенами как окорок "белых товарищей"". "[5] Сообщается также, что некоторые племена в этом юго-восточном регионе верят в высшего духа, которого иногда считают доброжелательным, но чаще всего как злобное существо.[6] Бревин, высшее существо курнаи, был сначала идентифицирован двумя разумными членами племени с Иисусом Христом, но, поразмыслив, они решили, что он, должно быть, дьявол.[7] Но независимо от того, рассматривались ли они как боги или дьяволы, не похоже, что этим духам когда-либо поклонялись.[8] Стоит отметить, что в тех же районах, где, таким образом, проявляются зачатки религии, организация общества и семьи также достигла наибольшего прогресса. Причина, вероятно, одна и та же в обоих случаях, а именно, более обильный запас пищи из-за большего плодородия почвы.[9] С другой стороны, в выжженных и бесплодных регионах Центральной Австралии, где магия достигает наивысшего значения, религии, похоже, совершенно не хватает.[10] Следы более высокой веры в Австралии, где они встречаются, вероятно, иногда связаны с европейским влиянием. "Я твердо придерживаюсь мнения, - говорит человек, хорошо знавший аборигенов, - что те, кто написал, чтобы показать, что чернокожие обладали некоторым знанием о Боге, практиковали молитву и верили в загробные награды и наказания, были обмануты, и что до тех пор, пока они не узнали кое-что о христианстве от миссионеров и других людей, у чернокожих не было никаких верований или обычаев подобного рода. Однако, услышав миссионеров, они не замедлили изобрести то, что я мог бы назвать родственными высказываниями с элементами аборигенства, чтобы порадовать и удивить белых".[11] Также иногда вера местных жителей в великого или благого духа, о которой сообщают, может основываться просто на недоразумении. Мистер Лоример Фисон сообщает мне (в письме от 3 июня 1899 г.), что немецкий миссионер мистер Зиберт, проживающий в племени диери в Центральной Австралии, установил, что их Мура-Мура, которого мистер Гасон объяснил как Доброго Духа,[12] - не что иное, как предки из "времен мечты". Есть мура-мура мужского и женского пола — мужья, жены и дети — точно так же, как среди диери в наши дни. Мистер Файсон добавляет: "Чем больше я узнаю о диких племенах, тем больше убеждаюсь, что среди них предки вырастают в богов".

Это все, что мистер Фрейзер может здесь сказать о религиозных верованиях австралийцев. В "музее прошлого" он нашел народ с избытком магии, но без религии, или недостаточно, чтобы повлиять на его теорию о том, что религия повсюду была второй по времени после магии. Я очень рад встретиться с ним на австралийской земле. Там мы находим множество свидетельств существования веры, умозрительной, моральной и эмоциональной, но не практической. Существа этой веры не умиляются жертвоприношением и очень редко молитвой, но они являются творцами, друзьями и судьями. Г-н Тайлор принимает (я думаю) доказательства этих верований в том виде, в каком они найдены в настоящее время, но предполагает, что многие из их характеристик европейского происхождения. Против этой теории я выступал в предыдущем эссе, приводя исторические даты. мистер Фрейзер опускает и игнорирует доказательства в пользу своих убеждений. Он отрицает у австралийцев нечто большее, чем "некоторые слабые зачатки религии", и приписывает "следы более высокой веры", поскольку "вероятно, иногда это связано" (а возможно, иногда так и есть) "с европейским влиянием". В поддержку этой теории цитируется м-р Карр: "Услышав миссионеров, они не замедлили изобрести то, что я называю родственными утверждениями с элементами аборигенства, с целью порадовать и удивить белых".[13]

Чтобы порадовать и удивить белых, туземцы скрывали свою адаптацию христианских идей в мистериях, к которым белые люди очень редко допускаются или были допущены очень редко! Вероятно ли это? Я полагаю, что исключительное правило теперь смягчено, когда местным жителям практически платят за выставку.[14] One Bora находился под европейским покровительством, и старики и дети питались европейскими припасами. Но когда мистер Хоуитт был инициирован курнаи и таким образом впервые узнал тайну их религии, " старики ... пожелали убедиться, что я действительно был полностью инициирован чернокожими братьями Баджерак в их Курингале". Поэтому он удалился в уединенное место, "вдали от возможности присутствия женщины", и продемонстрировал знак своего предыдущего посвящения Мюррингами. До сих пор, "пока курнаи знали меня, все эти особые секреты племени тщательно скрывали от меня, кроме двоих", один из которых теперь был мертв. Самым сокровенным секретом была вера в Мунган-нгаура, "великого Отца племени, который когда-то был на земле, а теперь живет на небе, [он] скорее милосердный отец и добрый, хотя и суровый глава всего племени, чем злобный волшебник, как другие сверхъестественные существа, в которые верят австралийские чернокожие".[15]

М-р Фрейзер цитирует м-ра Ховитта следующим образом: "Сообщается также, что некоторые племена в этом юго-восточном регионе верят в высшего духа, которого иногда считают доброжелательным, но чаще - злобным существом".[16] Что стало с доказательствами мистера Хауитта *после* инициирования Курнаи, доказательствами, опубликованными в 1885 году? Как могут черные изобретать верования в угоду белым, если они раскрывают их мистеру Ховитту только после того, как он изготовит ревуна-быка в знак посвящения? Далее м-р Фрейзер пишет: "Два разумных члена племени сначала отождествили Бревина, высшее существо курнаи, с Иисусом Христом, но, поразмыслив, они решили, что он, должно быть, дьявол". Это цитируется из работы 1881 года, Господа. Книга Файсона и Ховитта "Камиларой и Курнай" (стр. 255). Должно быть, даже от эрудиции мистера Фрейзера ускользнуло, что мистер Ховитт говорит: "Когда я писал о Бреване в своей статье "Некоторые австралийские верования", я не был осведомлен о доктринах Мунган-нгаура. Это курнаи тщательно скрывали от меня, пока я не узнал о них в Джерайле, или мистериях".[17]

Если бы мистер Фрейзер обратил внимание на это замечание мистера Ховитта, он не смог бы процитировать без комментариев или исправлений более раннее и заведомо ошибочное мнение мистера Ховитта о том, что "Бревин" является "высшим существом Курнаи".^[18] К исправлению мистером Ховиттом в 1885 году его ошибки 1881 года, мистер Фрейзер, насколько я заметил, делает никаких намеков.

Мистер Фрейзер, должно быть, либо упустил из виду все доказательства австралийской веры, разрушающей его теорию происхождения религии (разрушительной, если Австралия представляет самые ранние известные стадии религии), либо у него должны быть причины, не представленные, считать все эти доказательства слишком бесполезными, чтобы заслуживать опровержения или даже упоминания. Нам не терпится узнать его мотивы, поскольку по другим вопросам он свободно цитирует наших свидетелей. И все же я не думаю, что мистер Фрейзер неизменно так суров к австралийским доказательствам. У него есть живописная теория о том, что Пасха возникла из-за обряда, во время которого люди в масках ночью бежали по еврейским городам, убивая всех первенцев Израиля.^[19] Ни один человек, восклицаем мы, никогда не делал ничего подобного! В доказательство существования обычая мистер Фрейзер приводит австралийскую параллель: "В некоторых племенах Нового Южного Уэльса первенец каждой женщины съедался племенем в рамках религиозной церемонии".^[20] "Авторитет мистера Фрейзера" - это сообщение мистера Джона Мура Дэвиса, опубликованное в 1878 году, двадцать три года назад, автор: мистер Браф Смит. Вот что говорит мистер Дэвис: "В некоторых частях Северного полушария, таких как Батерст, Гоулберн, Лахлан или Маккуори, *давным-давно* было принято, чтобы первенец каждого лубра съедался племенем в рамках религиозной церемонии, и я вспоминаю чернокожего парня, который, в соответствии с обычаем, был брошен младенцем в огонь, но был спасен и воспитан несколькими скотоводами, которые случайно проходили мимо в то время. Следы ожогов были отчетливо видны на теле мужчины, когда я его увидел...

Свидетельство - это то, что Общество психических исследований называет "отдаленным". В 1878 году событие было уже "давным-давно". Свидетельство получено неизвестно с какого расстояния. Чернокожий страдалец, будучи в то время младенцем, не мог вспомнить эти факты. Присутствовавшие при этом скотоводы не названы, и мы даже не знаем, был ли мистер Дэвис проинформирован ими или услышал их историю из третьих или четвертых рук. Мы не знаем, правильно ли они истолковали предполагаемое жертвоприношение в религиозной церемонии (людьми, которые, как говорят, почти или совсем нерелигиозны) всех первенцев женщин. Мистер Фрейзер распространил запросы относительно австралийских обычаев и опубликовал результаты в "Журнале Антропологического института".^[21] Он не ссылается на ответы в подтверждение из замечательной истории мистера Дэвиса.^[22]

Проникнутый предубеждением к психическим исследованиям, я однажды исследовал знаменитую австралийскую сказку о призраке Фишера (1826). Я послал за судебными архивами (призрак привел к судебному разбирательству по обвинению в убийстве) и получил их, а также современный план места убийства и явления. Эти документы заставили меня усомниться в существовании призрака Фишера.^[23] Могу ли я сказать, что необходимы аналогичные исследования и веские подтверждающие доказательства, прежде чем мы примем рассказ поселенца об австралийском *жертвоприношении*, "давным-давно", как подтверждающий теорию о еврейской *ежегодной резне* всех первенцев? Более того, если доказательства мистера Мура относительно жертвоприношения убедительны, почему последние свидетельства мистера Ховитта и всех других моих свидетелей относительно австралийской религии не

заслуживают упоминания? Почему так плохо, что мистер Фрейзер возвращается к показаниям мистера Ховитта от 1881 года, до того, как он узнал секрет, и умалчивает о показаниях мистера Ховитта от 1885 года?

Мы можем процитировать сэра Альфреда Лайалла: "Одним из результатов накопления материалов стало поощрение спекулятивных обобщений, поскольку это обеспечило репертуар, из которого можно произвольно выбирать примеры и прецеденты, соответствующие любой теории". Избежал ли мистер Фрейзер этой ошибки?

Я не могу думать, что он сбежал, и эта ошибка фатальна. Он цитирует мистера Ховитта, мистера Палмера, мистера Олдфилда, мистера Доусона и мистера Камерона (которых я собираюсь процитировать), все они придерживаются местной религии того типа, за который я борюсь. Их свидетелей ему достаточно в других вопросах, но в данном случае эти свидетели по какой-то причине абсолютно игнорируются. Я сам опустил утвердительные свидетельства мистера Олдфилда и мистера Фольше относительно религии, потому что считаю их искаженными, хотя и частично подтвержденными. Но все мои свидетели, на которые ссылается мистер Фрейзер по другим пунктам, даже не упоминаются в том пункте, где, если их отчеты верны, они, скорее всего, опровергают его центральную теорию — что религия была изобретена в отчаянии от магии.

Что касается этого отчаяния, то его не существует. Религии Вавилона, Греции и Египта жили бок о бок с переизбытком магии. Австралийцы, когда их магия терпит неудачу, просто говорят, что какой-то другой чернокожий парень использует более сильную контрмагию.^[24]

Однако это другой вопрос. Вопрос в настоящее время заключается в том, почему мистер Фрейзер не цитирует и не опровергает показания свидетелей, которых он цитирует по другим пунктам, свидетельства, фатальные для его теории? Почему он игнорирует это? Среди стольких свидетелей, не доверяющих фактам, которые их удивляют, стремящихся объяснить, заимствуя, всех нельзя прикрасить. Если так, то почему показания свидетелей с противоположным уклоном также не дискредитируются или игнорируются? Почему это приветствуется? М-р Фрейзер предпочитает мнение м-ра Зиберта, немецкого миссионера, о том, что диери умилоствляют духов предков, мнению м-ра Гасона, что существо их веры - добрый дух, создавший их. Я не знаю, кто из этих джентльменов прав; возможно, обеих точек зрения придерживаются разные местные информаторы. Но духи предков мистера Зиберта приходят через мистера Файсона, который говорит: "Чем больше я узнаю о диких племенах, тем больше убеждаюсь, что среди них предки превращаются в Богов" — настолько естественный процесс, когда на имена умерших наложено табу!

- О нет, мы никогда не упоминаем их,
Их имена никогда не звучат.

Так они превращаются в богов! Мистер Файсон - спенсерианец; так что, насколько я знаю, пусть им будет и мистер Зиберт. Если это так, то у обоих есть теория и предвзятость, и все же их цитируют. Только свидетели утверждают, что австралийцы, конечно, как правило, не поклоняющиеся предкам, верят в своего рода бога, который не считается достойным упоминания по этому вопросу, хотя вполне заслуживает доверия по другим пунктам.

Я не могу понять этот метод. У историка есть теория. Он ищет противоречивые факты. Химик или биолог не преминут упомянуть факты, враждебные его теории.

Мы не просим мистера Фрейзера принять свидетельство мистера Ховитта, мистера Кэмерона, мистера Ридли, мистера Гринуэя, мистера Гасона, мистера Хейла, архидьякона Гюнтера, бенедиктинцев Нурсии, мистера Доусона, мистера Эйра, мистера Рота, миссис Лэнглов Паркер; или принять мнение Уэйтца, мистера Ховитта и других относительно незанятой австралийской религии. Их показания могут быть ошибочными; когда они будут доказаны, я откажусь от них. Но, возможно, антропологам будет позволено любопытствовать о причинах, по которым это и подобные свидетельства игнорируются. Причина не может заключаться в наличии противоречивых свидетельств, поскольку некоторые наблюдатели отрицают магию в известных им племенах.^[25] Тем не менее, мистер Фрейзер не сомневается в распространенности магии, хотя один из его свидетелей, мистер Фольше, говорит не о магии, а о религии. "Независимо от того, рассматриваются ли они как боги или дьяволы, - говорит м-р Фрейзер о существах Юго-Восточной Австралии, - не похоже, что этим духам когда-либо поклонялись". Он проигнорировал доказательства того, что им поклоняются (если права боры являются культом), но если им не поклоняются, тем хуже для его теории. Боги, по его теории, были изобретены только для того, чтобы им поклонялись. "К этим могущественным существам человек теперь обратился сам.... умоляя их об их милосердии предоставить ему все хорошее...."^[26]

Что касается правоты моих свидетелей, то я знаю только массу свидетельств белых наблюдателей, которые не обнаружили никакой религии среди этих дикарей. Но я не обязательно принимаю отрицательные свидетельства, потому что, как сообщают утвердительные свидетели, эти убеждения должны храниться в строжайшей тайне.^[27] Не каждый исследователь обладает способностью выявлять убеждения, которые по многим причинам ревностно охраняются. Многие англичане или жители Равнин не в состоянии извлечь легенды о феях, призраках и втором зрении из гэльских горцев. С другой стороны, они достаточно любезны, чтобы поделиться со мной множеством своих фольклорных преданий. "Уркусы были очень застенчивы и напуганы, когда их спросили об их религии", - говорит мистер Поуп Хеннеси в своих "Заметках о юкосах и других племенах Средней Бенеи" (1898).^[28]

Таким образом, я предпочитаю положительные свидетельства европейцев, завоевавших доверие австралийцев и прошедших инициацию, отрицаниям менее удачливых наблюдателей. Что касается их теории о том, что религиозные практики, если они существуют, заимствованы у христиан, я изложил свою точку зрения в предыдущем эссе. Не может быть более веского доказательства, чем отсутствие молитвы, того, что австралийская религия не заимствована.

Этот аргумент должен особенно понравиться мистеру Фрейзеру. Его определение религии - это определение Евтифона из одноименного платоновского диалога.

Сократ. Приносить жертву - значит отдавать богам, а благочестие - просить у них?

Евтифрон. Да, Сократ.

Сократ. Значит, с этой точки зрения благочестие - это наука просить и давать?

Евтифрон. Ты прекрасно понимаешь меня, Сократ.

Мистер Фрейзер согласен с Евтифроном. Но если мы обнаружим, что самая отсталая известная нам раса верит в силу, но не умиляет ее ни молитвой, ни жертвоприношением, и если мы обнаружим, как мы это и делаем, что у многих более развитых рас в Африке и Америке именно высшая сила остается непригодной, тогда мы действительно не можем утверждать, что боги были впервые изобретены как силы, которые могли давать хорошие вещи, при получении других хороших вещей, жертвоприношений и молитв.

Здесь сэр Альфред Лайалл согласен с мистером Фрейзером. "Основой естественной религии является... принцип *Делай то, что хочешь*" ("Я даю то, что ты можешь дать"), "и самые остроумные исследования эволюции примитивных идей вряд ли выведут нас за его пределы".[29] Мои "исследования" не претендуют на мою изобретательность. "Это просто вопрос фактов. Есть ли у племен мистера Ховитта представление о силе, очень великой силе, которая заинтересована в поведении, санкционирует поведение, но не просит материальных благ? Имеют ли или имели ли все народы Америки и Африки, которые я процитировал, высшую силу, которая часто не согласовывалась? Если да, то зачем они изобрели этих существ? Конечно, не для того, чтобы поиграть с ними в *"Сделай сам"*. И все же, по мнению сэра Альфреда и мистера Фрейзера, именно эта игра положила начало религии. Факты должны быть упомянуты, должны быть опровергнуты, прежде чем может быть установлена теория *того, что* происходит.....

Даже если мы примем теорию Евтифона и мистера Фрейзера, она сопряжена с трудностями. Религия - это отчаяние перед магией, гласит теория. Высшие умы считают магию неудачной. В результате магии не образуются ни дождь, ни солнечный свет, ни пища. Следовательно, невидимые силы, "подобные ему самому, но гораздо более сильные", изобретены человеком. Они бессмертны, и их просят забрать бессмертный дух человека домой, к ним.[30] И все же они сами смертны.[31] Они настолько зависят от человека, эти существа, которые намного сильнее, что человеку фактически приходится ежегодно приносить им в жертву своих королей, чтобы поддерживать силу этих гораздо более сильных существ.[32] Я готов предположить, как и мистер Фрейзер, очень постепенный процесс эволюции религиозной мысли. Человек начал с того, что счел свою собственную магию всемогущей. Он обнаружил, что потерпел неудачу, "и успокоился, как в тихой гавани после бурного путешествия, в новой системе веры и практики ... замене, какой бы ненадежной она ни была, того"(магического)" суверенитета над природой, от которого он неохотно отрекся". Конечно, он не отрекался, греческая и вавилонская магия особенно печально известны. Но давайте представим себе, что человек на свободе, но постепенно достиг представления о силах, гораздо более высоких, чем он сам. Поначалу у них были очень ограниченные полномочия: они помогали ему, но он должен был помогать им, иногда вплоть до того, что ежегодно убивал своих королей, чтобы сохранить им здоровье. Такова позиция мистера Фрейзера.[33] Но если наши австралийские доказательства верны, эта теория беспочвенна. Вот почему нашими доказательствами нельзя пренебрегать.

Еще одна трудность заключается в том, что чем больше человек должен понимать ошибочность магии, тем меньше он ее понимает. Мистер Фрейзер выбирает арунту из Центральной Австралии как народ, совершенно безрелигиозный, но поголовно маги. Я часто читал рассказ о магии Арунты, написанный господами Дж. Спенсер и Гиллен, но я никогда не обнаруживал, чтобы это включало в себя веру, подобную этой: "Человек-бог ... черпает свою экстраординарную силу из определенного сочувствия к природе". Он определяется не как воплощение бога "порядка, отличного от человека и превосходящего его", а всего лишь как

высший маг там, где большинство людей являются магами. "Он не просто вместилище божественного духа". Нам только что сказали, что он вообще не является вместилищем божественного духа, и мы будем считать, что это так. "Все его существо, тело и душа, настолько настроено на гармонию мира, что прикосновение его руки или поворот головы могут вызвать трепет, вибрирующий во вселенской системе вещей.[\[34\]](#)....'

Но вы напрасно будете искать эту зловещую веру у арунта, которые, не обнаружив ошибочности магии, не изобрели существ, превосходящих человека. За этим чародеем высочайшей магии вам придется отправиться в цивилизацию Японии или к народам Конго, гораздо более цивилизованным, чем арунта.[\[35\]](#) Эти народы, согласно теории мистера Фрейзера, обладали достаточным опытом и интеллектом, чтобы обнаружить ошибочность магии, и имели богов в великом множестве. Но они донесли веру в магию, в волшебника, намного превосходящего своих соседей, до уровня, бесконечно превосходящего Арунту. И все же у арунта нет богов, с которыми можно было бы проводить оскорбительные и неблагоприятные для магов сравнения; говорят, у них вообще нет богов.

Подобно тому, как магия, таким образом, достигает своей наивысшей силы, согласно м-ру Фрейзеру, там, где существует наибольшее религиозное соперничество (в то время как по его теории должно быть наоборот), так и религия наиболее процветает в Австралии, именно там, где, по теории м-ра Фрейзера, обстоятельства наиболее неблагоприятны для религии и наиболее благоприятны для магии. Магия, согласно гипотезе, должна процветать больше всего, ее ошибочность должна быть обнаружена последней, она должна последней уступить место религии, где она кажется наиболее успешной, *инаоборот*. И все же мистер Фрейзер уверяет нас, что в Австралии процветает только магия, где все обстоятельства демонстрируют ее несостоятельность; а религия начинает расцветать именно там, где магия должна казаться ее приверженцам относительным успехом.

Прежде чем рассмотреть это очевидное несоответствие, давайте обратим внимание на непреднамеренное доказательство мистера Фрейзера того, что его нерелигиозные австралийцы религиозны. Одна из составляющих магического дела состоит в том, чтобы вызывать дождь в нужное время года, солнце в нужное время года и, следовательно, обильный запас пищи.[\[36\]](#) Диери из Центральной Австралии особенно нуждаются в превосходной магии. "В засушливый сезон их участь тяжела". Не имея религии, они, конечно, должны были бы действовать с помощью простой материалистической магии, как арунта.[\[37\]](#) Но они, как ни странно, "призывают духов своих далеких предков, которых они называют Мура-Мура, чтобы даровать им силу вызывать сильный дождь", а затем люди, вдохновленные Мура-Мура, творят магию или молятся на языке жестов, как вам заблагорассудится.[\[38\]](#) Итак, Мура-мура, дарующие дождь, согласно свидетельству, опубликованному самим мистером Фрейзером, являются "Добрыми Духами", а не набором духов далеких предков. Свидетель - мистер Гасон, "больше которого" (говорит авторитет мистера Фрейзера, доктор Стирлинг) "ни один человек на свете не был среди чернокожих и не знает больше их обычаев". Если на основании этого превосходного свидетельства австралийские диери призывают дождь к доброму духу, значит, у них есть религия, которую мистер Фрейзер отрицает. Но если г-н Зиберт, немецкий миссионер, прав (а г-н Фрейзер, как мы видели, предпочитает его точку зрения точке зрения г-на Гасона), то Мура-мура - это всего лишь духи предков.

Однако просить помощи у духов далеких предков посредством молитвы - это религия. На самом деле мистер Фрейзер сказал о могущественных существах Южной Австралии: "не похоже, чтобы этим духам когда-либо поклонялись".[39] Но молитва есть поклонение, и диери молятся, будь то доброму духу или духам предков, могущественным в небе и обитающим там. Если это не религия, по собственному определению мистера Фрейзера, а именно "умилостивление или примирение сил, превосходящих человека, которые, как считается, направляют течение природы и контролируют его", то что же такое религия?[40] Однако в Австралии "никто не мечтает умилостивить богов или духов молитвой и жертвоприношением", - говорит наш автор.[41] Тем не менее, они "призывают духов своих далеких предков, которых они называют Мура-Мура, даровать им силу вызывать сильный дождь". После магических церемоний или большого количества молитв на языке жестов Мура-Мура "сразу же вызывают появление облаков на небе".[42] Они видят знамения, которые совершают их поклоняющиеся. Итак, здесь мы имеем дело с молитвой к "силам, превосходящим человека" (будь то к Доброму Духу или к духам предков), и это, по свидетельству, собранному м-ром Фрейзером, происходит в стране, где четырнадцатью страницами ранее он заверил нас, что "никто и не думает умилостивлять богов или духов молитвой и жертвоприношением". Жертвоприношений, к счастью, там нет; диери не опустились до принесения человеческих жертв, как греки.

Место действия - Центральная Австралия, где "месяцами безжалостное солнце палит с голубого и безоблачного неба на иссушенную землю". Следовательно, магия вызывания дождя постоянно терпит неудачу. Следовательно, я полагаю, диери были втянуты в религию, открыв ошибочность магии. Это был бы логичный аргумент, но аргумент мистера Фрейзера противоположен тому, что я предлагаю, и противоречит его теории. Он с сомнением допускает существование возможных слабых "ростков религии" "в юго-восточных частях Австралии, где условия жизни в отношении климата, воды и растительности более благоприятные, чем где-либо еще.... Стоит отметить, что в тех же регионах, где, таким образом, проявляются зачатки религии, организация общества и семьи также достигла наибольшего прогресса. Причина, вероятно, одна и та же в обоих случаях, а именно, более обильный запас пищи из—за большего плодородия почвы".[43] Итак, согласно всей аргументации мистера Фрейзера, признанный провал магии является источником религии.[44] Но в Центральной Австралии, где магия, как известно, наиболее явно не справляется с обеспечением водой и растительностью, магия процветает, за исключением религии, за исключением диери. С другой стороны, в Юго-Восточной Австралии, где магия, если ее практиковать, щедро вознаграждается большим количеством воды и растительности, там эти доказательства успеха магии "вероятно, являются причиной" зачатков религии. Но, согласно гипотезе мистера Фрейзера, очевидный успех магии в обеспечении "более обильных запасов пищи" должен поощрять веру в магию и препятствовать даже зарождению религии. С другой стороны, успешный результат магии (ибо чему еще народ колдунов может приписать лучшее снабжение продовольствием?) был "вероятно, причиной" появления первых ростков религии. Как это может быть?

Все это время одно племя Центральной Австралии, арунта, остается решительно безбожным, "несмотря на все соблазны присоединиться к конфессиям" религиозного характера. Ибо арунта живут в самой худшей стране, в которой больше всего дождей, и поэтому их магия наиболее явно терпит неудачу. Тем не менее, в отличие от аборигенов Юго-Восточной Австралии (где магия наиболее успешна), арунта цепляются за магию и не развили никакой религии. Если это

так, то, поскольку из всей магии вызывания дождя их магия самая неудачная, они, должно быть, очень глупы, иначе они обнаружили бы неудачу и обратились к религии, "тихой гавани после бурного путешествия". Арунта очень далеки от глупости; у них самая полная и адекватная метафизика дикарей. Если, таким образом, они не обратились к высшим силам, столкнувшись с неудачей своей магии, то, возможно, они попытались и отказались от религии. "Религия для женщин и детей, магия для мужчин" - похоже, таков девиз Арунты: не так уж и нецивилизованно! Я предлагаю это, потому что мистер Фрейзер говорит нам, что во время обрядов посвящения в Арунте "женщины и дети верят, что грохочущий шум" деревянной планки, привязанной к веревке и раскачивающейся, является "голосом великого духа Тваньирики".^[45] Великий дух (прежде всего, если писать заглавными буквами) - это скорее религиозное понятие. Женщинам говорят, что этот дух обитает в диких и недоступных регионах.... Как непосвященных юношей, так и женщин учат верить в существование Тваньирики". Так пишут господа. Спенсер и Гиллен, наши единственные источники.^[46]

Краткое примечание - это все, что эти исследователи посвящают великому духу в своей обширной книге. "Эта вера, - говорят они,, - в основе своей такая же, как и у всех австралийских племен". Так вот, в племенах, о которых сообщает мистер Хоуитт, дух, чей голос похож на звук перекладки или рев быка, называемый *тундуни* носящий другие имена, является сыном или другим заместителем Байаме или какого-либо подобного могущественного доброго существа, Мунган-нгаура, Пирнмехила, Бунджила, Ноореле, или как бы его ни называли. Одна из его обязанностей - наблюдать за Боро, или тайнами племен. Вираиджури верят, что их разновидность тваньирики была уничтожена за неподобающее поведение его начальником Байаме. Этого великого грешного духа звали Дарамулун, но в других племенах Дарамулун, по-видимому, является высшим и продолжает существовать. Он, по словам мистера Ховитта, "великий Учитель", "Отец", обитатель неба, институт общества, сила, чей голос "призывает дождь пролиться и сделать траву зеленой". Он — нравственное существо, для которого "мальчики созданы так, чтобы они нравились Дарамулуну" - процесс, включающий возгласы *нга* ("хорошо"), как говорит мистер Ховитт. Его атрибуты и силы (где он является верховным) "в точности принадлежат Байаме", о котором мистер Ридли и многие другие говорят как о создателе, если я не могу сказать "созидателя". Это было в 1854 году, за два года до публикации его "Гурре Камиларой" (в котором "Байаме" использовалось для обозначения "Бога"), когда мистер Ридли спросил человека из племени камиларой: "Вы знаете Байаме?" Он сказал, *Камил зайя зумми Байаме, зайя винузгулда* ("Я не видел Байаме; я слышал или воспринимал его. Они слышат его в раскатах грома"). Среди этого племени Дарамулун не был высшим; он был "источником болезней и врачебного мастерства, а также озорства и мудрости; он появляется в виде змеи на их собраниях", подобно Асклепию и американскому Хобамоку.^[47] Хотя мистер Ридли миссионер, я осмеливаюсь процитировать его, потому что его свидетельства уходят почти на пятьдесят лет назад, во времена, когда чернокожие меньше контактировали с европейцами. Более того, г-н Ридли подтверждают г-н Ховитт и другие миряне, в то время как г-н Фрейзер даже предпочитает свидетельство немецкого миссионера свидетельству г-на Гасона, английского мирянина с величайшим опытом. Мистер Ховитт находит среди курнаи Тундуна покровителем мистерий и быко-ревуна, подобно Тваньирике. В "Племени мистера Мэннинга"^[48] ту же роль играет *Moodgeegally* под контролем Боймы.

Таким образом, у нас есть пять или шесть параллелей с Тваньирикой безбожника Арунты, и все они подчинены высшей силе. Если тогда, как говорят господа. Спенсер и Гиллен говорят нам, что вера в Арунта Тваньирика, великого духа, "в основе своей такая же, как и у всех

австралийских племен", у тваньирики должен быть гораздо более могущественный и доброжелательный начальник. В этом случае Арунта бы

Склонны думать, что бог есть,
Или что-то очень похожее на него,

как говорит Клаф. Если это так, то, поскольку они не умилощивляют его, они не воспринимали его как партнера в игре *Сделай сам*. Но наши единственные свидетели, господа. Спенсер и Гиллен, крайне сдержанны в отношении Тванирики. Ничего не сказано о том, что у него есть начальник, и я предполагаю, что у него его нет. Из этого, по-видимому, следует, что он просто Мумбо-юмбо, или привидение, придуманное мужчинами, чтобы поддерживать порядок среди женщин и детей.

Но в Юго-Восточной Австралии (если я могу доверять свидетельствам м-ра Ховитта, на которые м-р Фрейзер здесь не ссылается) двойник Тваньирики - простой слуга гораздо более высокого существа, которого повсюду называют именами, означающими "наш отец". Следовательно, либо "наш отец" Байаме, Мунган-нгаур и остальные произошли от такого спортивного пугала, как Тваньирика, либо Тваньирика (если у него действительно нет начальника) является рудиментарным пережитком веры, подобной вере в Мунган-нгаур. , и его подчиненный Тундун. В первом случае Тваньирика, зародыш более развитой религии Юго-Восточной Австралии, не был изобретен как сила, стоящая за природой, которая могла бы быть полезной, если ее умилощивить, как в теории мистера Фрейзера. В последнем случае арунта представляют не человека, предшествующего религии (как считает м-р Фрейзер), а человека, отбросившего религию. Но мистер Фрейзер, похоже, не замечает этой дилеммы.

Свидетельства о том, что большинство людей называют "религией" среди австралийских аборигенов, настолько далеки от скудных, что их можно найти, занимаясь другими вопросами, как я собираюсь показать. Правда, в следующем отчете религия не соответствует определению м-ра Фрейзера, здесь не говорится, что ни одно могущественное существо не подлежит примирению или умилощивлению: говорят только, что оно существует и поддерживает мораль. Но определение мистера Фрейзера, если на него надавить, создает эффект спора по порочному кругу. Его теория утверждает, что могущественные существа придуманы только человеком, ввиду запоздалого открытия человеком того, что его собственная магия бессильна. Затем вымышленные существа умилощивляются в эгоистичных целях, и это, по определению, является религией.

Если мы представим, а мы это делаем, доказательства того, что вера в могущественных существ развилась, и все же что эти существа определенно не умилощивляются жертвоприношением и редко, если вообще когда-либо, молитвой, что их можно завоевать только поведением и ритуалами, не предполагающими жертвоприношения, мистер Фрейзер может ответить: "Возможно; но по моему определению, такого рода вера не является религией". Тогда что же это? - А как еще ты можешь это назвать? Его существование, если оно будет доказано, фатально для теории мистера Фрейзера о происхождении религии в отчаянии от магии, потому что приверженцы той веры, о которой я говорю, обычно не умоляют бога сделать для них то, чего не смогла сделать магия. Их вера удовлетворяет их спекулятивные и моральные потребности: она существует не для удовлетворения их временных потребностей. И все же это не меньше, а даже больше, религия в этом отношении, за исключением определения мистера Фрейзера. Если

религию определять так, как он определяет ее, "умилостивление или примирение сил, превосходящих человека", и так далее, религия могла возникнуть только так, как это происходит в его теории, без учета сверхъестественного откровения. Но если мы не отказываем в названии религии спекулятивной вере в силу, превосходящую человека, и моральной вере в то, что он дает сверхъестественную санкцию на поведение, и эмоциональной вере в то, что он любит своих детей, тогда вера является религией, но чем-то иным, чем религия, как это определено м-ром Фрейзером. Никто не будет отрицать, что такое убеждение называется религией. Мистер Фрейзер говорит: "Я бы попросил тех, кто не согласен с моими выводами, убедиться, что они под религией подразумевают то же самое, что и я; ибо в противном случае разница между нами может быть скорее кажущейся, чем реальной".ГИПЕРССЫЛКА \l "Xe10dd46d4c041d1a07843021bd3262065e7bf64" \h

Под религией я подразумеваю то, что имеет в виду мистер Фрейзер, и даже больше. Примирение высших сил посредством молитвы и жертвоприношения - это религия, но это не обязательно должна быть вся религия. Вера в высшую силу, которая санкционирует поведение и является отцом и любящим человеком для человечества, также является религией; мало кто, если вообще кто-либо, будет оспаривать этот факт. Но эта вера, если она не сопровождается, как в Австралии, молитвой и жертвоприношением, не может быть объяснена теорией мистера Фрейзера: религия была изобретена для мирских целей после признанного провала магии, которая бесплодно стремилась к тем же целям. Только ограничивая свое определение религии, что он и делает, он может обосновать свою теорию происхождения религии. Только опустив упоминание о доказательствах того, что никто другой не может отрицать, что это религия, он может подтвердить свою теорию.

Я возвращаюсь к моим дополнительным доказательствам в пользу австралийской религии. Как будет видно, это не подпадает под определение мистера Фрейзера, но будет ли кто-нибудь отрицать, что эта вера религиозна? Свидетельство принадлежит мистеру А. Л. П. Кэмерону,^[50] и содержит краткий сравнительный словарь слов, используемых разными племенами Нового Южного Уэльса для обозначения одних и тех же объектов. Мистер Кэмерон интересовался чернокожими по крайней мере с 1868 года, когда их численность была намного больше, чем в настоящее время. Он видел собрания численностью от 800 до 1000 человек. Племена, о которых идет речь, в основном обитали вдоль рек Муррамбиджи и Мюррей, и в их число не входят камиларои, курнаи и береговые мурринги, о которых говорит мистер Хоуитт.

Что касается религии, считается, что призраки умерших посещают землю, и их часто можно увидеть. Чернокожие "часто прибегают к своеобразным уловкам, чтобы избежать упоминания имен умерших", что является практикой, враждебной развитию культа предков. Ни один призрак человека не может вырасти в бога, если на его имя наложено табу и, следовательно, оно забыто. "Люди всех этих племен, по-видимому, верят в Божество и в какое-то будущее состояние". Вати-вати называют это существо Тха-тха-пали; Та-та-тхи называют его Тулонгом. Мистер Кэмерон не смог получить перевода этих имен, так же как мы не знаем значения имен Аполлон или Артемида. "Существо" считается могущественным духом или, возможно, высшим сверхъестественным существом. Говорят, что он пришел с далекого севера и теперь живет на небе. Он сказал каждому племени, на каком языке они должны говорить. Он создал мужчин, женщин и собак, и последние привыкли говорить, но он отнял у них силу речи. Та-та-тхи не любят много говорить о Тулонге и говорят, что он не часто приходит на землю. Хотя кажется, что у многих австралийских племен есть лишь очень смутное представление об атрибутах Высшего

Существа и о будущем состоянии, все же у Та-та-тхи и родственников им племен, безусловно, есть вера не только в будущее состояние существования, но и в систему наград и наказаний. Мой информатор из Та-та-тхи заявил, что давным-давно один из докторов поднялся по небу и увидел место, где поджаривали нечестивых людей.

У мистера Кэмерона, конечно, были сильнейшие подозрения относительно "места", столь якобы христианского. К этому мы вернемся.[\[51\]](#)

Эти племена практикуют обряды Бора или мистерии посвящения. Если женщины становятся их свидетелями, наказание - смерть. Наказание за разглашение секретов, вероятно, такое же. "Мистер Кэмерон, в отличие от мистера Ховитта, не был посвящен и не знает всего секрета. Председательствующее существо (подобно Тваньирике из Арунты) называется Туремлин, который, как я предполагаю, является Дарамулуном в его подчиненном качестве. "Их вера в силу Туремлина несомненна, в то время как взрослые арунта, похоже, не верят в Тваньирику, простое пугало для женщин и детей. "Ревущий бык" - это калари, или среди Та-та—тхи Калк [или каллак], то есть "слово". "Что касается наставлений, данных мальчикам и описанных мистером Хоуиттом, мистер Камерон, не будучи посвященным, не дает никакой информации.

Что касается будущей жизни, мистер Кэмерон получил свой отчет от соплеменника по имени Макого, "разумного члена племени Вати-вати". Согласно поверью, это было "до того, как его народ вступил в контакт с европейцами", и Макого выразил мнение, что, правильно это или нет, сейчас им было бы лучше, если бы их верования никогда не были нарушены". Вероятно, Макого был прав. Верования относились к будущему состоянию награды или наказания. Контакты с Европой не импортируют, а разрушают исконную форму этого вероучения.

Вера в Вати-Вати по своему характеру соответствует вероучениям, изложенным в Египетской книге мертвых, фиджийских гимнах, знаменитом орфическом золотом талисмানে Петилии, верованиях краснокожих индейцев, опубликованных Колем, и многим другим примерам.[\[52\]](#) Путь Душ, как и в этих древних или диких верованиях, сопряжен с опасностями и искушениями, путеводителем по которым является Египетская книга мертвых. Если кто-то желает утверждать, что эта австралийская идея, которой придерживались до контакта с европейцами, а теперь в некоторой степени отказались после этого контакта, имеет христианское происхождение (мы знаем этот аргумент), он должен предположить, что Вати-Вати адаптировали идею из нашей старой "Панихиды по лайку":

Когда Бриг Ужаса закончится,
Каждую ночь и все такое,
В Ржуций Муир ты, наконец, придешь,
И Христос примет твоего савла.

Слабое место здесь есть. Душу Вати-Вати после смерти встречает другая душа, "которая направляет ее на путь добрых людей".

Но у туземцев не было дорог, ответит оппонент. Однако у них есть торговые пути и рынки, и обмен товарами, произведенными в особых населенных пунктах, происходит через сотни миль страны.[\[53\]](#) Допустим, что Wathi Wathi может отличать чистый путь или дорожку от грязного.

Душа встречает грязный и чистый путь. Добрая душа, получив наставление, выбирает грязный путь: другой путь поддерживается в чистоте злыми духами, "чтобы побудить бездумных следовать по нему", как мистер Невежество Баньяна неосторожно выбрал обходной путь в ад. Затем душа встречает женщину, которая пытается соблазнить его. Он избегает ее соблазнов и подходит к двум женщинам, которые пытаются подставить ему подножку, раскручивая веревку. Одна из них слепа, и душа ускользает от нее. Дальше идет глубокая узкая щель, в которой вздымается и опадает пламя. Добрая душа наблюдает за падением пламени и перепрыгивает через него; здесь нет Гауптвахты Ужаса. Бедные индийские души переходят по бревну, которое почти перекинуто через пропасть. Две старые женщины встречают добрую душу и отводят ее "к Божеству, Тха-Тха-Пули". Он проверяет силу и мастерство души, заставляя ее бросить нулла-нулла. "Когда вати-вати видят падающую звезду, они верят, что это прохождение такой нулла-нуллы через пространство, и говорят: "Та-Та-Пули испытывает силу какого-то нового духа". Душа плохого человека, если она избежит расставленных для нее ловушек, обязательно попадет в геенну огненную. У многих туземцев изменились верования в результате контакта с белыми", и я "испытываю сомнения, - говорит мистер Камерон, - не была ли огненная яматакого рода, и очень подробно расспросил своего информатора по этому вопросу, но он заверил меня, что нет никаких сомнений в том, что вышесказанное в точности соответствовало верованиям до заселения страны белыми людьми".

Сторонники теории заимствования неизменно отвечают, что туземец при перекрестном допросе всегда согласится со всем, что от него хочет услышать европейский исследователь. Туземцы, обследованные мистером Камероном, миссис Лэнглох Паркер, мистером Ховиттом, мистером Мэннингом и другими, были исключениями. Они не допустили бы, чтобы их верования были заимствованы.

Эта особая форма местной веры в точности аналогична верованиям древнего Египта, Греции, Фиджи и так далее, но не доктрине наших миссионеров. Сторонники заимствования должны поэтому сказать, что вати-вати украли рай, ад и пути туда у миссионеров и приспособили их, случайно совпав с египтянами, греками, краснокожими индейцами, фиджийцами, ацтеками и остальными, как пропасть, которую нужно пересечь, и искушения на пути к обители могущественного существа и добрых душ. Народное объяснение падающей звезды, вошедшее в поговорку, подтверждает, как исторический факт, их веру в Тха-Тха-Пули и его дом для добрых духов. У мистера Фрейзера есть шесть страниц о верованиях в падающие звезды.[54] Один случай подходит к нашей точке зрения. Жители штата Квинсленд считают, что души умерших поднимаются к месту среди звезд по веревке; когда они отпускают веревку, она "представляется людям на земле как падающая звезда".[55]

Теперь, если свидетельство мистера Палмера в "Журнале Антропологического института" является хорошим доказательством этой австралийской веры, почему свидетельства мистера Ховитта и мистера Камерона в том же сериале о неза- заимствованной австралийской религии (в данном случае о Тха-Та-Пули и его доме добрых душ) недостойны даже упоминания?

Мы возвращаемся к сэру Альфреду Лайаллу: "Я думаю, что одним из результатов накопления материалов стало поощрение спекулятивного обобщения, поскольку оно обеспечило репертуар, из которого можно произвольно выбирать примеры и прецеденты для соответствия любой теории".[56] Здесь я имею удовольствие согласиться с этим великим авторитетом. Мистер Фрейзер выбрал Австралию как родину магии, как страну, где есть магия, но религия

еще не развита. Как я показал в этой и предыдущей статьях, существует множество свидетельств в пользу некоренной австралийской религии. Я откажусь от доказательств, как только они будут опровергнуты, но я не могу отвергнуть их, пока к свидетелям относятся как к хорошим по многим другим пунктам, но их не упоминают только тогда, когда их показания, если они правдивы, кажутся несовместимыми с теорией приоритета магии перед религией.

По совпадающим свидетельствам множества наблюдателей, - пишет м-р Тайлор, - известно, что аборигены Австралии с момента их открытия были и с тех пор остаются расой, разум которой пропитан самой яркой верой в души, демонов и божества".[57] Что может подумать молодой студент—начинающий антрополог, когда он сравнивает "совпадающие свидетельства толпы наблюдателей" австралийской религии мистера Тайлора с замечанием мистера Фрейзера о том, что в Южной Австралии есть "некоторые слабые зачатки религии", но что "следы более высокой веры, где они встречаются, вероятно, иногда обусловлены европейским влиянием", хотя люди, г-н Фрейзер, считают, что они не являются религиозными. Тайлор говорит, были ли все вещи настолько "пропитаны самой яркой верой в души, демонов и божества" - "при их открытии"? Нет смысла строить теорию происхождения религии на примере Австралии, пока нам, по крайней мере, не расскажут о "совпадающих показаниях толпы наблюдателей". Я уверен, что у мистера Фрейзера есть какая-то причина игнорировать свидетельства, которые я процитировал, что у него должны быть основания сомневаться в их достоверности. Но основания для сомнений неочевидны, и их изложение сделало бы понятным воздержание мистера Фрейзера.

[1] Спенсер и Гиллен, стр. 549.

[2] G. B. i. стр. 63.

[3] G. B. ii. стр. 51.

[4] G. B. i. стр. 71.

[5] Дж. Доусон, *Австралийские аборигены*, стр. 50, кв..

[6] А. У. Ховитт в *Журнале Антропологического института*, xiii. (1884), 191.

[7] Фисон и А. В. Ховитт, *Камиларой и Курнаи*, стр. 255.

[8] См. А. W. Хьюитта в *Журнале Антропологического института*, xiii. (1884), стр. 459.

[9] См. А. W. Хауитта в *Журнале Антропологического института*, xviii. (1889), стр. 32, кв.. Религия здесь не упоминается.

[10] См. Спенсер и Гиллен, *коренные племена Центральной Австралии*.

[11] Э. М. Карр, *Австралийская раса*, глава 45.

[12] *Коренные племена Южной Австралии*, стр. 260.

[13] Э. М. Карр, *Австралийская раса*, глава 45.

[14] Ср. г-н Мэтьюз и г-н Кроули, *J. A. I.* xxiv. 413.

[15] J. A. I. xiv. 1885, стр. 521.

[16] G. B. i. 72, примечание; J. A. I. xiii. стр. 191 (1884).

[17] J. A. I., 1885, стр. 321, примечание 2.

[18] G. B. i. 72, примечание 1. В первом издании "*Мифа, ритуала и религии*" я процитировал свидетельство мистера Ховитта от 1881 года. Во втором издании я, естественно, процитировал его более поздние показания.

[19] G. B. ii. 49, 50.

[20] G. B. ii. 51, цитирующий книгу Броу Смита "*Аборигены Виктории*", ii. 311.

[21] Ноябрь 1894 г., стр. 158-198.

[22] G. B. ii. 51-53.

[23] О "Призраке Фишера" см. *Журнал Блэквуда*, август 1897 г., стр. 78 и далее.

[24] J. A. I. xv. 4.

[25] Чтобы быть верным своим собственным принципам, я отмечаю несколько моментов в австралийских доказательствах мистера Фрейзера, опубликованных им в *JA I.*, ноябрь 1894г.

М-р Гасон, превосходный свидетель, говорит, что диери верят, что некоторые души превращаются в старые деревья или камни, или "когда дыхание поднимается к небесам", в "Мурлыкающую Панину". Диери верят, что Мурамура создал их и будет заботиться об их духах (указ. соч. стр. 175). Однако м-р Фрейзер называет Мура-Мура "отдаленными духами предков", которым, как считается, было бы трудно создать Диери. Имена погибших упоминаться не могут (стр. 176).

Начальник станции в Пауэллс-Крик отрицает, что магия "существует в какой бы то ни было форме". Там нет религиозных танцев, нет веры в загробную жизнь (стр. 180). Мистер Линдси Кроуфорд говорит, что "о природе душ ничего не известно". В течение последних десяти лет этот джентльмен "вообще не общался с туземцами, за исключением ружья". Возможно, его отрицательные свидетельства не очень ценны, поскольку он, по-видимому, не завоевал дружеского доверия чернокожих. Мистер Мэтьюз говорит: "Многие племена верят, что будущее существование регулируется надлежащими обрядами в погребение в соответствии с обрядами племени" (стр. 190). Мистер Фольше, описанный доктором Стирлингом как "самый умный и точный наблюдатель, который хорошо знает местных жителей", вносит свой вклад в веру в благожелательного создателя и демиурга, создавшего черных. Он обитает в Тиладле, среди звезд. "Он никогда не умирает". Он "очень хороший человек", а не "дух". Подземное существо, "умеющее читать и писать и ведущее книгу" человеческих поступков. Это настолько очевидно связано с европейским влиянием, что я не привел свидетельства г-на Фольше. Г-н Фольше "не знает ни о какой магии или колдовстве, которые практикуются" (стр. 197). Чернокожие верят, что после смерти их души "возносятся"; затем они указывают на небо (стр. 198).

[26] G.B. i. 72 примечание i. 77.

- [27] Смотрите "Теорию заимствованных богов".
- [28] J. A. I.. Январь-июнь 1900 г., № 31, стр. 27.
- [29] *Азиатские исследования*, ii. 172.
- [30] G. B.. i. 77.
- [31] G. B. ii. 1.
- [32] G. B.. ii. 1-59, и *passim*, почти.
- [33] G. B.. i. 78, 79.
- [34] G. B.. i. 81.
- [35] G. B. ii. 8; i. 232, 233.
- [36] G. B.. i. 81-114.
- [37] G. B.. i. 88, 89.
- [38] G. B.. i. 86.
- [39] G. B.. i. 72, примечание 1.
- [40] G. B.. i. 86, 87.
- [41] G. B.. i. 72.
- [42] G. B.. i. 87.
- [43] G. B.. i. 72, примечание.
- [44] G. B. ii. 75-80. Эта гипотеза выдвигается со всей подобающей осторожностью.
- [45] G. B. iii. 424.
- [46] *Уроженцы Центральной Австралии*, стр. 246, примечание 1.
- [47] J. A. I., 1872, стр. 268, 269. *Квинсленд Лэнга*, стр. 444, 445. Уинслоу в книге Арбера "*Капитан Смит*", стр. 768.
- [48] См. "Теорию богов-заимодавцев", *выше*.
- [49] G. B.. i. xvii.
- [50] J. A. I., 1885, стр. 344-370.
- [51] В скобках я могу отметить, что многие верования относительно будущего состояния берут начало в видениях "врачей", посещающих Ад или Рай племени, или подтверждаются сообщениями о людях, которых сочли умершими, которые выздоравливают и рассказывают о своем опыте. Случай с тетей Монтесумы знаком читателям книги мистера Прескотта "*Завоевание Мексики*". Новая религия сиу основана на аналогичном видении. Антропологи уделили этим обстоятельствам незначительное внимание.

[52] Смотрите мою *современную мифологию* и введение к моим *гомеровским гимнам*.

[53] Рот, *центральные аборигены Северо-Западного Квинсленда*, стр. 132. Спенсер и Гиллен, 575 лет.

[55] G. B.. ii. 21. Э. Палмер, J. A. I. xiii. стр. 292.

[56] *Азиатские исследования*, i. ix.

[57] *Первобытная культура*, i. 379, 1871.

IV

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ ВЕРЫ

Среди многих недавних теорий, касающихся происхождения религии, безусловно, наиболее впечатляющей является гипотеза мистера Фрейзера о происхождении веры в божественность Христа. В отличие от некоторых современных предположений, теория мистера Фрейзера основана на необычайной эрудиции. Нас не смущают расплывчатые и непроверенные утверждения или знакомые факты, извлеченные из коллекций мистера Тайлора, лорда Эйвбери и мистера Герберта Спенсера. Мистер Фрейзер не собирает знания, поскольку, как он предполагает, его вавилонские цари были принесены в жертву — по доверенности. Ни один писатель не обладает такой эрудицией, и немногие настолько точны в своих ссылках. Рискую расходиться с мистером Фрейзером, я должен часто, так сказать, использовать его собственные боеприпасы в этой войне. Позвольте мне искренне сказать, что я не противопоставляю свои знания или трудолюбие ему. Я скорее представляю студента, который интересуется этими предметами и читает "Золотую ветвь" не так, как это делает "обычный читатель", а с некоторой осторожностью и проверкой цитат и источников.

Сначала необходимо как можно короче изложить гипотезу мистера Фрейзера относительно происхождения веры в Божественность Господа нашего, или, по крайней мере, относительно того, что он считает очень мощным фактором в эволюции этого вероучения.

Вавилоняне, утверждает он, и их персидские завоеватели имели обыкновение ежегодно на весеннем празднике облачать осужденного преступника в царские одежды, возводить его на трон, подчиняться ему, предоставлять ему доступ к дамам царского гарема, а затем, по истечении пяти дней, раздевать, выпороть и вешать. Мистер Фрейзер предполагает, что причина, по которой они действовали таким образом, заключалась в том, что осужденный действовал как доверенное лицо божественного царя Вавилона, которого в менее цивилизованную эпоху приносили в жертву ежегодно: так предполагает мистер Фрейзер. Таким образом, король был принесен в жертву как существо божественной или магической природы, человеко-бог, и цель, по словам мистера Фрейзера, состояла в том, чтобы продолжать снабжать пребывающего в нем бога или магическое влияние рядом новых человеческих проводников. Кажется, или может показаться, что таково мнение мистера Фрейзера, хотя этот момент изложен довольно небрежно и в конце долгого спора, что сам король, как считалось, воплощал

известного и признанного бога растительности, личный принцип растительной жизни. Таким образом, доверенное лицо короля, осужденный преступник, приносится в жертву (через повешение) в образе одновременно королевском (как представляющий короля) и божественном (поскольку король воплощает бога). Согласно одной из выдвинутых теорий, все это происходит примерно в то время года, на которое приходится наша Пасха, на праздник, называемый по-вавилонски Закмук, а по-персидски (согласно теории) Сакея: период запоя и необузданного распутства.

Согласно теории или одной из теорий, у евреев, вероятно, не было такого праздника или обычая до того, как они были отправлены в изгнание в Вавилонию. Но м-р Фрейзер считает, что у вавилонян и персов они, вероятно, позаимствовали праздник, который называли Пуримом, а также обычай (исторически неслыханный среди них) коронования, раздевания, порки и повешения псевдокороля, осужденного преступника, в марте. Не похоже, чтобы этому мужчине в Иудее было позволено вторгаться, например, в гарем Ирода, как в случае с персидским царским гаремом. Предполагается также, что евреи позаимствовали обычай, который, по предположению мистера Фрейзера, возможно, преобладал в Вавилоне, - содержать у себя пару осужденных преступников. Один из них был повешен; другой был отпущен на свободу на год. Первый умер как воплощение бога растительной жизни. Второй, освобожденный, олицетворял в псевдовосстановлении первого, а также, как я понимаю, олицетворял возрождение бога растительной жизни. Первого человека звали Аман, вероятно, по происхождению Хумман, божество побежденных врагов Вавилона, эламитов. Вторым человеком, на иврите Мардохей, вероятно, представлял Меродаха, или Мардука, верховного бога победоносных вавилонян. У каждого мужчины была супруга, вероятно, в Вавилоне священная блудница: у Амана была Вашти, вероятно, эламская богиня; у Мардохея была Эстер, несомненно, Иштар, Венера вавилонского вероучения. Эти дамы не встречаются ни в описаниях вавилонских или персидских праздников, ни в Евангелиях: их существование является предположением.

Жертвы, происходившие от вавилонских и персидских преступников, которые олицетворяли одновременно царя, а также, по крайней мере в некоторых частях теории, бога растительности, воспринимались как божественные. Поскольку Христос, по стечению обстоятельств, был предан смерти как один из этих псевдокоролей, Он унаследовал их признанную божественность, и Его миссия, которая заключалась в основном в том, чтобы читать нравоучения, сразу же была окружена ореолом божественности.

Таково, вкратце, если следовать за м-ром Фрейзером, утверждение, которое, я должен повторить, представлено как объединение множества гипотез в единую теорию, предлагаемую для критики.

Для меня, после изучения теории мистера Фрейзера с такой тщательностью, какой она заслуживает, возникает гипотеза о ее эволюции. Прежде чем написать первое издание "Золотой ветви" (1890), мистер Фрейзер познакомился с утверждением, которое Дион Хрисостом, греческий ритор первого века, вкладывает в уста Диогена Киника в воображаемом диалоге с Александром Македонским. В этом эссе Диогена заставляют рассказать Александру о персидском обычае ежегодно наряжать осужденного преступника в царские одежды на празднике, называемом Сакея, позволяя ему жить "как царю" в течение пяти дней, угощая его *основным* блюдом из царского гарема, а затем раздевая, бичевая и вешая или распиная его. Сходство слов Диона с описанием Насмешек над Христом очень примечательно.

Мистер Фрейзер говорит нам, что он заметил это сходство в 1890 году, но не смог его объяснить. В 1897 году он познакомился с легендой, написанной на греческом языке, о мученической смерти святого Дасия, римского христианского солдата, в Месии (303 г. н.э.). Согласно этой легенде, Дасий был выбран по жребию в качестве ежегодной жертвы, которая, как гласит история, должна была представлять царя Сатурна в течение месяца военного разгула, а затем был принесен в жертву или обязан был покончить с собой у алтаря Сатурна в конце Сатурналий. Дасий отказался от этой роли и был приговорен к смерти.

Итак, здесь, в Месии, если мы верим легенде о святом Дасиусе, был псевдокороль, олицетворявший бога, принесенный в жертву богу, и, следовательно, он сам, возможно, считался божественным. На другом полюсе, в Иерусалиме, был Христос, который после ложных королевских почестей был бичеван, распят и приобрел ореол божественности. Средним термином был преступник, которого в образе псевдокороля раздели, выпороли и повесили на персидском пиру. В Персии не было и следа жертвоприношения, жертвы в техническом смысле или какого-либо ореола божественности. Но мистер Фрейзер был знаком с варварскими королями, которые были преданы смерти, чтобы спасти их от естественной смерти, или по истечении определенного срока в несколько лет. По его мнению, их убивают для того, чтобы обеспечить бога, которого они воплощают, новым проводником. Объединив все эти факты и убедившись в сходстве анекдота Диона с рассказами о Распятии, мистер Фрейзер пришел к выводу, что преступник, казненный в Сакее в Вавилоне, когда-то был, подобно страдальцу от Сатурна в Месии, божественной жертвой, которого сначала не вешали, а приносили в жертву ежегодно, чтобы искупить жизнь персидского царя, который в более ранние века, должно быть, сам ежегодно приносился в жертву. Божественность, унаследованная преступником от этого божественного Царя, была передана чередой казненных злоумышленников жертве Голгофы.

Оригинальность идеи неоспорима. Но мне кажется, что мысли автора на протяжении всего фильма бессознательно были обращены к Распятию. Это влечение превратилось в "ментальную одержимость". В недавней работе "Факты и басни в психологии" (Бостон, США, 1900), профессор Джастроу проиллюстрировал "ментальную одержимость" обычным и тривиальным опытом. Новичок в искусстве езды на велосипеде бессознательно сталкивается с каждым препятствием на дороге, которого его сознательное "я" делает все возможное, чтобы избежать.

Точно так же, я полагаю, ум нашего автора был направлен прямо к объяснению божественного ореола вокруг Креста, вместо того, чтобы обратиться к тому, что было необходимо в первую очередь, к объяснению персидского обычая, изолированному и рассматриваемому только в свете сопутствующих обстоятельств, как описано в наших очень скудных сведениях. Если бы наш автор исследовал обстоятельства персидского обычая с умом, не привлеченным надеждой пролить новый свет на Распятие, и не подверженным влиянию тенденции находить богов растительности почти везде, он бы обнаружил, я думаю, что они допускают простое объяснение, при условии, что наша информация верна. Насколько нам известно, в Саке не было жертвоприношения, и в этом персидском празднике не было ничего религиозного. Религиозный элемент приходится приносить с помощью отдаленных выводов, смелых догадок и даже, осмелюсь сказать, некоторого пренебрежения документальной историей.

Следствием этого, как я попытаюсь показать, является то, что теория должна, по словам регента Мореля, "преодолевать животы" бесчисленных препятствий с помощью ряда догадок, сложность которых возрастает. Таким образом, сила молчаливого согласия читателя вновь напрягается

при знакомстве с каждым новым испытанием его веры. Если одна стадия из стольких стадий отдаленных выводов и смелых предположений окажется неустойчивой, все здание рухнет на землю. Тем временем нам придется предложить простое объяснение обстоятельств сакской жертвы, лишь в единственном случае требующее использования одной из собственных догадок мистера Фрейзера, которая сама по себе является законной гипотезой. Оставшаяся часть этого эссе посвящена рассмотрению трудностей его теории и "мостов гипотез", по которым следует преодолевать "зияющие пропасти".

V

ПОДХОДЫ К ТЕОРИИ МИСТЕРА ФРЕЙЗЕРА

I. ЭВОЛЮЦИЯ БОГОВ

Столь примечательные обряды, как обряд пары преступников, которые, как предполагается, играли свои роли в Вавилоне и Иерусалиме, каждый со своей партнершей женского пола, исторически неизвестны, но являются частью теории мистера Фрейзера и имеют аналогии в фольклоре. Институты, столь беспрецедентные в целом в наших знаниях о человеческой религии, не могли развиваться иначе, как пройдя длинный ряд ступеней развития. Мистер Фрейзер прослеживает эти ступени на протяжении 1500 страниц своей книги. В соответствии с методом, большие разделы работы посвящены наглядным примерам вопросов, которые не имеют прямого отношения к основному потоку аргументации, и они склонны, в силу самого обилия своей эрудиции, отвлекать внимание от центральной гипотезы. Этого я стараюсь придерживаться во всех его многочисленных разветвлениях.

Чтобы объяснить, таким образом, эти гипотетические ритуалы двойных пар обожествленных человеческих существ, мы должны предположить, что до появления первых зачатков религии люди были зависимы от магии - теории, которую мы уже рассматривали в эссе "Магия и религия". Они верили, что, имитируя космические процессы, они могут контролировать их или помогать им. Так, у арунта в Центральной Австралии есть магические обряды, с помощью которых они способствуют развитию личинок в личинок, увеличивают и улучшают породу и репродуктивную энергию кенгуру, способствуют росту съедобных клубней и вызывают дождь. Эти обряды безвредны и не предполагают жертвоприношений, человеческих или животных, поскольку у арунта, как мы должны верить, нет бога, который принимал бы подношения.^[1] Но по мере того, как люди продвигались от почти самой низкой дикости, они постепенно достигли более высокой материальной культуры, развивая доселе неизвестные искусства земледелия, развивая также религию, отчаявшись в магии, создавая богов и повышая социальный и политический ранг, с королями во главе общества. Испытывая отвращение к своей старой изначальной магии (с помощью которой, как они предполагали, они управляли космическими силами, животной и растительной жизнью), они изобрели богов и духов, которые, как им казалось, действительно осуществляли космический контроль. Этих богов они умилялись молитвой и жертвоприношением. Но хотя люди изобрели богов и религию, отчаявшись в магии, все же, по своей воле, они продолжали применять магию, от которой отчаялись. Подобно

безбожнику Арунте, они упорствовали в подражании природным процессам, веря (от которой, в конце концов, они не отказались), что такое подражание волшебным образом помогает усилиям природы или богов природы.

В настоящее время люди развили три вида бога, от одного или другого из которых происходит божественность персидского преступника, избитого кнутом и повешенного, и Божественность Христа. Во-первых, существовали боги "иного порядка, чем человек, и превосходящие его". Во-вторых, были люди, в которых воплотились эти высшие боги. В-третьих, были люди, которые были просто лучшими магами, чем их соседи, "чувствительными", которые трепетали от прикосновения природы, и от прикосновения которых трепетала природа.[2] На первый взгляд нетрудно провести четкую грань между этими двумя видами человекобогов, хотя магия и религия накладываются друг на друга и перетекают друг в друга. Различие между двумя типами, человеком, воплощающим бога, и колдуном, у которого нет бога для воплощения, абсолютно необходимо, и его следует твердо помнить. Мистер Фрейзер говорит: "В дальнейшем я не буду настаивать на этом", на этом существенном различии.[3] Это существенно: ибо второй вид, магический, человеко-бога, может, согласно теории мистера Фрейзера, быть предшествующим любой религии. Он всего лишь колдун высшей категории, "торговец магией и заклинаниями". Другой тип человеко-бога приходит после того, как магия утрачена и боги изобретены. Я буду настаивать на этом различии.

Рост общества происходил одновременно с ростом религии и сельского хозяйства. Первоначальный колдун, или знахарь, или магический работник, благодаря своему влиянию на своих соседей, был склонен приобретать лидерство и накапливать собственность, как, действительно, я сам давным-давно заметил в эссе "Происхождение ранга".[4] В теории мистера Фрейзера эти волшебники в конце концов развиваются как в королей или вождей, так и в человекобогов. Я заметил, что рядом с ними часто находится мирянин или светский король или вождь, военный вождь. Его положение, если оно станет наследственным, может закончиться тем, что человеко-богоравный король останется на стороне частично магического, частично религиозного, но не светского правления, откуда оно может эволюционировать в жречество, носящее королевский титул. Человек является более или менее человеком-богом, более или менее священником, более или менее контролером космических процессов, но все же номинальным королем. Конечно, в этих учреждениях встречаются всевозможные разновидности. Общим результатом является божественность королей и их ответственность за благополучие государства, а также за погоду и урожай. Если удача, погода и урожай плохие, общественность спрашивает: "Кто должен быть наказан за это?" Согласно конституции, такой, как наша, общественность, как известно, возлагает ответственность за удачу на правительство; всеобщие выборы увольняют представителей партии власти. Но четыреста лет назад и ранее казни заменяли простую потерю должности: головы Бойдов, Мортонсов или Гоури падали, когда эти дворяне теряли свои должности.

В более раннем обществе, с которым мы имеем дело, король, как ответственный за погоду и урожай, иногда подвергался наказанию в плохие времена. Банджары "бьют короля, пока не изменится погода", в других местах король заключен в тюрьму или, говоря более конституционным способом, просто свергнут.[5] На самом деле есть следы убийства невезучего и ответственного монарха. В Швеции говорят, что во времена общественного бедствия он был не только убит, но и принесен в жертву Одину. Однако это не историческое утверждение.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ СМЕРТНОСТЬ БОГОВ

Были и другие магико-религиозные причины убийства королей. Мистер Фрейзер пишет:[6] "Не имея представления о вечности, первобытный человек, естественно, полагал, что боги смертны, как и он сам".

Вот, я осмелюсь подумать, заметный недостаток в этом аргументе. Древние люди, вопреки рассказу мистера Фрейзера, считали себя *от природы* бессмертными. Мифы, возможно, всех рас повествуют о времени, когда смерть еще не вошла в мир. Человек родился бессмертным. Смерть наступила в результате несчастного случая, или вследствие ошибки, или нарушения божественного повеления. Для этого у нас есть зулусские, австралийские, маорийские, меланезийские, центральноафриканские, ведические арийские, камшадальские и бесчисленные другие мифы, не говоря уже о первых главах Книги Бытия.[7] "В мыслях о бессмертии" убаюкан древний человек. Его божественные существа обычно рассматриваются как предшествующие и незатронутые приходом смерти, которая вторгается в людей, но не в этих существ или не в большинство из них.

Действительно, некоторые низкие дикари еще не убедили себя в том, что смерть естественна. "Среди аборигенов Центральной Австралии, - говорят Спенсер и Гиллен, - нет такой вещи, как вера в естественную смерть; каким бы старым или дряхлым ни был мужчина или женщина, когда это происходит, сразу предполагается, что это было вызвано магическим влиянием какого-то врага", и врагу за это мстят, как при кровной мести.[8] Эти австралийцы, по мнению мистера Фрейзера (хотя и не по моему), "примитивны".

Таким образом, у "первобытного человека" нет никакой другой идеи, кроме отсутствия идеи о вечной продолжительности жизни. Не то чтобы он формулировал свою идею в таком термине, как "вечный". Действительно, Маринер говорит о тонганском верховном существе Та-ли-и-Тубу: "О его происхождении они понятия не имели, скорее предполагая, что он вечен". Но на тонганском метафизическая идея вечности выражается только в значении имени бога "жди-там-Тубу". Этот бог иногда вдохновляет Хау или избираемого короля, но Хау никогда не приносили в жертву, чтобы обеспечить богу более прочную инкарнацию, процесс, который не требует особых усилий. Теория мистера Фрейзера о Божественности Христа требует, как обычно. Будучи "вечным", Та-ли-и-Тубу не зависел от человеческого носителя.[9]

Эти факты следует помнить, поскольку для теории мистера Фрейзера необходимо доказать, что бессмертные в достаточной степени считаются смертными. Отсюда предполагаемая необходимость убивать божественных королей, их проводников. Первобытный человек, согласно м-ру Фрейзеру, считает своих богов смертными. Но у первобытного человека, согласно его первоначальной гипотезе, вообще не было богов. М-р Фрейзер ясно имеет в виду, что когда человек уже не был первобытным, он считал богов такими же смертными, как и он сам. Я уже приводил множество примеров противоположной веры среди рас самых разных уровней культуры, от австралийских чернокожих до бессмертных богов Гомера.[10] Этот момент будет признан важным позже, и я должен твердо выразить свое мнение о том, что до тех пор, пока люди верят, что их боги живы, и подтверждают эту веру молитвами, гимнами и жертвоприношениями, невозможно утверждать на основании нескольких местных, противоречивых и легко объяснимых мифов, что эти народы верят, что их боги мертвы или находятся в опасности смерти. Здесь, я думаю, здравый смысл студентов со мной согласится.

Однако, поскольку эта всеобщая и всепроникающая вера в смертность богов абсолютно необходима для аргументации м-ра Фрейзера, возможно, лучше прояснить этот вопрос. В качестве примеров веры в то, что бог мертв, у нас есть гренландцы.[11]

Гренландцы верили, что ветер может убить их самого могущественного бога и что он непременно умрет, если прикоснется к собаке. Мистер Тайлор, с другой стороны, говорит нам, что в "летнюю страну" гренландского божества, на дно моря, души гренландцев надеются спуститься после смерти". Давайте верить, что "Собаки не допускаются". Это гренландское божественное существо, Торнгарсук, настолько четко занимал свое место как верховное божество в сознании аборигенов, что, "как рассказывает миссионер Крэнц, "многие гренландцы, услышав о Боге и Его всемогущей силе, были склонны прийти к мысли, что имелся в виду именно их Торнгарсук". Гренландское божество не было заимствовано; он "не кажется фигурой, заимствованной из религии скандинавских колонистов, древней или современной".[12]

По свидетельству Кранца (и можно привести гораздо больше), самый могущественный бог гренландцев не умер и вряд ли умрет, несмотря на опасения некоторых гренландцев, высказанные человеку, не названному м-ром Фрейзером, но процитированные в работе 1806 года.[13] В лучшем случае гренландские свидетельства противоречивы; не все гренландцы были согласны с утверждениями мистера Фрейзера о власти в Гренландии. Также не считалось, что Обвинитель Братьев в настоящее время скончался, хотя древняя народная песня уверяет нас, что

Некоторые говорят, что Дейл мертв,
Дейл Дейла, Дейл Дейла,
Некоторые говорят, что Дейл мертв,
И похоронен в Кирколди:
Некоторые говорят, что он воскрес снова,
Воскрес снова, воскрес снова,
Некоторые говорят, что он воскрес снова,
Чтобы станцевать "Hieland Laddie".

он был "Воскресшим" и действительно танцевал "Hieland Laddie" в Гледсмюре и Фолкерке. "Народовольцы" с научной точки зрения представляют конфликт мнений как неурегулированный, несмотря на свидетельство о могиле сатаны в лангтуне Кирколди; как и могила Зевса на Крите.

Таким образом, я думаю, мистеру Фрейзеру не следует принимать всеобщую веру в смертность гренландских богов перед лицом противоречивых, но не приведенных доказательств.

1. Североамериканский индеец сказал полковнику Доджу, что "Великий Дух, сотворивший мир, давным-давно мертв. Он не мог прожить так долго".[14] Теперь это было *ipse dixit* и личным выводом неопределенного современного "североамериканского индейца", живущего в эпоху, которая, как замечает мистер Фрейзер, должна "разрушить эти почтенные стены" веры. Чтобы доказать свою правоту, мистеру Фрейзеру нужно найти примеры мнения о том, что "Великий Дух" считался мертвым (если он допускает, что когда-либо существовала американская вера в Великого Духа) среди американских индейцев, впервые изученных европейцами. Я в другом

месте утверждал, что верховное существо большинства варварских рас считается бесполезным, бездеятельным и поэтому может стать простым именем и нарицательным, как гурон атахокан,^[15] "тот, кто сотворил все", и ункулункулу зулусов, который был настолько отодвинут на задний план конкуренцией духов предков что само его существование подвергается сомнению. "Со временем мы стали поклоняться только духам, потому что не знаем, что сказать об Ункулункулу". "Мы сами ищем духов, о которых, возможно, не всегда думаем".^[16] Таким же образом, по верованиям варварских рас, соперничество дружелюбных и помогающих духов оттесняет таких существ, как австралийский Байаме и Мунган-нгаур, которые существуют там, где жертвоприношения духам предков еще не были развиты; и канадский андуаньи 1558 года.^[17] Таким образом, современный североамериканский индеец может сделать вывод и может сказать полковнику Доджу, что создатель мертв, потому что он не принимает жертвоприношения или молитвы. Но культ таких высших существ, где он существовал и существует до сих пор, в Северной Америке, культ Ти-ра-ва, с которым пауни надеются жить после смерти, черноногих На-пи из Ахоне, Океуса, Киетана и остальных, доказывает веру в живых богов, которым, как говорят, смерть не угрожает.

2. Племя жителей Филиппинских островов сообщило испанским завоевателям, что могила Создателя находится на вершине горы Кабуниан. Итак, жители Филиппинских островов действительно верили в Создателя. Эта могила, возможно, была результатом обычного пренебрежения к верховному существу, о котором уже говорилось, или, возможно, означала не более чем могилу Зевса на Крите, в то время как Зевсу поклонялись по всему греческому миру.

3. У Хайци Эйбиба из готтентотов было несколько могил, что объясняется теорией последовательных жизней и смертей. Но так же ежегодно жили и умирали Таммуз и Адонис, и все же бог был *неизменен*.

Могилы греческих богов, возможно, связаны с эвгемеризмом, теорией гораздо более древней, чем теория Эвгемера. Люди, поклоняющиеся духам предков, иногда утверждают, подобно мистеру Герберту Спенсеру, что боги когда-то были духами живых людей, и показывают могилы людей в качестве доказательств; "кирпичи живые, чтобы засвидетельствовать это". Но то, что греки считали своих богов смертными, нельзя оспаривать всерьез, в то время как их всегда называют "бессмертными" в отличие от смертных людей; и в то время как Аполлон (у которого была могила) ежедневно вдохновлял Пифию. Ее смерть не причинила вреда Аполлону. Она не была принесена в жертву на благо Аполлона. Могила Зевса "была показана посетителям Крита примерно в начале нашей эры". Но была ли она показана еще во времена Гомера? Эвгемер жил до нашей эры.

4. Египетские боги были царями смерти и мертвых, с гробницами и мумиями в каждой провинции. Но они также были бессмертными правителями мира и людей.

"Если Ра восходит на небеса, то по воле Осириса; если он заходит, то при виде его славы". "Царь вечности, великий бог... тот, кто знает смирение и воздаст праведные деяния, тем самым познает Осириса."^[18]

Это живой бог, и Себ и Нут вряд ли могут умереть. Вопреки мифам и ритуалам, боги Египта жили до тех пор, пока "не убежали от падающей Вифлеемской звезды".

5. Что касается легенды о "великом Пане мертв", то во времена правления Тиберия мистер Фрейзер упоминает теорию, согласно которой умер не Пан, а Адонис или Таммуз; он всегда умирал. История красивая, но не является доказательством.

6. Примерно в 1064 году н.э. в Турции появилась история о смерти царя джиннов. Джинны - это не боги, а феи, и мы слышали о сказочных похоронах.

7. Что касается "высших богов Вавилона", то мистеру Фрейзеру особенно необходимо доказать, что они считались смертными и находились в смертельной опасности, поскольку доктор Джастроу отрицает, что они смертны. "Привилегия богов" - это "бессмертие".^[19] Но гипотеза мистера Фрейзера выводит доктрину Божественности Христа из мнения, что своей смертью он олицетворял длинный ряд жертв варварского суеверия.^[20] И это суеверие, по предположению мистера Фрейзера, заключалось в том, что вместо царя Вавилона умер заместитель, и что царь Вавилона умер, чтобы укрепить жизнеспособность смертного бога Вавилона, жизнь которого ежегодно требовала нового человеческого воплощения.

Чтобы доказать веру вавилонян в смертность божеств, м-р Фрейзер пишет: "Высшие боги Вавилона также, хотя и являлись своим почитателям только во снах и видениях, были задуманы как люди по своему телесному облику, по своим страстям и по своей судьбе; ибо, как люди, они родились на свет, и, как люди, они любили, сражались и даже умирали".^[21] Сколько из них погибло? Если они умерли в религиозных верованиях, как им удалось присутствовать на "великом собрании богов, которое, как мы видели, составляло главную особенность праздника Закмук и ежегодно проводилось в храме Мардука в Вавилоне"?^[22] Умер ли Мардук? Если да, то почему к нему обращаются как к

О милосердный, любящий даровать жизнь мертвым!

Мардук, Царь небес и земли,

Заклинание, дающее жизнь, принадлежит тебе,

Дыхание жизни принадлежит тебе.

Ты возвращаешь мертвых к жизни, ты придаешь вещам завершенность (?)^[23]

Предположим, опять же, что король действительно был принесен в жертву, чтобы поддерживать бога в хорошем состоянии — почему только одна жертва? Там были по меньшей мере десятки богов, и все они, если я правильно понимаю мистера Фрейзера, находились в одинаковом шатком состоянии здоровья. Он мог бы возразить, что они, по-видимому, были особенно подвержены заболеваниям печени.

О верховная владычица небес, да успокоится твоя печень,

звучит гимн Иштар.^[24]

Конечно, каждый видит, что "твоя печень" - это всего лишь фраза, обозначающая "твой гнев"; печень (как в наших фразах "дерзкий" и "трусливый") принимается за вместилище "мужества" людей. Очевидно, что вавилонские боги не мертвы, а живы, иначе они не могли бы присутствовать на ежегодном божественном собрании и к ним нельзя было бы обратиться с

молитвой. Более того, если бы их можно было поддерживать в живых, ежегодно принося в жертву свои человеческие носители, каждый год требовались бы большие массовые уничтожения человеческих носителей: один человек за одного бога, и имя им было легион.

Еще раз, если люди верили, что боги могут умереть, если не поддерживать их жизнь жертвоприношениями их человеческих носителей, мы должны сказать о греках, что они не стремились
Официозно поддерживать жизнь

их божества. Если бы греки знали, что это в их силах, то Аполлон, Дионис, Кронос, Зевс, Гермес, Афродита, Арес не умерли бы. И все же они умерли, если могилы каждого из этих смертных подтверждают преобладающую веру в их кончину.^[25] Человечество, по словам мистера Фрейзера, верило в "могущественных существ", "которые вдыхали в ноздри человека и оживляли его". Он умолял их "принести его бессмертный дух"... в какой-нибудь более счастливый мир ... где он мог бы отдохнуть с ними", и так далее.^[26] Тем не менее, "не имея представления о вечности, первобытный человек естественным образом предполагал, что боги смертны, как и он сам". Мистер Фрейзер, как мы видим, также сказал нам, что они не верили, что их боги смертны. Вероятно, тогда вера в их бессмертие была поздней стадией постепенного процесса.^[27] Однако это не возобладало, когда показали могилу Зевса "примерно в начале нашей эры".^[28] Тогда человек верил, что сможет выделиться из толпы о живых богах (хотя он умолял их сохранить ему жизнь), принося в жертву своего законного короля раз в год, тем самым свергая династию за династией и разрушая всю организацию государства. Во все это мы должны твердо верить, прежде чем сможем принять теорию мистера Фрейзера о происхождении Никейского символа веры. Это большое предварительное требование.

Боги продолжают оставаться "бессмертными", и на этом мы должны настаивать, принимая во внимание теорию мистера Фрейзера о том, что боги-люди, которые были убиты, были убиты, чтобы сохранить жизнь богу, который воплотился в них, чего он не приводит ни в одном примере. Его примеры веры в то, что высшие боги мертвы, общеизвестно противоречат распространенному мнению о том, что они бессмертны. И распространенное убеждение регулирует религию.

Однако люди-боги, безусловно, умирают, и некоторые жители островов Южных морей — с помощью научного эксперимента - продемонстрировали, что капитан Кук не был богом, потому что он умер от удара ножом, чего не сделал бы настоящий бог. Это, конечно, доказывает, что эти невежественные язычники знали разницу между бессмертным богом и смертным человеком так же хорошо, как Анхиз в гомеровском гимне Афродите.

III. РЕЛИГИОЗНОЕ ЦАРЕУБИЙСТВО

Народы, которые думают, что вся удача зависит от их царя-человеко-бога (второй сорт, высший колдун, в котором нет бога), придерживаются, как мы должны верить, мнения, что его удача и космическое влияние уменьшаются вместе с его убывающими силами. Поэтому они убивают его и получают более энергичного получателя его *души* (не бога) и его удачи.^[29] Об убийстве короля по этой причине мистер Ластик приводит, я думаю, один адекватный пример. О

передаче души убитого божества своему преемнику у него "нет прямых доказательств", хотя души воплощающихся богов передаются после естественной смерти.[30]

Итак, это очень важная часть затянувшегося аргумента, который заключается в предположении, что Христос умер как псевдокороль, который также олицетворял бога. Во-первых, мы видели, что есть два вида человеко-бога. Предполагается, что в одном виде воплощается настоящий бог, "отличающийся от человека и превосходящий его". Другой тип человеко-бога - это всего лишь высший "чувствительный" маг.[31]

Итак, Иисус, согласно теории мистера Фрейзера, умер как представитель бога, следовательно, как один из первых двух видов человекобогов. Но мистер Фрейзер, как я уже сказал, не приводит здесь ни одного примера человека-бога, который оказался первоклассным, — царя, в котором воплотился признанный бог, — убитого, чтобы не дать его вдохновляющему богу угаснуть вместе с угасающей энергией человека.[32] Для аргументации требуется множество примеров такой практики. Я повторяю, что в этом месте не приведено ни одного примера. Вся аргументация мистера Фрейзера основана на его заявленной неспособности "настаивать" на различии между двумя видами человекобогов, которое он сам провел.[33] Поэтому я продолжаю настаивать.

Опять же, вряд ли можно сказать, что приведены какие-либо примеры того, как царь второго сорта (человекобог, который на самом деле вовсе не бог, а "чувствительный" колдун или волшебник-человек) был убит, чтобы сохранить силу своей магии. Примеры, которые будут приведены практически повсеместно, не дают никаких доказательств идеи сохранения *магической* силы человека от угасания в старости.

Приведенные случаи, как правило, являются простыми примерами выхода на пенсию по выслуге лет. Возможно (если бы это было легко) вывести на пенсию престарелых профессоров шотландских университетов. Но отправить короля на пенсию означает всего лишь серию гражданских войн. Раннее средневековье "постригало" слабых королей. Как заманчиво представить их посвящение Богу как смягчение жертвоприношения! Королей, по сути, у некоторых варварских рас убивают просто в порядке выслуги лет. Нет, эта практика распространяется не только на королей. Это обычное явление среди пожилых субъектов.[34]

Давайте возьмем примеры мистера Фрейзера.[35]

1. Народ Конго верит, что мир погибнет, если их читоме, или понтифик, умрет естественной смертью. Итак, его преемник ударил его дубинкой или задушил. Но какой бог воплощен в читоме? Ни один не упоминается.[36] Сам король "считается богом на земле и всемогущим на небесах".

2. Эфиопским царям Мероз поклонялись как богам, но жрецы приказали им умереть, основываясь на авторитете предполагаемого оракула богов, "всякий раз, когда жрецы захотят". Мы можем предположить, что они впервые проявили какие-либо признаки упадка.[37] У нас нет доказательств, кроме того, что жрецы покончили с царем "всякий раз, когда они захотят". И,

далеко не ссылаясь на упадок сил царя или неурожай как на общепризнанную причину, они ссылались на особого оракула богов.

3. Когда король Уньеро в Центральной Африке стар или очень болен, его жены убивают его (легко напрашивается очевидная причина: именно женам, а не богу, нужен более энергичный человек), ссылаясь на старое пророчество о том, что трон перейдет к династии, если король умрет естественной смертью. Но здесь не показано, что этот царь является человеком-богом ни того, ни другого вида; и пророчество не касается нанесения ущерба богу или магическому *взаимопониманию*.^[38]

4. Король Кибанги в верхнем Конго был убит колдунами, когда ему "казалось, что он близок к концу". Так же как и старые собаки, кошки и лошади в этой стране, и считается, что крестьяне даже проводят эвтаназию для родственников, "приближающихся к концу". Если король Кибанги - человекобог, мистер Фрейзер этого не говорит.

5. Если король Джинджеро ранен на войне, его товарищи или родственники убивают его, даже если он этого не хочет. Предполагаемая причина заключается в том, "чтобы он не умер от рук своих врагов". Умерли ли Саул, Брут и многие другие воины, отказывающиеся пережить раны и поражения, как человеко-боги? Является ли король Джинджеро человеком-богом?

6. Чака, король зулусов, пользовался краской для волос, испытывая большое отвращение к седым волосам. Зулусы, воинственный народ, не избрали бы и не приняли бы седовласого короля, и, хотя я не знаю ни одного случая убийства зулусского короля из-за его старости, мистер Айзекс (1836) говорит, что за сединой "всегда следует смерть монарха". Даже если привести исторический пример, воинственная раса просто продлевает жизнь полководца-инвалида единственным безопасным способом.

7. Наконец мы добираемся до короля-человеко-бога в Софале, который, согласно Душ Сантушу, был единственным богом кафров, и его умоляли дать хорошую погоду.^[39] Современный зулус сказал доктору Каллауэю, что "когда люди говорят, что рай принадлежит вождю, они не верят в то, что говорят".^[40] Софальцы, или, скорее, их соседи, были, возможно, более легковерны; и, по-видимому, у них существовал обычай или закон, согласно которому запятнанный король должен был покончить с собой, хотя принц-реформатор осудил это как безумие и изменил закон. Нам говорят, что царь-бог софалов подчинялся этому закону, и соседний царь (о котором нигде не говорится, что он был человеком-богом) подчинялся. Но какой бог, если таковой вообще был, воплотился в этом богочеловеке, если он *был* богочеловеком, как и его сосед?^[41]

8. Оракул предостерег спартанцев от хромого короля, как браханский провидец предостерег Маккензи от группы физически неполноценных лэрдов. Пророчество провидца исполнилось.^[42] Мы не слышали, чтобы спартанцы убили какого-либо хромого царя.

9. Короля Эйоса предупреждают покончить с собой, предупреждают подарком в виде яиц попугая, "когда у народа сложится мнение о его дурном правлении". Его жены душат его, и его сын становится преемником, или делал это до 1774 года, когда король отказался умирать по просьбе своих министров. Чтобы доказать это, необходимо показать, что царь был человеком-богом той или иной разновидности. Фактически, он просто король, пока популярен,

"удерживающий бразды правления не дольше, чем пока он заслуживает одобрения своего народа".

10. Древними пруссаками правил король по имени Божий рот. "Если он хотел оставить после себя доброе имя", то, будучи слабым и больным, он сжег себя заживо перед священным дубом.

11. В Квилакаре, на юге Индии, царь разрезал себя на куски перед идолом после двенадцатилетнего правления. Нам не говорят, что он был воплощением бога, если таковой вообще существовал, воплощенным в идоле или представленным им.

12. Король Каликута, что на Малабарском побережье, имел обыкновение публично перерезать себе горло после двенадцатилетнего правления. Примерно в 1680-1700 годах это было смягчено. Если кто-то мог пробиться сквозь 30 000 или 40 000 гвардейцев, чтобы убить короля, то ему это удалось. Трое мужчин пытались, но их было слишком много. Приводятся и другие примеры, в которых каждый цареубийца мог бы стать королем, если бы мог, как Макбет. В Пассье считалось, что Бог не допустил бы смерти короля, если бы он этого не заслуживал. Не говорят, что эти короли являются воплощенными богами.

13. Ибн Батута однажды видел, как человек подбросил в воздух веревку и взобрался по ней вверх. Другой мужчина последовал за ним и разрубил первого на куски, которые упали на землю, воссоединились, и никто не пострадал. Этот честный путешественник также видел на Яве человека, который покончил с собой из любви к султану, обеспечив тем самым своей семье щедрые пенсии, как это делали до него его отец и дед. "Мы можем предположить, что раньше султаны Явы, подобно королям Квилакаре и Каликута, были обязаны перерезать себе горло по истечении установленного срока",^[43] но они возложили эту обязанность на одну определенную семью. Мы можем строить догадки, но, учитывая отсутствие доказательств и истории, которые свободно рассказывает Ибн Батута, я сомневаюсь! Ибн при дворе Дели видел чашки и блюда, которые я по желанию появлял и по желанию удалял. "Был ли султан Явы воплощением бога?

14. Этот случай настолько запутанный и гипотетический (он касается Спарты, где я никогда не слышал, чтобы царем был человекобог), что читателю следует обратиться к оригиналу.^[44]

Между тем список примеров численно респектабелен. Но подходят ли примеры к делу? Доказывают ли они практику убийства царственного человекобога с целью помочь богу воплотиться в нем или даже предотвратить ослабление его магической силы (или *маны*, в Новой Зеландии)? Они скорее доказывают, что цареубийство было формой выслуги лет, или результатом махинаций священников, или общественного недовольства. Прежде всего, они не демонстрируют, что король когда-либо был убит как воплощение божества, которому для воплощения нужен более сильный человек.

Доказательства настолько неопровержимы, что из всех королей мистера Фрейзера, которых здесь называют богами или воплощенными богами, ни один, как здесь говорится, не был предан смерти своими почитателями.^[45] И из всех его царей, которые, как здесь сказано, были преданы смерти, ни один, как здесь сказано, не является воплощением бога.^[46] Таковы начальные трудности теории: к ним мы можем добавить, что многие дикари, как известно, убивают пожилых людей только потому, что они пожилые, будь то короли или простолюдины.

Точка зрения мистера Фрейзера заключается в том, что Христос умер в "ореоле божественности", видимом "везде, где люди слышали старую-престарую историю об умирающем и воскресающем боге".[47] Но, помимо других уже выдвинутых возражений, нынешние примеры мистера Фрейзера не содержат ни одного примера "умирающего и воскресающего бога", который, как утверждается, представлен живым человеком, который, следовательно, убит; даже если есть один или два случая, когда убитый король был знахарем, колдуном или обладал космическим чутьем. Таким образом, аргумент терпит неудачу с самого начала. Христа следует считать божественным, поскольку он представляет царя, который был убит как воплощение бога. Но о цареубийстве по этой причине нет никаких доказательств, насколько я могу судить.

IV. ЕЖЕГОДНОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ ЦАРЕУБИЙСТВО

Далее мы приходим к абсолютно необходимой гипотезе, которую мне трудно принять. "В некоторых местах складывается впечатление, что народ не мог доверять королю в том, что он сохранит полную умственную и физическую силу более года; следовательно, в конце годичного правления он был предан смерти, и новый король был назначен править в свою очередь год, а в конце его принять смерть.... Когда приблизилось время казни царя (в Вавилоне это, по-видимому, было в конце одного года правления), он отрекся от престола на несколько дней, в течение которых правил временный царь и страдал вместо него".[48]

Позже мы читаем о "времени, когда настоящий король пытался спасти свою жизнь, назначив своего сына править на короткое время и умереть вместо него".[49]

Таким образом, гипотеза состоит в том, что в Вавилоне царя приносили в жертву раз в год. Позже он назначил сына, или какого-то другого члена королевской семьи, или кого-то еще умереть за него, и, наконец, был выбран преступник.

Разве это не потрясающая гипотеза? Однако от нее зависит весь аргумент о Божественности Христа. Мистер Фрейзер переоценивает человеческие амбиции. Мы удивляемся, что Морей, Леннокс и Мортон жаждали стать регентами Шотландии. И все же, по крайней мере, у них был слабый шанс избежать смерти в течение года. Но у вавилонских царей не было шансов: их приносили в жертву ежегодно. М-р Фрейзер просит нас предположить, что любой представитель царского рода, где бы то ни было, люди свободные и благородные, не пленники, не осужденные преступники, приняли бы корону, за которой через 365 дней последовала бы смерть в огне! Ребенок знает, что ни один мужчина никогда не поступал подобным образом. Даже если они были настолько невероятно непохожи на всех остальных людей, что выбирали королевскую власть на год, за которой следовало сожжение заживо, как регулировалась процедура наследования? Даже у первобытных арунта, голых дикарей в Центральной Австралии, есть своего рода магистрат, просто распорядитель, называемый алатунджа, "глава местной тотемической группы". Он является наследственным должностным лицом, наследующим по мужской линии.[50] Верит ли кто-нибудь, что бедный чернокожий мужчина принял бы звание Алатунджаши, если бы знал, что в конце года его поджарят и он умрет? Итак, вавилоняне (или, скорее, персы) были бесконечно более цивилизованными, чем арунта. Их цари были наследственными царями. Как же тогда сработает система мистера Фрейзера? Короля приносят в жертву; его старший сын становится преемником; приносят в жертву в следующем году; вскоре они работают через королевскую семью. Так, в Шотландии Дарнли приносят в жертву (1567). В следующем году вы приносите в жертву младенца, Джеймса VI. В

следующем году вы начинаете с Гамильтонов. Шательеро длится год: затем Арран, затем лорд Джон, затем лорд Клод. Начиная с 1567 года, вы добиваетесь того же результата в 1572 году. Затем вы начинаете с Ленноксов Стюартов. Вы принесли Леннокса в жертву в 1573 году, его сына Чарльза - в 1574-м, и к концу столетия вы исчерпали женскую и незаконнорожденную ветви королевской семьи. Приносить в жертву можно только мужчин, и это должны быть взрослые люди, поскольку каждый приносимый в жертву мужчина, согласно теории мистера Фрейзера, должен перед смертью совокупиться с дамой, вероятно, "священной блудницей".[51]

Мистер Фрейзер, возможно, скажет: "Эти вавилонские цари были полигамны и имели большие семьи сыновей". Но подумайте о ситуации! Когда королю приходится рожать сына взамен, править несколько дней и быть принесенным в жертву вместо него, это может быть молодой король, только что женившийся. Даже если бы он мог рассчитывать на ребенка мужского пола или на дюжину из них ежегодно, от них не было бы никакой пользы: они не могли бы совокупляться со священной блудницей, что совершенно необходимо.[52] Итак, после принесения в жертву молодого короля мы оказались в затруднительном положении. Мы должны забыть о праве первородства и начать приносить в жертву братьев короля; они долго не протянут; мы прибегнем к помощи двоюродных братьев. Скоро нам понадобится новая династия. Теперь никакое правительство не могло существовать в обстоятельствах, воображаемых мистером Фрейзером. Страна этого бы не вынесла. Ни один отдельный король никогда не принял бы корону. У людей никогда не было такого нелепого института. Но если бы они этого не сделали, вся теория мистера Фрейзера о Распятии была бы беспочвенной, поскольку все это зиждилось на ежегодном жертвоприношении божественного царя в Вавилоне. Там, где нет исторических свидетельств ежегодного цареубийства, мы должны обратиться к нашим общим знаниям о человеческой природе. Ответ заключается в том, что это невозможно. Более того, эта жертва совершенно бездоказательна.

Единственной причиной полагать, что царей великой Вавилонской империи или даже царей Вавилона, когда он, возможно, был небольшим автономным городом, приносили в жертву раз в год, является слабое свидетельство того, что раз в год на персидском пиру вешали псевдокороля. Чтобы объяснить это *повешение*, мистер Фрейзер должен выдвинуть гипотезу о том, что в старину настоящих королей ежегодно *приносили в жертву*. Единственным подтверждением действительного факта являются жестокие случаи убийства королей, *не* ежегодные, которые мы объяснили как, в большинстве случаев, грубую форму выплаты пенсии по выслуге лет; ни в коем случае не как, безусловно, освобождение признанного бога, воплощенного в короле. В фольклоре также есть примеры ежегодных инсценировок казней майского короля или чего-то подобного, и сомнительный случай в Нижней Мессии. Это не доказывает ежегодных жертвоприношений настоящих королей в прошлом, если они вообще доказывают какие-либо жертвы. В этих обстоятельствах, я осмеливаюсь утверждать, наука требует от нас, если мы должны объяснить предполагаемое ежегодное повешение псевдокороля в Вавилоне, искать теорию, гипотезу, которая не противоречит всему, что мы знаем о человеческой природе. Ибо всей известной нам человеческой природе противоречит представление о том, что когда-то царей Вавилона ежегодно приносили в жертву. Позже я представлю теорию, которая, по крайней мере, не противоречит самой природе человека и пока что является законной и научной.

Мистер Фрейзер говорит, что его теория "вряд ли покажется экстравагантной или невероятной", если вспомнить, что в Нгойо вождь, который однажды наденет королевскую шапку, по правилу, убивается на следующий день.^[53] Поэтому шапку никто не ставит. И никто не надел бы вавилонскую корону при условии, что в конце года его поджарят заживо.

Если бы теория была верна, царя, воплощающего бога, убивали бы ежегодно. Но ему бы это не понравилось, и он нашел бы замену, которая ежегодно погибала бы (а) как доверенное лицо короля или (b) как бог растительности, воплощенный в короле, или как и то, и другое. Тем не менее, я повторяю, не было приведено ни единого примера короля, убитого по магико-религиозным причинам, а также являющегося воплощением какого бы то ни было бога. Убитые короли в приведенных примерах были, как правило, престарелыми, потому что они были стары, или от них избавлялись, потому что они были непопулярны, или потому что клерикальная клика желала их уничтожения, или по какой-то другой причине: самое большее, и редко, потому что они были измотанными "чувствительными". Мы знаем десятки случаев одержимых богом людей, но ни один из них не был убит потому, что они были одержимы богом.

Таким образом, этот аргумент никак не связан с теорией мистера Фрейзера о происхождении веры в божественный характер Христа и его учения.

На этом этапе теория мистера Фрейзера переходит от богочеловеков, убитых для сохранения своей *маны*, или космического *взаимопонимания*, к людям, которые страдают за этих королей. Не приведено ни единого исторического доказательства того, что когда-либо существовал такой обычай. Все является предметом умозаключений и догадок. Мы видели, что в Конго есть регион Нгойо, где трон постоянно вакантен, потому что тот, кто его занимал, был убит на следующий день после дня коронации — никакой замены не предлагается, и никто не сидит в Опасной осаде.^[54] Известны случаи трехдневного пребывания в Камбодже "временных королей" в качестве короля Феврала - временный король принадлежал к младшей ветви королевской семьи. Он не убит. В Сиаме временный король в течение трех дней устраивал *квест*, или шутивный грабеж, как наш Робин Гуд в Шотландии. Это пример *периода действия лицензии*, когда действие закона приостановлено, и важность этого периода мы докажем позже. Псевдокороль также пропахал девять борозд, а позже встал, поставив правую ногу на левое колено. Он сделал то же самое позже, и из его стойкости извлекли предзнаменования; предполагалось, что при наличии твердости он победит злых духов, и у него был еще один *квест*. В Верхнем Египте неразумный царь в течение трех дней устраивает пародию на суд, затем его осуждают, и его "оболочка" сжигается; вероятно, как я покажу, это означает, что "авантюра была показана" и закончена.^[55] Есть два или три похожих случая, и мистер Фрейзер предполагает, что псевдокороль наделен "божественными или магическими функциями" настоящего короля. Но местный паша на Ниле не имеет таких функций, и его августейший представитель носит "высокий дурацкий колпак". Никого не казнят: один только верхнеегипетский регистр смутно, если вообще есть, указывает на то, что доверенное лицо должно было (как в рассказе Ибн Батуты, интерпретированном м-ром Фрейзером) умереть за короля.

Далее мы переходим к примерам принесения в жертву сыновей царей, но это случаи жертвоприношений за грех (например, когда царь Моавы принес в жертву своего сына на стене), и, даже если мальчики заменяли своих отцов-царей, нет никаких оснований предполагать, что отцов обычно убивали год за годом, чтобы сохранить их космическую *связь*

неизменной или освободить воплощенного в них бога, обычай, которому я вообще не нахожу примеров.

Один из примеров того, что, по его предположению, является жертвоприношением по доверенности от имени царя, мистер Фрейзер находит на празднике в Вавилоне под названием Сакея.^[56] К этому мы вернемся в надлежащем порядке. Сначала мы должны изучить случаи применения аналогичных обычаев или предполагаемых обычаев в Греции и Борне.

Между тем мы надеемся показать, что теория мистера Фрейзера о происхождении веры в Божественность Христа уже основывается на трех едва ли законных гипотезах. Во-первых, существует гипотеза, что короли были убиты, чтобы освободить известное божество, воплощенное в них, и обеспечить лучшее человеческое воплощение. Примеров этого обряда приведено не было. Далее, существует гипотеза, что царя Вавилона ежегодно приносили в жертву, и ему наследовал новый царь, которого приносили в жертву в конце года. Исторических свидетельств не существует, и в предполагаемый обычай невозможно поверить. В-третьих, мы должны верить в доверенных лиц или заместителей, которые ежегодно умирают за короля. Из этой практики не приводится ни одного реального примера.

Здесь, возможно, читателю будет предложено спросить себя, верит ли он, что когда-либо и где-либо существовал обычай ежегодного убийства короля, главы государства. Если он не может поверить в это из-за полного отсутствия доказательств, он может восхититься верой, которая может сдвинуть эту гору в интересах выводов мистера Фрейзера. Со своей стороны, могу сказать, что я был настолько загипнотизирован, впервые прочитав длинный свиток "Печальных историй о смерти царей" мистера Фрейзера, что смог только пробормотать: "Но нет никаких исторических свидетельств ежегодных вавилонских, или, скорее, персидских, цареубийств". Затем я очнулся от гипнотического транса; я стряхнул с себя дремотные чары внушения и воскликнул: "Короля убивают *ежегодно!*" Затем я спросил себя, примут ли корону смертные и как это будет устроено, и, увы! моя вера в теорию мистера Фрейзера была поколеблена.

Но "обычный читатель", ознакомившись с аргументацией на 1400 страницах, может попасть под гипнотические чары многочисленных "случаев", хотя ни один из них не соответствует сути, и может принять гипотезу, сколь бы яростно она ни противоречила его знанию человеческой природы. К этому критерию мы в подобном случае вынуждены апеллировать, как бы мало мы ни ценили "здравый смысл" в других областях спекуляции. Наша область - это область нормальной человеческой природы, мотивов и действий, в которой каждый человек может быть судьей. Я не могу не думать, что автора этой теории остановили бы столь очевидные соображения и столь непреодолимые препятствия. Но сначала у него возникла отдаленная аналогия с ацтекским военнопленным, который олицетворял бога и которому приносили жертву. Этот пример не приносит реальной пользы: этот человек был пленником и ничего не мог с собой поделать; он не был королем Анауака. Более того, он был принесен в жертву: его смерть не была сопряжена с особым позором. Опять же, если верить легенде, которую мы собираемся изложить, жертвой был Сатурниан. Но он тоже был принесен в жертву: его не раздели, не подвергли бичеванию и не повесили. Наш автор, однако, был очарован Крестом в конце длинного повествования. Таким образом, вместо того, чтобы искать или, по крайней мере, вместо того, чтобы найти простое объяснение персидскому обычаю или оставить его необъясненным, он признал невозможность ежегодного цареубийства в Вавилоне и пустился в новые рассуждения и умозаключения, чтобы

объяснить отсутствие в персидском случае жертвоприношений и религии, наличие веселья и повешения.

Против САТУРНАЛИЙ

Далее мы обратимся к историческому случаю ежегодного жертвоприношения не короля, а псевдокороля. Таким образом, этот аргумент приводит нас к римскому празднику Сатурналий. Этот праздник (в последнее время проводившийся с 16 по 23 декабря) так сильно напоминал наше Рождество по веселью, что Плиний (как и некоторые из нас) имел обыкновение удаляться в самую уединенную комнату на своей вилле в лаурентийском стиле, чтобы укрыться от шума. М-р Фрейзер не отмечает этого обстоятельства, но в Риме до Империи или раньше Сатурналии, по-видимому, были праздником только одного дня. "У наших предков, - говорит Макробий, - Сатурналии совершались за один день", хотя он, кажется, не очень уверен в этом факте. Ливий говорит: "Сатурналии были учреждены как праздничный день".[57] После правления Калигулы Сатурналии продолжались пять дней, "точно как праздник Сакея в Вавилоне", о котором нам суждено много слышать.[58]

Таким образом, получается, что первоначально Сатурналии были праздником продолжительностью в один день, позже их продлили до пяти дней, а затем снова до семи. Ко времени таких писателей, как Лукиан и Марциал, пир продолжался неделю, и Лукиан представляет Кроноса (Сатурна) веселым старым королем неразумия.[59] Богатые помогали бедным, люди делали друг другу подарки, преобладала "философия рождественских гимнов", как называет это Диккенс. Хозяева прислуживали рабам за столом; все было распушенностью и разгулом. В качестве подарков дарили восковые свечи (*seceae*), как на наших рождественских елках. Эти *цереи*, согласно Макробию, считались некоторыми антикварами заменителями человеческих жертвоприношений. Первоначально, как говорили, пеласги, прежде чем переселиться в Италию, получили от Додоны предсказание:

Τῷπατρί πέμπετε Φῶτα

"Отправь человека к Отцу", то есть к богу Кроносу или, в Италии, Сатурну. Но, благодаря каламбурю на греческом *Φῶτα*, они были вынуждены заменить светильники восковыми свечами.[60]

Теперь действительно удивительно, что, если настоящие человеческие жертвоприношения приносились после нашей эры, на Сатурналиях, ни один римский антиквар (а антикваров было множество) не упомянул об этом факте, обсуждая теорию о том, что *seceae* были заменой жертвоприношения. Если время от времени во времена Империи в сельской местности появлялся слух о том, что человеческие жертвоприношения сохранились или возобновились, антиквары жадно хватались за это, как за доказательство того, что восковые свечи действительно были заменой человеческих жертвоприношений, в чем некоторые сомневались. О том, что рецидивы в сельской местности действительно происходят, мы знаем из недавнего случая, когда ирландскую крестьянку сожгли заживо, чтобы избавить ее от феи.[61]

Мистер Фрейзер, однако, считает, что человеческие жертвоприношения на Сатурналиях действительно имели место. Он "склонен предположить", что король пирушек (который

отзывался на нашу "Двенадцатую ночь" "Королем" или "Королевой бобов") "возможно, изначально олицетворял самого Сатурна".[62] На следующей странице мы читаем, что жертва "перерезала себе горло на алтаре бога, которого он олицетворял". Ниже приводится единственный известный или предполагаемый случай человеческого жертвоприношения на Сатурналиях.

В 303 году н.э., когда начались гонения при Диоклетиане, некто Дасий, христианский солдат из Нижней Месии, как говорят, был жертвой, которую солдаты ежегодно выбирали в качестве псевдокороля *месяца*, а не недели, Сатурна того события. Почему месяц, если древний праздник длился всего день, а позже - всего неделю? После того, как он тридцать дней был веселым монархом, он должен был перерезать себе горло у алтаря Сатурна (*κρόνος*, в греческой рукописи.).[63] Дасий отказался от короны, и 20 ноября его ударил по голове солдат, по-видимому, крещеный человек по имени Джон. Сатурналии в Риме длились (по крайней мере, при Империи) с 16 по 23 декабря. Дасий, должно быть, был казнен за свой отказ, объявленный до того, как должно было начаться его *месячное* правление (в другом месте известна только неделя) - 23 ноября; если месяц правления закончился 23 декабря. Таким образом, можно предположить, что праздничные сатурналии в Риме произошли от неизвестного в Риме, но сохранившегося среди солдат обычая убивать псевдокороля Сатурна. Дасиус не был рабом или преступником, он сам был солдатом. Можно предположить, что развлечения в течение месяца, а не дня или недели, также должны быть способом выживания, хотя изначально день был пределом. Дату рукописи о Дасиусе мистер Фрейзер не называет, но он думает, что самая длинная рукопись "вероятно, основана на официальных документах". Я вернусь.

Гротескная фигура Карнавала, уничтоженная в конце современного римского праздника, который приходится не на декабрь, также является остатком убитого псевдокороля, "олицетворявшего Сатурн", как предполагает мистер Фрейзер, хотя в древнем Риме даже эта карнавальная практика нам неизвестна.[64]

Уже было замечено, что даже если римляне в какую-то отдаленную эпоху ежегодно приносили в жертву псевдокороля, олицетворявшего бога, они не делали этого на Пасху, как в случае с Христом, не делали этого весной и не бичевали жертву. Их обряд, если он действительно соответствовал обряду солдат, убивших Дасия, начался в ноябре и закончился в декабре, длившись тридцать дней, или, *тест Макробио*, первоначально длившийся один день. Если убийство Дасия действительно имело место и было пережитком некогда распространенного обычая (как в древнем Анауаке), то ранние Сатурналии длились месяц, с 23 ноября по 23 декабря; но римские антиквары ничего об этом не знали. Дата месяца действительно далека от Пасхи, поэтому мистер Фрейзер должен попытаться показать, что первоначально Сатурналии были весенним праздником, подобным карнавалу.

Чтобы карнавал и Сатурналии совпали, мистер Фрейзер указывает, что "если Сатурналии, как и многие другие времена года, всегда отмечались в конце старого года или в начале нового, они должны были, как и карнавал, первоначально проводиться в феврале или марте, в то время, когда март был первым месяцем римского года".[65] Таким образом, в консервативных сельских округах Сатурналии по-прежнему проводились бы в феврале, а не, как в Риме, в декабре, хотя римские авторы нам об этом не говорят, и хотя языческие народы, не принадлежащие к римской империи, проводили праздник в день зимнего солнцестояния. Солдаты, убившие беднягу Дасиуса, были ультраконсервативны, но они убили его в ноябре, когда начался их месяц

Сатурналий, а не в феврале, когда, по старому обычаю, их Сатурналии должны были состояться. Гипотезу можно сформулировать так:

1. В сельских округах "старая и суровая практика" убийств, возможно, сохранилась надолго.^[66]
2. В сельских округах Сатурналии продолжали проводиться в феврале-марте, а не в декабре.^[67]
3. Поэтому солдаты, которые придерживались "старой и суровой практики" отдаленных районов, где Сатурналии проходили в феврале-марте, убили Дасия — в ноябре!

4. Между тем сельские округа были так увлечены Сатурналиями в феврале-марте, что праздник продолжался в эти месяцы при Церкви и стал нашим карнавалом.

5. Солдаты-эклетики в Нижней Мисии продолжали *старые* убийства и целый месяц разгула (хотя мы никогда не слышим о полном месяце в древнем или более позднем Риме), но они приняли *новую* дату - ноябрь (в Риме ее нет) и декабрь; хотя в их отдаленных сельских домах Сатурналии проводились в феврале-марте. Несомненно, их офицеры настаивали на новой официальной дате, разрешая использовать старый месяц пирушки и человеческие жертвоприношения. Однако, по-видимому, в старину пирушка проводилась всего в один день.

Но является ли история святого Дасия правдивой историей? Редактор и первооткрыватель греческого текста, в котором легенда приводится полностью, профессор Франц Кумонт из Гента, сначала считал, что в том, что касается жертвоприношения военного псевдокороля, история является ложной. Я уже заметил, что мистер Фрейзер ничего не говорит о дате греческой рукописи, содержащей самую длинную легенду о Дасиусе. Рукопись относится к одиннадцатому веку нашей эры, и оригинальное повествование, по его мнению, было переведено на греческий с латыни, которая, возможно, была основана на официальных документах, до конца седьмого века^[68] н.э. кем-то, кто плохо знал латынь, писал на отвратительном греческом, не понимал своего предмета и был далек от щепетильности. Эти чувства месье Кумона "предстают в новом и зловещем свете" — как говорит м-р Фрейзер о чем-то другом - единственном свидетельстве ежегодного военного жертвоприношения псевдокороля на Сатурналиях. Наш автор был недобросовестен, поскольку он заставляет Дасия исповедовать Никейский символ веры до того, как он был составлен. Что касается тридцатидневого пира, месье Кумон полагает, что *это* грубая ошибка нашего автора, который не знал, что Сатурналии заняли всего неделю.^[69] М. Кумон считал, что царь пира не должен был убивать себя, а только принести жертву Сатурну; фактически, Басс, его командир, в легенде просит его "принести жертву нашим богам, которым поклоняются даже варвары". Дасий, говорится в рукописи, отказался, и солдат по имени Джон ударил его по голове. "Джон", вероятно, был христианином, и М. Кумон предполагает, что невежественный переводчик латыни принял "сепультус эст" ("он был похоронен" солдатом по имени Джон) за "пульсус" или "депульсус эст", "его ударили по голове" (*ἐκρούσθη*.) На самом деле греческий переводчик седьмого века подретушировал свой латинский оригинал *à plaisir*. Человеческие жертвоприношения, по словам М. Кумона, были отменены со времен Адриана. Солдаты, если они приносили в жертву псевдокороля, нарушали императорский указ.^[70]

Таким образом, наше свидетельство, если г-н Кумон прав, может показаться свидетельством неверного и не очень скрупулезного переводчика и приукрашивателя латинского текста. Между

прочим, он сообщает нам, что подобные шумные представления происходили в его собственный христианский период, но не в декабре, а в День Нового года. Таким образом, Сатурналии были перенесены на неделю с 23 декабря; мы не узнаем, были ли они перенесены на февраль-март или сохранялись. Моральный урок этой легенды заключается в том, что мы не должны шуметь в День Нового года.

Таким образом, месье Кумон поначалу не принял свидетельства о ежегодном принесении в жертву псевдокороля, представляющего бога Сатурна. Но М. Пармантье предположил, что древний жестокий обряд, возможно, был введен восточными солдатами в Месию (303 г. н.э.) благодаря разрешенной жестокости преследований при Диоклетиане. Жертва, Дасиус, был христианином, и автор его легенды рассказал эту историю, чтобы проиллюстрировать грех разгула в День Нового года. Но что привело к возрождению жестокости? Месье Пармантье процитировал историю о нашем вавилонском празднике Сакея, во время которого был избит псевдокороль. Этот или аналогичный обряд римские легионы в конце концов перепутали со своими собственными Сатурналиями, как по дате, так и по характеристикам. Восточные солдаты Римской империи ввели в армию этот восточный праздник и жертвоприношения: точно так же, как они привезли в Месию памятники поклонения Митре. В час военной распущенности и преследований когорты в Месии, возможно, действительно пытались принести в жертву рядового-христианина как представителя короля Сатурна.

Пока что жертвоприношение является азиатским привозом, а не римским пережитком. Но г-н Кумон, прочитав г-на Пармантье, отказался от своего неверия в правдивость легенды о Дасиусе. Он полагал, что продление Сатурналий с одного дня до пяти дней после Калигулы могло быть связано с имитацией, введенной восточными рабами в Риме (влиятельный класс) пятидневного праздника вавилонских святилищ. Но тридцать дней, как в Мессии, - это не пять дней. Он также склонялся к принятию недавно предложенного отождествления Сакеи с действительно древнеавилонским праздником под названием *Загмук*, или *Закмук*, и с еврейским Пуримом, отождествление, которое мы позже подвергнем критике. Что касается императорского эдикта, запрещающего человеческие жертвоприношения, то г-н Кумон теперь предположил, что он стал мертвой буквой и бессильным. Во время общего упадка 303 года процветали чудовищные жестокости, и Сатурналии были отмечены гладиаторскими боями. Таким образом, в отдаленной Месии солдаты-наполовину восточники действительно могли пожертвовать христианином "ради безопасности его товарищей по оружию".

Пока что жертвоприношение Дасия выглядит скорее как жестокость, привнесенная в декадентский Рим и на добродушные Сатурналии восточных легионеров, чем как римское пережиток или рецидив обычной оригинальной черты Сатурналий. В любом случае, раздевание и бичевание сакского псевдокороля, его повешение и его имитация воскрешения (о чем, как мы увидим, догадывается мистер Фрейзер) отсутствуют, в то время как дата предполагаемой операции (ноябрь-декабрь) не совпадает с Пуримом, или Пасхальной Датой, или датой Сакеа. Продолжительность праздника Дасиус - тридцать дней - не является ни римской, ни восточной. Таким образом, обряд, описанный в Месии, не только не проясняет восточную практику, но и делает проблему еще более запутанной. В свидетельствах есть все возможные недостатки, и, возможно, стоит рассмотреть предположение о том, что греческий писатель изобрел жертвоприношение, чтобы дискредитировать новогодние гулянки своих современников.

Возможно, я могу намекнуть, что считаю исторические свидетельства автора легенды о Дасиусе настолько сомнительными, что мог бы ожидать от мистера Фрейзера критики их характера. Обычный читатель не может почерпнуть из "Золотой ветви" никакого представления о шаткости свидетельства, которое, конечно, сразу бросается в глаза читателям французского и греческого языков. Мы обращаемся к ученым, и для ученых мистер Фрейзер снабдил необходимые цитаты, но мое сердце склоняется к тому, чтобы учесть потребности широкого читателя. (Ср. "Человек", май 1901, № 53.)

VI. ГРЕЧЕСКАЯ КРОНИЯ

Из Рима мы отправляемся в Грецию. Кронос в Греции более или менее соответствовал Сатурну в Риме, хотя мне нет необходимости здесь обсуждать, насколько большое сходство объясняется римской лакировкой с греческим мифом. Теперь афинский праздник Кроноса приходился не на ноябрь, декабрь, февраль и март, а на июль.^[71] Следовательно, мистеру Фрейзеру необходимо предположить, что июльские праздники Кроноса когда-то были или могли быть весенним праздником, подобным карнавалу и Сатурналиям, которые (по другой гипотезе) *первоначально* приходились на февраль или март, хотя доказательств этому у нас нет. Действительно, изменение почтенного народного праздника из-за официального изменения календаря противоречит обычаю для населения. Если бы римляне в течение неизвестных веков проводили Сатурналии весной, они не стали бы переносить дату своих празднеств и сокращать их продолжительность на три недели (или двадцать девять дней), потому что новый год был перенесен с марта на январь. В Шотландии на протяжении всего Средневековья и гораздо позже год начинался в марте. Но Йоль не был перенесен на март: он оставался и остается, как и Сатурналии, в день зимнего солнцестояния.

В качестве доказательства того, что аттический праздник Кроноса (предположительно, ответ на Сатурналии) первоначально проводился весной, а не в июле, м-р Фрейзер пишет: "Пирог с двенадцатью горлышками, который, возможно, относился к двенадцати месяцам года, был предложен Кроносу афинянами в пятнадцатый день месяца Элафеболион, что примерно соответствовало марту, и есть следы дозволения рабам на дионисийском празднике открытия кувшинов с вином" в предшествующий месяц цветов.^[72] Это был подходящий сезон для получения лицензии.

Возможное значение пирога не имеет большого значения, а Кронос - это не Дионис. В Олимпии был весенний фестиваль Кроноса, и августа. Моммзен считает, что афинский праздник Кроноса изначально был весенним, хотя афинская традиция считала, что это был праздник урожая.^[73]

Таким образом, аттические обычаи не соответствуют аргументам мистера Фрейзера. Но у него есть другой греческий пример. Жертвенники, называемые "царями", приносились в жертву Кроносу в Олимпии весной, и почему бы им однажды не быть принесенными в жертву, как Дасий, только весной, а не в ноябре? Это свидетельство является выводом из предполагаемого существования человеческих жертвоприношений Кроносу, который, безусловно, получил много таких подношений.

Нам не говорят, мы не знаем, почему афинские Кронии были перенесены с марта на июль или когда, но пусть никакой произвол подобного рода не мешает приравнять их к Сатурналиям, которые нам известны только как декабрьский праздник, а не как весеннее ликование. Исключительно неудачно, что июльская дата афинской Кронии совпадает с июньско-июльской

датой персидской Сакеи, как указано м-ром Фрейзером (и, вероятно, приведено правильно) во втором томе.[74] Но в своем третьем томе он осознает желательность размещения Сакеа около Пасхи, а не в июле, и, таким образом, теряет любую выгоду, которую его аргумент мог бы извлечь из совпадения даты аттического праздника урожая (Cronia) и персидского, на котором первоначально установлена эта дата.[75]

Насколько глубоко об этом следует сожалеть, мы увидим позже, поскольку периоды распушенности, подобные Сакеа, обычно наступают сразу после сбора урожая, в настоящее время Кронии. Свобода рабов пировать со своими хозяевами была отличительной чертой Кронии урожая, как и многих других праздников урожая.[76] Но предположение о том, что Кронии изначально были весенним праздником, лишает их лицензии на такие игрища сбора урожая, как Сакеа в июне-июле. С другой стороны, гипотеза о том, что Сакеи были весенними, связывает их с Пасхальным приливом и с другой гипотезой о том, что короли когда-то приносились в жертву предположительно весенней Кронии, и поэтому имеет свою ценность для аргументации мистера Фрейзера.

VII. CAKEA

Мы все еще пытаемся найти исторический случай, когда человек был принесен в жертву в качестве бога и короля. Следующий аргумент приводит нас к святилищу в Вавилоне, когда был повешен псевдокороль, персидскому празднику, который, как мы видели, г-н Парментье, следуя г-ну Мейснеру, склонен отождествлять с древневавилонским Загмуком, или Закмук, и с еврейским Пуримом.

Это отождествление, эта теория о том, что Закмук, Сакеа и еврейский Пурим - это один и тот же праздник, имеет важное значение для теории мистера Фрейзера. Но до того, как его теория была опубликована, Мейер в новом томе своей "Истории античности" заявил, что идентификация невозможна филологически и фактически (*Geschichte des Alterthums*). Было бы интересно узнать значение слова *Sacæa*, или *Sacea*, или *Сакия*, которое Хайд переводит как "веселое питье, питье здоровья" (*compotatio, propinatio*).[77] Мы помним персидского дворецкого по имени *Сакиу* Омара Хайяма:

Вечный *Саки* из чаши вылил
Мириады других пузырьков и будет выливать.

Если виноторговец, *Саки* Омара, этимологически связан с Сакеа, или Сакэа, то пир означает вечеринку с вином. Греки, однако, связывали сакею с саками, восточным племенем великой расы, простиравшейся от Черного моря до Дакии. Действительно, во времена Страбона пирующие в Сакеа одевались как скифы (*Sacæ*) и пили, поскольку Гораций говорит нам, что скифы привыкли пить. Это произошло в Зеле, городе на Понте, где поклонялись богине любви, по-персидски Анайтиде, по типу вавилонской Иштар. М-р Фрейзер даже предполагает, что ее верховного жреца или заместителя, "который играл царя Сакеи", ежегодно приносили здесь в жертву, возможно, как Таммуза.[78] Никаких записей об этом факте до нас не дошло.

Интересным моментом в этом происхождении сакея от племени саков является то, что, по словам Страбона, считалось, что праздник проводился в ознаменование великой победы персов над саками. Точно так же предполагалось, что персидский праздник Магофонии был посвящен победе над волхвами и их истреблению.[79] Пурим, опять же, проводился в

ознаменование победы евреев над персами и резни персов. Таким образом, в трех случаях: Сакея, Магофония и Пурим, праздник, который представлял собой светскую попойку, сохраняют память о кровавой победе. Я не заметил, чтобы мистер Фрейзер заметил это совпадение.

Но очевидно, что такого рода пир не является праздником смерти псевдокороля и тем более, если это возможно, религиозным праздником смерти и воскресения весеннего бога.[80] Однако на самом деле (если мы примем довольно скудные доказательства) не жертвоприношение, а казнь псевдокороля, преступника, в Сакее, как это было в Вавилоне. Я цитирую наши власти. Первым идет Афиней, который пишет о празднествах неразумия, на которых в разных регионах рабам прислуживают их хозяева.[81] Он ничего не говорит о казни псевдокороля. Он замечает: "Бероз в первой книге своей "Истории Вавилона" говорит, что в шестнадцатый день месяца Лус в Вавилоне отмечается великий праздник, который называется *Сакеас*, и длится он пять дней; и в эти дни у хозяев есть обычай подчиняться приказам своих рабов, и один из рабов надевает одежду, подобную царской, его зовут *Зоганес*, и он является хозяином дома. И Ктесий также упоминает этот праздник во второй книге своей "Истории Персии".' (Ктесий начал питаться несколько раньше, чем Бероз, которому около 200 г. до н.э.)

Таким образом, Афиней умалчивает о казни псевдокороля, хотя, несомненно, перед ним была книга Бероса. И Дион Хризостом, который действительно говорит о казни, и только он один делает это, ничего не говорит о Беросе или каком-либо другом авторитете. Я цитирую наблюдения Диона Хризостома. Он вкладывает их в уста циника Диогена, который читает лекцию Александру Македонскому, чтобы укротить его гордыню; и который рассказывает показательные анекдоты, некоторые из которых абсурдны, подобно тому, как мистер Барлоу инструктировал мастеров Гарри Сэндфорда и Томми Мертон. Затем Дион заставляет Диогена сказать, что в Сакее "берут одного из приговоренных к смерти узников и сажают его на царский трон, и дают ему царскую одежду, и позволяют ему господствовать, пить, буйствовать и использовать царских наложниц в течение этих дней, и никто не мешает ему делать то, что ему нравится. Но после этого они раздевают, бичуют и распинают (или вешают, *ἐκρέμασαν*) его." [82] Он умирает не как жертва, через жертвоприношение, а как преступник, через жестокую и унижающую достоинство форму смертной казни. [83] Согласно Dio, любой осужденный преступник будет отбывать свой срок. Но мистер Фрейзер предполагает, что, возможно, профессия жертвы передавалась по наследству. [84]

Такова история, которую Дион заставляет Диогена рассказать Александру в юмористическом оправдании царской гордыни. "Скоро у тебя вырастет гребень, как у петуха", - говорит Диоген в эссе Диона. Я не думаю, что свидетельства, найденные только в литературных заметках и вложенные в уста известного юмориста, исторически доказывают, что псевдокороля на самом деле вешали раз в год, на празднике, описанном Афинеем, Страбоном и Исихием, которые никогда не упоминают о таком странном событии, как повешение. Читатель не обнаружит, что мистер Фрейзер высказывает все эти сомнения. Действительно, студент, избегающий сносок, поверит, что история о повешении написана "по словам историка Бероса, который, будучи вавилонским священником, говорил с достаточными знаниями". [85]

Теперь, допуская, что в Вавилоне действительно ежегодно проводилась казнь преступника, псевдокороля, почему он был приговорен к смерти? Мы знаем, чего требует теория мистера Фрейзера. Ему нужны исторические примеры людей, которые, будучи принесенными в жертву,

приобретают божественный характер, представляя бога, которому они приносятся в жертву. Теория также требует, чтобы эти жертвы были одеты и коронованы как короли. Желательно также, чтобы они погибли во время нашего Пасхального Прилива и чтобы предполагалось, что они воскреснут. Единственный пример сатурналийской жертвы в Мессии не соответствовал этим условиям. Он действительно был одет как король и был принесен в жертву, если верить легенде о святом Дазиусе; но его не раздели и не подвергли бичеванию, и он умер не на Пасху, а в ноябре: если бы он не отказался от возложенной на него роли, он умер бы в декабре. О его воскрешении не было сказано ни слова. Было сочтено необходимым предположить, что первоначально жертва Сатурналий умерла в феврале-марте, но это не было доказано.

Другой исторический случай, мнимый король Сакеи, также не соответствует требуемым условиям. Его облачают, коронуют и бичевают, но он не приносится в жертву. У нас нет и намека на воскресение; никакого религиозного характера, связанного с праздником; никакого божественного характера, связанного с жертвой. Праздник традиционно является праздником в честь победы: жертва - осужденный преступник. Что касается даты смерти, у мистера Фрейзера есть две противоречивые теории. Согласно первой (которая верна), жертва умерла, вероятно, в июне-июле (если нет, то наверняка в сентябре). Во втором месяце дата смерти устанавливается (предварительно) в марте-апреле. Позвольте мне добавить, что в соответствии с теорией мистера Фрейзера жертва не только должна была быть божественной при возникновении института, но и должна была быть признана божественной во время Распятия нашего Господа: в противном случае смерть нашего Господа в образе жертвы не могла придать ему никакого "ореола божественности".

[1] Спенсер и Гиллен, уроженцы Центральной Австралии.

[2] G. B. i. 80, 81.

[3] G. B. ii. 81.

[4] Этюды традиционистов. А. Л.

[5] G. B. i. 157.

[6] G. B. ii. 1-5.

[7] Современная мифология, "Мифы о происхождении смерти".

[8] Спенсер и Гиллен, стр. 476.

[9] Маринер, ii. 127.

[10] Создание религии, главы xi.-xiii.

[11] G. B. ii. 1.

[12] Прим. Культ. ii. 308, 1871; ii. 340, 1873. В издании 1891 года мистер Тайлор, в соответствии со своими изменившимися идеями, отказался от своего отрицания заимствования и сказал, что

позже Торнгарсук был отождествлен с дьяволом — обычный результат миссионерского учения, точно так же, как святые в протестантизме стали "идолами" или их статуи стали "кумирами".

[13] G. B. ii. 1. Meiners, *Geschichte der Religionen*.

[14] Э. И. Додж, *Наши дикие индейцы*, стр. 112.

[15] "Le Jeune", *Relations des Jésuites*, 1633, стр. 16; 1634, стр. 13.

[16] Каллауэй, *Религия амазулу*, стр. 26, 27.

[17] Теве, *Особенности Антарктической Франции*, гл. 77. Париж, 1855. Андуньи - творец, к которому не обращаются в молитве. См. "Наука и суеверия", стр. 10, 11.

[18] Гимны на языке Масперо, *Музыка Булака*, стр. 49, 50.

[19] *Религия Вавилона и Ассирии*, стр. 483.

[20] G. B. iii. 198.

[21] G. B.. ii. 3, 4, цитируется Л. У. Кинг, *Вавилонская религия и мифология*, стр. 8 (1899).

[22] G. B. iii. 154.

[23] Ястроу, *Религия Вавилонии и Ассирии*, стр. 307. Бостон, США, 1898 год.

[24] Ястроу, стр. 311.

[25] G. B. ii. 2.

[26] G. B.. i. 77.

[27] G. B.. i. 77, 78.

[28] G. B. ii. 1.

[29] G. B. ii. 6.

[30] G. B. ii. 56; i. 151 и далее.

[31] G. B.. i. 80-82.

[32] Смертные, воплощающие богов, занесены в каталог G. B.. том i. стр. 139-157. Говорят, что ни один из них не был предан смерти.

[33] G. B.. i. 80, 81.

[34] G. B. ii. 6-8.

[35] G. B. ii. 8-57.

[36] G. B.. i. 236.

[37] G. B. ii. 11.

[38] *Эмин-паша в Центральной Африке*, стр. 91.

[39] G. B. i. 155; сравнить ii. 10.

[40] Каллауэй, *Религия амазулу*, стр. 122.

[41] Здесь факты о Душ Сантуше перепутаны. В томе i, стр. 155 мы читаем: "Король Китевы в Восточной Африке стоит в одном ряду с божеством"; "действительно, кафры не признают никаких других богов, кроме своего монарха, и к нему они обращаются с молитвами, которые другие народы обычно предпочитают небесам" (Душ Сантуш, Пинкертон, xvi. 682, 687, *далее.*). Если у кафров нет богов, бог не может быть воплощен в их короле. Но в другом месте Душ Сантуша (ii. стр. 10) нет "Короля Китевы" (как в i. стр. 155). Китева больше не является округом, но мы читаем "прилегающий к владениям Китева"; название похоже на "инка", на самом деле, как говорит нам Душ Сантуш, Китева - это "король Софалы". Софала также известна как Китева, а король Софалы - как "Китева"? Король Китевы "стоит в одном ряду с божеством", хотя у кафров нет божества, с которым его можно было бы сравнить (ii. 155). Но когда Китева становится "королем Софалы" (ii. 10), соседний принц, который убивает себя, - это "Седанда", о котором не говорят, что он "равен божеству". И Душ Сантуш уверяет нас, что у кафров *есть* Бог, которому не поклоняются!

[42] *Пророчества Брахманского Провидца*, Маккей, Стерлинг, 1900 год.

[43] G. B. ii. 18.

[44] G. B. ii. 18-24.

[45] G. B. i. 139-157.

[46] G. B. ii. 8-24.

[47] G. B. iii. 197.

[48] G. B. ii. 24, 26.

[49] G. B. iii. 194.

[50] Спенсер и Гиллен, Глоссарий, С. В. *Алатуя* и стр. 9-11.

[51] G. B. iii. 178.

[52] *Там же.*

[53] G. B. ii. 26.

[54] G. B. ii. 26.

[55] G. B. ii. 30.

[56] G. B. ii. 24.

[57] Сам Макробий является автором четвертого или пятого века нашей эры. Макробий, i. x. 2; Ливий, ii. xxi. 2.

[58] Кумон, *Филологическое обозрение*, июль 1897 г., том xxi. стр. 149, со ссылкой на Моммзена, C.I.L. I.² стр. 337, и Маркхардта, *Государственный архив*. iii.² 587.

[59] Лукиан, *Сатурналии*, 2.

[60] Макробий, i. vii. 31-33.

[61] Причиной, вероятно, была простая "слепота" при убийстве жены.

[62] G. B. iii. стр. 140.

[63] *Analecta Bollandiana*, xvi. стр. 5-16.

[64] G. B. iii. стр. 143.

[65] G. B. iii. стр. 144.

[66] G. B. iii. стр. 142.

[67] G. B. ii. стр. 144.

[68] Позже (*Rev. de Philol.*, xxi. 3, стр. 152, 153) М. Кумон датирует греческий примерно 500-600 годами н.э., потому что тогда были опасения, как и в рукописи, конца света. Но так было и в 1000 году нашей эры

[69] 16-23 декабря. Так же думает М. Парментье, *преподобный Фил.* xxi. стр. 143, примечание 1. М. Парментье говорит, что мы должны либо предположить, что жертва была выбрана по жребию за целый месяц вперед (о такой практике, я думаю, у нас нет доказательств), либо подвергнуть сомнению всю историю, за исключением простой мученической смерти Дасиуса. Но к последней мере М. Парментье относится слишком скептически.

[70] Порфирий, *О воздержании*, ii. 56; Лактанций, i. 21.

[71] G. B. iii. 147.

[72] G. B. iii. 148.

[73] G. B. iii. 147, примечание 2; 148, примечание 2.

[74] G. B. ii. 253, 254.

[75] G. B. ii. 254.

[76] G. B. ii. 147.

[77] Хайд, *Де Бел. Чел.* стр. 267.

[78] G. B. iii. 163, 164.

[79] Страбон, стр. 512.

[80] Геродот, iii. 79.

[81] Афиней, xiv. стр. 639, ок.

[82] Дио, *Орацио* iv., том i. стр. 76, Диндорф.

[83] Г-н Фрейзер в своем тексте приписывает это утверждение Беросу, вавилонскому жрецу около 200 г. до н.э. Фактически, мы не знаем, насколько Дион авторитетен в отношении этой истории (Г. Б. ii. 24, примечание I). Г-н Фрейзер признает это в своем примечании. Ктесий может быть источником Диона, а может быть, он его выдумывает. С другой стороны, Макробий, позднеримский писатель, говорит, что персы привыкли считать "должной богам жизнь посвященных людей, которых греки называют Занами" (Макробий, *Сатурналии*, iii. 7, 6). Но что такое Zanae, ученые не знают: означает ли это слово ζῶοντες; Г. Б. ii. 24, примечание I). Более того, Макробий, возможно, черпал свои факты из Диона. Но Дион ничего не говорит о "посвященных людях".

[84] Г. Б. iii. 186.

[85] Г. Б. ii. 24.

VI

ПОПЫТКИ ДОКАЗАТЬ БОЖЕСТВЕННОСТЬ САКСКОГО ПРЕСТУПНИКА

Поскольку наши исторические свидетельства не соответствуют потребностям мистера Фрейзера, поскольку сакская жертва считается не божественной, поскольку он не "жертва", а преступник, поскольку он не приносится в жертву, поскольку праздник является не религиозным, а светским весельем, поскольку не упоминается воскресение, поскольку историческая дата не соответствует Пасхе, мистери Фрейзеру приходится изобретать теории, которые докажут гораздо больше, чем факты, изложенные Дионом Златоустом, Беросом у Афиней, Страбоном и Исихием; или докажут, что первоначально факты были противоположными из тех, что зафиксированы в истории.

Мне кажется, что на протяжении всей своей аргументации мистер Фрейзер попеременно представляет две разные теории, и только в конце я могу обнаружить какую-либо попытку примирения. Третья теория, отличная от обеих, по-видимому, отвергнута. Действительно, задача мистера Фрейзера нелегка. Он может сказать, что сакская жертва представляет царя, и что, поскольку царь, согласно гипотезе, божественен, то и жертва божественна. Но, кроме того, ему нужно воскрешение мертвеца, отсюда теория, что жертва олицетворяет не только царя, но и бога типа Таммуза или Адониса. На праздниках этого бога, бога растительной жизни, оплакивали его смерть, радовались его воскресению. В Вавилоне это происходило в июне-июле. Но нет никаких свидетельств того, что за Таммуза была принесена человеческая жертва: нет и того, что его бичевали и повесили. Как совместить эти две теории - жертву как божественного царя и жертву как Таммуза? Их сочетание необходимо, поскольку царь нужен, чтобы отказаться от царских одежд; в то время как Таммуз нужен, чтобы принести воскресение, и пост, предшествующий празднику перед Пуримом, пост плача по Таммузу. Мы не слышим о посте перед праздником Сакэа, но если Пурим заимствован из Сакэа (что необходимо для теории), Сакэа тоже должен был предшествовать пост, хотя он и не зарегистрирован.

Очевидно, что одна теория кинга или одна теория Таммуза не дадут фактов, необходимых для гипотезы. Следовательно, две теории должны быть объединены. Царь должен быть не только божественным, быть богом; он также должен быть богом растительности, богом типа Таммуза, у которого есть воскресение. Сейчас у нас нет никаких доказательств, или их вообще не приводят, чтобы доказать, что царь, будь то вавилонский или персидский, когда-либо считался воплощением Таммуза или любого подобного растительного божества. Без убедительных доказательств этой теория не может продвинуться ни на шаг. У нас есть множество вавилонских священных и светских текстов: ни один из них не приводится в доказательство того, что царь воплощал какого-либо бога, особенно Таммуза.

Затем мистер Фрейзер, выдвинув попеременно теорию кинга и теорию Таммуза, наконец, если я его понимаю, объединяет их. Он говорит о "человеческом боге, Сатурне, Зогане, Таммузе или как там его звали".[1] Таким образом, жертвой становится царь, и мы получаем царские одежды и пять дней царствования. Царь также Таммуз (если я не ошибаюсь в значении), жертва тоже Таммуз, и мы получаем пост (хотя мы не слышим ни о чем перед Сакеа), праздник и воскресение. Но это поздняя и довольно небрежно представленная теория, совершенно лишенная доказательств относительно признания Таммуза царем.

Ранее, на протяжении двух томов, жертва *поочередно* получала свою необходимую божественность от царя и от бога Таммуза. Он получил больше: как царь он имел *доступ* в царский гарем; как Таммуз он был супругом женщины, "вероятно, священной блудницы, которая олицетворяла великую семитскую богиню Иштар или Астарту". Его союз с ней волшебным образом оплодотворил посевы.[2] Аналогичная обязанность во времена мечтаний о гипотезах мистера Фрейзера возлагалась на величество Вавилона. "Первоначально, как мы можем предположить, такие пары исполняли свои обязанности в течение целого года, по окончании которого партнер—мужчина — божественный царь — был предан смерти; но в исторические времена, по—видимому, как правило, богочеловек - Сатурн, Зоганес, Таммуз или как там его звали - пользовался своими божественными привилегиями и исполнял свои божественные обязанности только в течение короткой части года", а именно пяти дней в Святилище.[3]

Божественными обязанностями первых царей Вавилона (если я правильно понимаю мистера Фрейзера) было "отстаивать силы, способствующие плодородию растений и, возможно, также животных". Должны ли мы понимать, что все эти приятные упражнения с леди божественной пары были обязанностями первых царей Вавилона? В таком случае, кто осуществлял гражданский и военный контроль над Империей? Конечно, если ранний царь вообще ничего не делал, а общался с "человеческой богиней, которая делила с ним постель и передавала его благотворную энергию остальной природе", [4] тогда он, возможно, был человеком-богом, Таммузом, если так говорится в текстах, и его заместитель мог сразу умереть как царский доверенный, чтобы спасти жизнь царя, а также как Таммуз. Более того, не имело бы ни малейшего значения, умер такой король или нет. Вот только ни один человек не мог получить звание короля.

Таким образом, возможно, мистер Фрейзер намеревался объединить в одной две теории о жертве как Таммузе и королевском доверенном лице. В таком случае две его явно противоречивые теории - это одна теория.

Но, если я правильно понимаю, это очень смелая теория. Где у нас есть доказанный пример короля, который воплощает бога растительности, играет роль "заботящегося о плодородии

растений" с помощью "человеческой богини, которая делит с ним ложе и передает его благотворную энергию остальной природе", и которого ежегодно приносят в жертву? Содержит ли этот божественный сладострастник также царский гарем, или же эта существенная и более или менее засвидетельствованная часть Сака является более поздним наростом?

Без каких-либо исторических свидетельств такого странного набора фактов, включая ежегодное жертвоприношение монарха, я должен колебаться, стоит ли думать, что теория мистера Фрейзера о короле, который одновременно является королем и Таммузом, а позже имеет замену, которая одновременно является Таммузом и королем, является практической гипотезой, объясняющей "ореол божественности, который был пролит вокруг Голгофского креста". Я не могу принять в качестве доказательства столь необычного сочетания фактов по отдельности, серию выводов и презумпций из сельских или варварских пирушек весной или во время сбора урожая. Существование майского царя или царицы Бобов в Двенадцатую ночь со случайными или даже частыми инсценировками уничтожения монарха игривого дня не может быть использовано в качестве доказательства того, что ранние вавилонские цари в течение года общались с человеческой богиней, а затем были сожжены заживо как боги овощных продуктов; особенно когда нет исторических свидетельств, а только выводы из мифов в пользу какой-либо человеческой богини или сожженного царя.

Между тем у нас нет даже каких-либо свидетельств, подтверждающих, что когда-либо и в каком-либо месте была убита какая-либо человеческая жертва, не говоря уже о таком царе (и царе ежегодно), как Таммуз. У нас есть только предположение, основанное на самом слабом из возможных оснований, на аналогии: "Аналогия, - говорит м-р Фрейзер, — с Литературой и народными обычаями, как европейскими, так и дикарскими, предполагает, что в Финикии дух зерна — мертвый Адонис - мог раньше быть представлен человеческой жертвой".[5] Это вряд ли убедит меня в том, что царей Вавилона ежегодно приносили в жертву как Таммуза или как Адониса.

Признавая, что мистер Фрейзер, возможно, действительно намеревался объединить свои две теории (жертва как царь, жертва как Таммуз), и хотя он, безусловно, делает свою жертву и царем, и богом, я возьму на себя смелость рассмотреть его теорию в последовательности отрывков, в которых она предлагается, и попрошу читателя решить, существует ли одна теория или две.

Но сначала, есть ли у нас какие-либо примеры жертвоприношения человека через повешение, а не через сожжение? Ибо сакская жертва, хотя и признанная повешенной, по словам мистера Фрейзера, должна быть "принесена в жертву".

I. ПРИНЕСЕНИЕ В ЖЕРТВУ ЧЕРЕЗ ПОВЕШЕНИЕ. СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ТАКОЕ?

Давайте посмотрим на реальные человеческие жертвы, о которых действительно известно, что они были убиты в интересах сельского хозяйства. Обрекают ли эти человеческие жертвы на позорную смерть злоумышленники, подобные псевдокоролю Сакеи? Их не было. Случаи приведены в томе ii. стр. 238*и далее*.

1. Индейцы Гайаквара приносили в жертву человеческую кровь и сердца людей, когда засевали свои поля.[6]

2. На празднике урожая у ацтеков жертву раздавливали между двумя большими камнями (возможно, для обозначения измельчения кукурузы?).
 3. Мексиканцы приносили в жертву маленьких детей, детей постарше и стариков на каждой стадии роста кукурузы. Нам не говорят, как они были принесены в жертву.[7]
 4. Египтяне *сжигали* рыжеволосых мужчин и развеивали их пепел веерами. Это сожжение является обычным признаком жертвоприношения, а не повешением или распятием.
 5. Скиди, или Волчьи пауни, *сжигали* жертву Ти-ра-ва, "высшей силе, которая движет вселенной и управляет всеми вещами", но жертвой был олень или буйвол. Также иногда совершались человеческие жертвоприношения перед посевом; жертве раскалывали голову томагавком, затем ее пронзали стрелами, а затем *сжигали*. [8] В некоторых случаях его привязывали к кресту, прежде чем убить топором.[9]
 6. Девушку племени сиу *сожгли* на медленном огне, а затем расстреляли из лука. Ее плоть в магических целях растягивали над только что засеянными полями.
 7. Жертвы в Западной Африке были убиты лопатами и мотыгами и *сожжены* на свежевспаханных полях.
 8. В Лагосе девушку пронзили на кол среди приносимых в жертву овец, коз, батата, головок кукурузы и бананов, развешанных на кольях. Хотя сажание на кол является одной из форм смертной казни, вероятно, предполагалось, что кровь девушки оплодотворит землю. У нас нет доказательств, что распятие использовалось в Вавилоне, или тот же мотив можно было бы использовать для мнимого царя в Сакее. "Можно усомниться в том, что распятие было восточным способом наказания", - говорит мистер Фрейзер. Он не говорит, что это была восточная форма жертвоприношения.[10]
 9. Маримо убивают и *сжигают* человеческую жертву, а пепел разбрасывают по земле, чтобы удобрить ее.
 10. Баголо разрубает раба на куски.
 11. Некоторые племена в Индии разрубают жертв на куски.
 12. Кудулу позволяют жертве все развлечения, женщин и все остальное, сакского псевдокороля, а затем вырезают в нем дыру и мажут его кровью идола. Это жертвоприношение, а не смертная казнь.
 13. Кхонды убивали свою почитаемую и богоподобную жертву различными способами, удушая ее на дереве, *сжигая* и разрубая на куски, чтобы его плоть можно было посеять на полях. Голова, внутренности и кости были *сожжены*.
- Таковы примеры реальных человеческих жертв, принесенных в жертву ради урожая. В шести из четырнадцати случаев пепел, кровь или плоть жертвы магически используются для удобрения полей, и, вероятно, это делается в нескольких других случаях. В семи случаях происходит сожжение. В двух случаях совершается жертвоприношение богу или идолу. Только в одном случае способ умерщвления является признанной формой смертной казни.

Поэтому мне не кажется оправданным, что мистер Фрейзер принимает за "жертву" смертную казнь, вынесенную в Сакее псевдокоролю, который, как известно, был преступником, приговоренным к смертной казни, и который был повешен, а не принесен в жертву.

Конечно, мистер Фрейзер пытается переломить этот момент, и как? Возможно, древние цари Лидии когда-то были сожжены заживо на кострах "как живые воплощения своего бога". Ибо лидийский, как македонский и многие другие царские дома, утверждали, что происходят от Геракла, который, будучи охваченным огнем уже под рубашкой Несса, гомеопатически сжег себя. Крез, побежденный, был близок к смерти в огне, но не от собственной головы. Сайрус собирался сжечь его заживо, как Жанну д'Арк, Кранмера, Уишарта и других. Это жестокое обращение со стороны иностранного врага вряд ли доказывает лидийский обычай, да и лидийцы не совсем вавилоняне. Опять же, если старый прусский король "желал оставить после себя доброе имя", он сжигал себя перед священным дубом. "Краммис не пруссак", как и цари Вавилона. И снова Движущие силы подумали, что "божественной парой, которая фигурировала в качестве заместителя" в Сакее, были Семирамида и Сандан или Сарданапал. (Какая божественная пара, доверенное лицо короля и одна из наложниц короля, или мужчина Таммуз и священная блудница?) Греки считали Сандана Гераклом, и его изображение, возможно, было сожжено на погребальном костре на празднике в Тарсе. Итак, персы, согласно Агафию, поклонялись Сандесу (Сандану), и, возможно, вавилоняне делали то же самое, хотя на самом деле этого приятного византийского второстепенного поэта, Агафия, нельзя назвать хорошим свидетелем. Далее, К. О. Мюллер думает, что Сандан (Сандес), возможно, был сожжен в мистической пьесе в Ниневии, Мюллер дал волю своей фантазии, как он сам признает. Моверс тоже думал, что "в Сакеа Зоганы представляли бога в паре с женщиной, олицетворявшей богиню".^[11] И Моверс считает, что сакская жертва изначально была сожжена.^[12]

По этим "изысканным причинам", что лидийские монархи утверждали, что происходят от Геракла, который был сожжен, что Кир хотел сжечь Креза заживо, что старые прусские короли, желавшие оставить доброе имя, сожгли себя, что Моверс думал, что Сандан или Сарданапал могли фигурировать в Саке как Зоганес, что Агафий упомянул Сандеса как вавилонское божество, и что Моверс думает, что человек, изображавший бога, был сожжен, мистер Фрейзер предполагает, что, возможно, псевдокороль Сакеи *был* сожжен.^[13] Но мы знаем только, что он был подвергнут бичеванию и повешен. Так что, возможно, предполагает мистер Фрейзер, его *одновременно* бичевали, повесили и сожгли после этого, или, возможно, повешение или распятие "могло быть более поздним смягчением его страданий" — изрядным смягчением! И почему была добавлена порка?^[14] Лучше быть сожженным, как бог и царь, чем быть сначала выпоротым, а затем распятым, как преступник самого низкого и раболепного сорта, теряя, к тому же, необходимый намек на жертвенность и божественность, подразумеваемые при сожжении. Кроме того, кроме этой теории о жестоком и унижительном "смягчении наказания", вообще нет никаких свидетельств, кроме того, что доказывает, что с псевдокороля в Сакее сначала сняли королевскую мантию, затем выпороли, а затем повесили. Если он умирает как бог или царь, почему с него снимают королевские одежды? Человек был повешен, понес смертную казнь (которую как осужденный преступник он вполне заслуживал), и "этому пришел конец", как грубо заметил доктор Джонсон. Теперь "мы не должны забывать", что мистер Фрейзер объявил это "жертвоприношение" божественного царя своей теорией, но нам не нужно, я бы даже сказал, не должны принимать эту теорию. Потому что, во-первых, мистер Фрейзер приводит множество примеров людей, которые верили, что в каждом из них есть бог,

временно или постоянно.[15] Но ни в одном отдельном случае не говорится, что человек был убит ради бога, которого он содержит.

Во-вторых, в случае сакского псевдокороля исторически не было жертвоприношения.

Таким образом, псевдокороль, если и обладает какой-либо божественностью, то не приносит ее в жертву, поскольку он не приносится в жертву; и не представляет короля, воплощающего бога, поскольку не доказано, что никакие короли или другие лица, считающиеся воплощающими богов, будь то временно или постоянно, не были убиты ради блага этого бога. Как и те короли, которые действительно были убиты, не являются повешенными. Смерть человека как бога, если уж на то пошло, относится совсем к другому празднику, Таммузу или Адонису, и к совершенно другому набору идей. На самом деле у нас нет доказательств того, что человек когда-либо был повешен или принесен в жертву как воплощение Адониса или Таммуза. Но теория мистера Фрейзера о причине Распятия на Голгофе требует *жертвоприношения* человека, который *по должности* является богом, приносится в жертву в этом качестве и притворяется воскресшим. Он также должен быть царственного происхождения, чтобы объяснить алую мантию и терновый венец великой жертвы.

II. ЭТАПЫ ТЕОРИИ МИСТЕРА ФРЕЙЗЕРА

Давайте теперь проследим этапы развития теории мистера Фрейзера о том, что священная жертва является одновременно богом и царем.

1. Первым по порядку изложения идет описание жертвоприношения, составленное Афинеем, который не упоминает жертву, и Дионом Хризостомом, который упоминает. Мы узнаем (от мистера Фрейзера, а не от Дио)[16], что жертва "умирает вместо короля". Но "мы не должны забывать, что король был убит в качестве бога, его смерть и воскресение, как единственное средство увековечения божественной жизни в неприкосновенности, считаются необходимыми для спасения его народа и мира".

Такова теория мистера Фрейзера: мы не видели никаких доказательств этого, мы отметили, что приносимые в жертву жертвы не вешались; что царей не бичевали; что нет никаких доказательств, кроме догадок, более раннего вавилонского процесса сожжения; в то время как гипотеза также объясняет порку и повешение как "смягчение" или утверждает, что, возможно, жертву сначала повесили, а потом сожгли.

Здесь король, конечно, не король,[17] на первый взгляд, бог растительности: если уж на то пошло, он больше похож на Читоме в Конго, который был "пontiфиком". Его доверчивый народ верил, что конец света наступит, если Читоме умрет естественной смертью, "поэтому, когда казалось вероятным, что он умрет", его избили дубинкой или задушили. Он не был принесен в жертву ни одному богу, которого он воплощал.[18] Его били дубинкой не раз в год (как вавилонского царя из теории мистера Фрейзера); ему была проведена грубая эвтаназия, "когда казалось, что он вот-вот умрет". Просит ли наука нас поверить, что каждый вавилонский царь обладал космическим *взаимопониманием* с первосвященником-дикарем из Конго и был принесен в жертву после года правления, потому что жестокого pontифика в Конго предадут смерти не ежегодно, а "когда кажется вероятным, что он умрет"?

Здесь, во что бы наука ни заставляла нас верить, мистер Фрейзер говорит нам, что царя в Вавилоне ежегодно приносили в жертву как бога, действительно, но не явно как бога растительности, который воскресает.

2. Вавилонский бог растительности и известный бог появляется во ii. 123, 124. Этот бог - Таммуз. Мы слышим, что "на него облили водой во время большой траурной церемонии, на которой мужчины и женщины стояли вокруг погребального костра Таммуза, оплакивая его.... *Мертвый Таммуз, вероятно, был изображен в виде чучела*, на него вылили воду, и он снова ожил. "Мистер Фрейзер здесь не призывает к человеческой жертве. Фестиваль, "несомненно, проходил в месяц Таммуз (июнь-июль)", или в разных местах, в разное время, с середины лета до осени, или с июня по сентябрь, как подсчитал покойный мистер Робертсон Смит. Таммуз, как цитирует г-на Сэйса, "изначально является весенней растительностью, которая умирает в свой месяц, Таммуз или Дуузу" (июнь-июль).

Итак, здесь мы имеем дело со смертью и воскресением Таммуза. Это происходит в июне-июле или июне-сентябре, и Таммуз, несомненно, является богом весенней растительности. Но мистер Фрейзер здесь не говорит нам, что царь Вавилона - это также Таммуз. Таммуза не бьют плетью и не вешают на празднике Таммуза в июле. Его мертвое тело, "вероятно", является манекеном.

В томе ii. 253 мистер Фрейзер возвращается к жертве, псевдокоролю Сакеи. Но здесь он ничего не говорит о настоящем царе Вавилона. Он хочет показать, как и почему жертва божественна. Теперь, во ii. 26, нам сказали, что жертва божественна, потому что она "представляет умирающего бога". "Ибо мы не должны забывать, что король умирает в образе бога"....

Был ли г-н Фрейзер удовлетворен этим объяснением, приведенным во ii. 26? По-видимому, нет; для[19] он дает новое объяснение и отличается от предыдущего. "Кажется, стоит предположить, что мнимый царь, которого ежегодно убивали на вавилонском празднике Сакея в шестнадцатый день месяца Лус, возможно, изображал самого Таммуза". Здесь манекен или изображение Таммуза из ii. 123, 124, возможно, отброшен. Тем не менее, если бы настоящий живой Таммуз был сожжен на погребальном костре[20] его прах вполне мог быть представлен манекеном. Мистеру Фрейзеру еще не приходило в голову, как это происходит позже, олицетворять воскресшего бога живым человеческим двойником (Мардохей на более поздней странице) мертвого Таммуза (Амана). Праздник Сакея теперь является праздником Таммуз, религиозным праздником, и, действительно, идентичен празднику ii. 123, 124, поскольку он приходится на месяц Лус. Итак, Лус, говорит мистер Робертсон Смит, "отвечал лунному месяцу Таммуз", [21] а месяц Таммуз[22] был июнем-июлем или июнем-сентябрем .

Неужели в месяце Таммуз не может быть двух праздников Таммуз? Таким образом, мы сталкиваемся с странными фактами, что Таммуз лежал "на погребальном костре"[23] а также с тем, что как сакская жертва, которая, по мнению мистера Фрейзера, "заслуживает предположения" олицетворяла Таммуза, он был на том же пиру, Сакеа, выпорот и повешен.[24] Мистер Фрейзер продолжает: "Если эта гипотеза верна, то точка зрения о том, что псевдокороль в Сакеа был убит в образе бога" (Таммуз) "была бы установлена".

Но это уже было установлено, не на других ли основаниях, к удовлетворению мистера Фрейзера, во ii. 26? Там жертва преступления умирала как король и как бог, ибо король был богом, как и его доверенное лицо. Теперь, с другой стороны, если последняя гипотеза мистера

Фрейзера верна, жертва умирает как настоящий известный бог, Таммуз. Мы продолжаем спрашивать, был ли царь также воплощением Таммуза? Не могу ли я быть извинен за предположение, что мы здесь имеем дело с формирующейся гипотезой, гипотезой, основанной на двух разных теориях? Если мистер Фрейзер утверждает, что царем Вавилона был также Таммуз, как и псевдокоролем, то у нас была возможность сказать это и доказать факт на основе вавилонских текстов.

Мистер Фрейзер приводит здесь пир Таммуза, на котором Таммуз лежит на погребальном костре, а также пир Таммуза, на котором человеческий представитель этого божества был выпорот и повешен, в то время как "мертвый Таммуз, вероятно, был изображен в виде чучела", на него вылили воду, и он снова ожил. Как? В лице Мардохея? Таковы результаты ii. 123, 124 и ii. 253, 254.

Все это, по общему признанию, домыслы. Но одно совершенно точно: Сакея, где Таммуз либо лежал на погребальном костре, а затем его обливали водой, "вероятно, в виде чучела", либо вешали, был праздником июня-июля. Однако из-за различий в календарях Сакея может выпадать "с середины лета до осени или с июня по сентябрь" (ii. 123, примечание м-ра Робертсона Смита). Эти даты далеки от Пасхального прилива.

К этому моменту мистер Фрейзер[25] обещает "вернуться позже". Он делает это самым сбивающим с толку образом. Ибо, когда он возвращает Священные писания, которые были в месяце Таммуз, июнь-июль,[26] поразит нас тем, что они были проведены в марте или марте-апреле.[27] Могу ли я сказать, что, кажется, я обнаруживаю следы разрабатываемой гипотезы и противоречивых теорий? Мы уже были несколько озадачены Таммузом на погребальном костре, которого облили холодной водой, "вероятно, как чучело", а также удостоили чести быть выпоротым и повешенным в лице представителя человечества, псевдокороля, на том же празднике. Но, возможно, в месяц Таммуз было два праздника Таммуз? И, возможно, жертву били плетью и вешали на одном из них, в то время как его бранные останки сжигали на погребальном костре на другом? "Вполне возможно, - говорит мистер Фрейзер, объясняя, почему жертва жертвоприношения была повешена, а не сожжена, как это обычно делается, - что обе формы казни, или, скорее, жертвоприношения, могли быть объединены путем первого повешения или распятия жертвы, а затем ее сожжения";[28] но он пренебрегает прекрасной возможностью подтвердить это предположение, сославшись на Жертва Таммуза, у которой были и погребальный костер, и виселица, во ii. 123, 124, 253, 254.

III. ВОЗМОЖНОЕ ПРИМИРЕНИЕ

Возможно, существует способ согласовать даты праздников Таммуза, на одном из которых Таммуза чествовали погребальным костром, на другом (в лице его представителя, сакского псевдокороля) - виселицей. Доктор Джастроу относит праздник Таммуза к четвертому месяцу, что, если вавилонский год начинается, как говорит мистер Фрейзер, с месяца Нисан, означает, что четвертый месяц и праздник Таммуза пришлись на наши июнь-июль. Но доктор Джастроу также пишет, что в шестой вавилонский месяц, наш август-сентябрь, "отмечался праздник Таммуза".[29]

Таким образом, виселица Таммуза могла состояться в июне-июле, а погребальный костер - в августе-сентябре. Но увы! это не годится, потому что погребальный костер состоится в июне-июле.[30] Также он не сможет получить свою виселицу в августе-сентябре, как я наивно

надеялся, поскольку его следует отождествлять с псевдокоролем Сакеи, а месяц его повешения - Таммуз, Лус или июнь-июль, если мистер Робертсон Смит прав.[31] Таким образом, я действительно не верю, что Таммуз могли одновременно сжечь и повесить в июне-июле. Я надеялся, что два праздника Таммуза доктора Джастроу решили проблему, но надеялся напрасно.

IV. СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ ВНЕЗАПНО МЕНЯЕТ ДАТУ

Между тем, хотя мы разрешили два праздника Таммуза, должны ли мы также допустить третий праздник Таммуза на мартовском празднике Сакеи? Ибо в томе iii. 151-153 датой Священства, скорее к нашему удивлению, стал март, поскольку датой были июнь-июль.[32] Теперь три праздника Таммуз за шесть месяцев кажутся перебором, если не двумя. Следовательно, аргументы, которые во ii. 123, 124, 253, 254 показывают, что сакская жертва, поскольку он умер в месяц Таммуз, представляет бога Таммуза, возможно, несостоятельны, если жертва действительно умерла в марте, на вавилонском Закмуке, или Загмукуку, празднике в честь не Таммуза, а Бау (богини), а позже Мардука.[33] Ни Бау, ни Мардук не являются Таммузом; и не кажется, что жертва, вероятно, представляет Таммуза, после того как его смерть перенесена с праздников Таммуза в мае-июне или июне-июле, июле-августе на март, когда праздник действительно был в честь не Таммуза, а Бау, или позже, Мардука.

Все наши трудности, действительно, меркнут перед фактом, что дата Сакеи, когда была повешена возможная жертва Таммуза, указана дважды; один раз, с большим основанием и "с нескрываемым восторгом", в июне-июле, во втором томе; в то время как в третьем томе это аргументируется так, как если бы дата была март-апрель.

Поэтому я предполагаю, что июльская дата не противоречила нынешней теории мистера Фрейзера, когда он пересматривал свой второй том. В противном случае он не сказал бы, что решение мистера Робертсона Смита относительно июльской даты "обеспечивает столь желанное подтверждение гипотезы в тексте", [34] и затем, в iii. 152, 153, продолжил аргументировать предположение о том, что расчеты мистера Робертсона Смита могут быть, для целей теории, проигнорированы. И, как мы увидим, ими пренебрегают. Если бы они были сомнительными, их никогда не следовало бы приветствовать.

Против РАЗЛИЧНЫХ ТЕОРИЙ ЖЕРТВЫ

Между тем, что касается нашего собственного аргумента относительно точной природы божественности вавилонского царя, растительной или нет, я не думаю, что мы еще обнаружили, что вавилонский царь явно отождествлялся с богом растительности.

Жертва, помните, сначала была божественной, либо как доверенное лицо короля, воплощающее, я думаю, неизвестного бога; либо такой же полной космического *взаимопонимания*, как человекобог второго вида.[35] Затем была установлена его божественность, если мистер Фрейзер справедливо предположил, что он "представлял Таммуза самого себя".[36] Затем он стал преступником опосредованно. принесен в жертву ради "сохранения жизни короля еще на год".[37]

Далее: "похоже, что Зоганес" (та же старая жертва) "в течение пяти дней своего правления олицетворял не просто царя, но бога, будь то эламский Гумман, вавилонский Мардук или какое-то другое божество, пока не идентифицированное".[38] Затем жертва олицетворяла "бога или

героя типа Таммуза или Адониса, (и) пользовалась благосклонностью женщины, вероятно, священной блудницы...." в дополнение к ласкам королевского серала.[39] Далее неутомимая жертва представляла царя, "бога-человека, Сатурна, Зогана, Таммуза или как там его звали", хотя все, что мы знаем о боге Зогане, это то, что Зоган был титулом рабовладельца в персидской сакее.[40]

Таким образом, мистеру Фрейзеру могло бы показаться, что все боги - это один бог, согласно своего рода научному "генотеизму". Гумман или Сатурн, Зоганес или Таммуз, Мардук или Адонис, любой из них или все они подойдут для воплощения царя. Любой из них, или все они, будут фигурировать как представители растительной жизни в компании с Зевсом и лошадьми Вирбиуса! "Мы можем предположить, что лошади, которыми, как говорили, был убит Вирбиус, на самом деле были воплощениями его как божества растительности".[41] Теперь позвольте мне тоже сказать: "мы можем строить догадки". Мистер Фрейзер говорит нам, что "лошади были исключены из рощи и святилища" Вирбиуса.[42] Не слишком ли большое давление оказывается на доказательства, чтобы предположить, что лошадей во время выгонки били кнутом? Теперь лошади, возможно, олицетворяли, как нам говорят, божество растительности. Их били кнутом, и поэтому представителей божества растительности обычно били кнутом. Это решает нашу проблему: почему была выпорота жертва, божественная жертва?

Серьезно, разве во всей этой книге мы не имеем дело с методом произвольных предположений, который разрушил так много трудоемких философских построений религии?

Что касается одной существенной гипотезы о том, что вавилонские или, скорее, персидские цари представляли собой божество растительности, я могу предложить только одно смутное свидетельство. Какое-то время Навуходоносор проявлял каприз в пользу чисто растительной диеты. Возможно, это было сохранение царского табу. Как бог растительности, король ел овощи не больше, чем дикарь обычно ест свой тотем. Но некоторые дикари действительно едят свои тотемы в определенных священных случаях, и это может быть причиной того, что Навуходоносор на определенный период стал вегетарианцем.

[1] G. B. iii. 185.

[2] G. B. iii. 178.

[3] G. B. iii. 185.

[4] G. B. iii. 186.

[5] G. B. ii. 253.

[6] *Сьеса-де-Леон*, стр. 203.

[7] G. B. i. 143.

[8] Гриннелл, *Истории героев Пауни*, стр. 362-369.

[9] G. B., ii. 238.

- [10] G. B. ii. 24, примечание 1.
- [11] G. B. iii. 167.
- [12] G. B. iii. 171.
- [13] G. B. iii. 170, 171.
- [14] G. B. iii. 171.
- [15] G. B. i. 131-157.
- [16] G. B. ii. 24-26.
- [17] G. B. ii. 24-26.
- [18] G. B. ii. 8.
- [19] G. B. ii. 253, 254.
- [20] G. B. ii. 123.
- [21] G. B. ii. 254, примечание 1.
- [22] G. B. ii. 123.
- [23] G. B. ii. 123.
- [24] G. B. ii. 253, 254.
- [25] G. B. ii. 254.
- [26] G. B. ii. 123, 124; ii. 253, 254.
- [27] G. B. iii. 152, 154.
- [28] G. B. iii. 171.
- [29] Ястроу, стр. 484.
- [30] G. B. ii. 123, 124.
- [31] G. B. ii. 253, 54.
- [32] G. B. ii. 123, 124.
- [33] Ястроу, 59, 127, 631, 677, 678-9.
- [34] G. B. ii. 254, примечание 1.
- [35] G. B. ii. 24-26; i. 80-82.
- [36] G. B. ii. 253, 254.
- [37] G. B. iii. 152.
- [38] G. B. iii. 160.

[39] G. B. iii. 178.

[40] G. B. iii. 185.

[41] G. B. ii. 314.

[42] G. B. i. 6.

VII

ЗАКМУК, САКЕЯ И ПУРИМ

Необходимо связать смерть сакской жертвы с Пасхой. Сакея, когда он умер, была в июне-июле, в томе ii первого издания мистера Фрейзера, до того, как он развил свою теорию. Когда теория развивается, во втором издании и третьем томе, Священство предпочитают проводить в марте-апреле, что сближает страдания псевдокороля с еврейским Пуримом, и, таким образом, на ощупь совпадает с нашей Страстной неделей, хотя даты июня-июля первого издания сохранились во втором томе нового издания. Изменение даты праздника Сакэ обусловлено планом, отвергнутым Мейером и Джастроу, отождествления персидского праздника Сакэ и еврейского Пурима с древневавилонским Загмуком или Закмуком, новогодним праздником марта-апреля.[1] Безусловно, если это дата, то мы, похоже, лишились нашего полезного Таммуза, от которого, как было высказано предположение во ii. 254, мнимый король-жертва унаследовал свою божественность, старое суеверное поверье, которое "проливалось ореол божественности" на голгофскую жертву. Ибо праздник Таммуза, безусловно, был в июне-сентябре. Однако, возможно, было три праздника Таммуз, воскресение и все такое, и последний выбор даты мистером Фрейзером в марте-апреле имеет огромное преимущество в пользу его теории приближения Пасхального прилива.

Но действительно ли Сакеа отказались от своей старой даты, июнь-июль? Чтобы доказать это, мы должны отождествить персидский Сакея с Закмуком, вавилонским праздником, который действительно приходился на март или апрель. Древневавилонский праздник Закмук известен ученым по надписям. Мы видели, что месье Кумон и герр Мейснер склонны считать Закмук идентичным Сакеа, в то время как м-р Фрейзер полагает, что праздник Закмук-Сакеа является источником еврейского Пурима. Но Сакея пришлось на македонский месяц Лус, как сообщает нам Афиней со слов Бероса, вавилонского священника, использующего македонский календарь. И Лус, как доказал мистер Робертсон Смит, был нашим Июлем.[2] Закмук, с другой стороны, пришелся на март-апрель, а Пурим - на март, ни один из которых не приходится на июль, когда проводились праздники.

Теперь для аргументации м-ра Фрейзера желательно, чтобы Сакея выпала не в июле, как это было во ii. 254, а во время Пасхи или около нее. Поэтому мистер Фрейзер переносит Сакеа с июля на Пасху, сталкиваясь с трудностями.

Все, что мы знаем о Закмуке, - это[3] что этот праздник, первоначально праздник Бау, по словам доктора Джастроу, приходился примерно на весеннее равноденствие (ближе к началу

древневавилонского года); что через определенный период он проводился в честь главного бога Вавилона по имени Меродах; что совет богов, как считалось, собирался в Храм Меродаха под его председательством, и что они определяли судьбу года, "особенно судьбу жизни царя". Праздник существовал еще в 3000 году до н.э., тогда как Сакея, "насколько следует из наших источников, датируется не ранее персидского завоевания Вавилона" (536 год до н.э.).[4] Но, несмотря на даты, это желательно для целей мистера Фрейзера отождествить персидскую Сакею с вавилонским Закмуком. Ибо, если он преуспеет в этом, тогда Сакея должна пасть, когда пал Закмук, и почти когда пал Пурим, во время — или не так уж далеко от - Пасхи. Но[5] Сакея была горячо встречена мистером Фрейзером как июльский, а не весенний праздник, тогда как в iii. 152 Сакея отождествляется с Закмуком, который действительно приходился на весну. Опять же, у нас нет даже намека на то, что *какой-то* псевдокороль, или Таммуз, или кто-либо еще был убит на вавилонском празднике Закмук, как был убит человек, по словам Диона, в Сакее. Однако мистер Фрейзер пытается показать, что Сакея и Закмук могут быть одним и тем же блюдом. Ибо Сакея и Закмук - это имена, которые напоминают Закмук и Зоганес.[6] Мы можем ответить, что слово Сакея также довольно близко напоминает название племени сакей, от которого персогреки получили слово Сакея, в то время как сакея проводилась в ознаменование победы над саками. Опять же, слово *Sacæa*, обозначающее застолье, напоминает слово *Sáki*, что по-персидски означает "разливающий вино". I Слово *saqi* арабского происхождения, являясь *nomen agentis* от глагола *Sakl* "поливать" (*abreuver*). Этот корень является общим для нескольких семитских языков —например, иврита и эфиопского — и если бы мы могли доказать, что слово *Sacæa* имеет исконно вавилонское происхождение, оно, весьма вероятно, произошло бы от того же корня ", - сообщает мне мистер Денисон Росс. В любом случае мы не можем основываться на сходстве в звучании слов. Этот аргумент в пользу отождествления Закмука и Сакеи несостоятелен.

Далее мистер Фрейзер утверждает, что, поскольку в Закмукке боги определили судьбу царя, это было критическое время для царя. Итак, "центральной особенностью Сакеи", по-видимому, было "повешение псевдокороля за спасение жизни настоящего короля".[7] Итак, вот два критических часа для короля: один в Закмукке, когда боги вершат его судьбу; другой в Сакее, когда его жизнь спасена казнью его доверенного лица. Не являются ли тогда эти два критических периода одним периодом, и не является ли Сакея другим названием Закмука?[8] Но мистер Фрейзер также сказал нам, что главной особенностью Сакеа была смерть человека, который представлял Таммуза и был убит после занятия симпатической магией со священной блудницей.[9] Был ли, таким образом, в связи с этим человеком Таммуза третий праздник Таммуза в марте-апреле, поскольку их было два в июне-сентябре? Таким образом, даже если бы мы могли признать, что, поскольку два периода являются критическими, оба являются одним и тем же периодом, все же, поскольку жертвой Сакеи был Таммуз, убитый, чтобы принести пользу урожаю, мы не можем признать, что он также умер "вместо царя" и чтобы спасти свою жизнь, если только царем не был Таммуз. Кроме того, ни один авторитетный источник не сообщает нам, что смерть одной или обеих жертв произошла на вавилонском празднике Закмук: это произошло на персидском празднике Сакея, если вообще произошло.

Действительно, даже если бы два аргумента мистера Фрейзера в пользу идентичности Закмука и Сакеи были убедительными (и насколько они убедительны, мы видели), оставалась бы трудность. Ибо Берос говорит, как мы видели, что Сакея пала 16 июля, тогда как Закмук пал в марте-апреле.

I. ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРУДНОСТЬ

Это препятствие кажется непреодолимым, и так оно и есть на самом деле. Но м-р Фрейзер, не теряя мужества, пишет: "Идентификация месяцев сиро-македонского календаря является вопросом некоторой неопределенности; что касается месяца Лус, в частности, свидетельства древних авторов кажутся противоречивыми, и пока мы не установим вне всяких сомнений, когда Лус пал в Вавилоне во времена Бероса" (скажем, 200 г. до н.э.), "было бы преждевременно придавать большое значение кажущемуся расхождению в датах двух праздников" (а именно Закмука и Сакеи). С этого момента гипотеза мистера Фрейзера, как мне кажется, исходит из предположения, что Сакея и Закмук идентичны, что невозможно, поскольку Сакея выпадает на июль или сентябрь, а Закмук - на март-апрель.

Исторически абсолютно очевидно, что Сакея и Закмук не могут быть идентичными. Они были настолько отдалены по времени, насколько это вообще возможно. Что касается противоречивых свидетельств древних авторов относительно даты месяца Сакея, а именно македонского месяца *Λουσιος*, мистер Фрейзер приводит две ссылки. Первое относится к доказательству мистера Робертсона Смита о том, что Лус - это июль.^[10] Это не приносит ему никакой пользы. Второе - к "Словарю греческих и римских древностей" Смита.^[11] В той работе я прочитал, что единственное сомнение относительно месяца *Lous* заключается в том, выпал ли он на июль или сентябрь. "Словарь" Смита - книга настолько распространенная и доступная, что мне нет необходимости навязывать читателю природу противоречивых свидетельств. Достаточно сказать, что месяцем Сакеи, Лусом, почти наверняка был июль, но, если не июль, то, несомненно, сентябрь. Сейчас ни июль, ни сентябрь не являются Пасхальным приливом или близки к нему. Так что попытка сделать Сакею идентичной Закмуку и, следовательно, более или менее совпадающей с Пуримом и нашей Пасхой, является абсолютным провалом. Таким образом, евреи не могли (как в теории мистера Фрейзера) позаимствовать за границей июльского или сентябрьского псевдокороля и присоединить его к весеннему празднику, своему Пуриму. Таким образом, поскольку Закмук находится на расстоянии нескольких месяцев от Сакеи, он не идентичен Сакее. Сам мистер Фрейзер говорит: "Если Сакея произошла в июле, а Закмук - в марте, теория их идентичности не может быть поддержана".^[12] Но он скорее теряет, чем выигрывает, если Сакея была в сентябре, и это единственная возможная альтернатива. Игра окончена; мнимый царь Вавилона умер, если умер вообще, в июле или сентябре, в Сакее; не в Загмуке или Закмуке, в марте-апреле. Нет ни единого известного намека на то, что какой-либо псевдокороль умер в Вавилоне во время Пасхи или раньше, на праздник Закмук.

Признаюсь, когда я обнаружил, что мистер Фрейзер отказывается "придавать большое значение кажущемуся расхождению в датах двух праздников", пока не будет "установлено вне всякого сомнения, когда Лус пал в Вавилоне во времена Бероза", я предположил, что "явно противоречивые свидетельства древних авторов" означают расхождение во мнениях относительно того, был ли Лус весенним месяцем или месяцем середины лета. Но я заглянул в "Словарь" Смита и не нашел ничего подобного! Различие мнений, конфликт свидетельств связаны (см. Смита) с вопросом, был ли Лус сентябрем (как это, по-видимому, было во времена Филиппа Македонского) или это был июль, как во времена Плутарха. Ни то, ни другое мнение не дает Лусу ни малейшего шанса стать весенним месяцем. Следовательно, весенний Закмук не является праздником; следовательно, нет ни малейшей причины предполагать, что псевдокороль был повешен в Закмуке; следовательно, Закмук в апреле не может предоставить повешенного псевдокороля на Пурим в марте; следовательно, Пурим, не имея убитого

псевдокороля, не может передать его на Пасху, которая, более того, приходится не на ту же дату, что и Пурим, а на несколько недель позже, что может случиться. Следовательно, псевдокороль, если бы он был божественным (которым он не был) и если бы он был принесен в жертву (которым он не был), не смог быодолжить свой "ореол божественности", чтобы позолотить Крест на Голгофе. Но то, что он это сделал, является гипотезой мистера Фрейзера — иногда.

II. ПЕРСЫ - ЭТО НЕ ВАВИЛОНЯНЕ

Сакея, согласно всем нашим источникам, была персидским, а не вавилонским праздником. У нас нет ни малейших свидетельств того, что вавилоняне, у которых Закмук был давним праздником, когда-либо слышали о Сакеа до того, как они были завоеваны персами (536 г. до н.э.). М-р Фрейзер признает это: вавилонский обычай, "насколько следует из наших источников, восходит не к периоду до персидского завоевания; но, вероятно, он был намного старше".^[13] Почему "вероятно"? Исходя из этого "вероятно", мистер Фрейзер называет действия в персидском храме "вавилонским обычаем".^[14] Это был обычай персидских завоевателей Вавилона, если мы можем верить Диону Златоусту; но у нас нет доказательств того, что это был вавилонский обычай. И все же это "просто должно быть" вавилонским обычаем, чтобы мистер Фрейзер мог присоединить его к весеннему вавилонскому празднику Закмук, а затем к Пуриму и, следовательно, к Пасхе.

III. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПУРИМА

Об истинном происхождении Пурима, чисто светского праздника, которому после определенной даты предшествует пост, мы ничего не знаем. Впервые это упоминается в Книге Есфирь, которая настолько светская, что имя Бога в ней никогда не упоминается. Ученые спорили относительно даты появления Есфири, которую м-р Фрейзер относит к четвертому или третьему веку до нашей эры; некоторые, как Куэнэн, относят ее позже. Некоторые считают это историческим, как мистер Сэйс; другие рассматривают это как роман, сочиненный для повествования о происхождении праздника Пурим, о котором мы никогда не слышали до изгнания.

Рассказ об Эстер хорошо известен. Ксеркс поссорился со своей царицей Вашти и после серии экспериментов с женами остановил свой выбор на Эстер, двоюродной сестре хитрого еврея по имени Мардохей. Этот человек раскрыл заговор и через Эстер сообщил о нем. Позже он дерзко обошелся с визирем Аманом, который договорился с Ксерксом о чем-то вроде дня Святого Варфоломея для всех евреев. Но Ксерксу случайно напомнили об услугах, оказанных Мардохеем, и он спросил Амана, как благодарный князь должен вознаградить неназванного слугу. Аман предложил совершить поездку в царском великолепии, которое понравилось Мардохею. Затем Аман соорудил очень высокую виселицу, на которой повесил Мардохея. Но Есфирь получила известие о готовящейся резне, и, поскольку Ксеркс пообещал сделать ей любой подарок, о котором она попросит, она потребовала смерти Амана. Итак, Аман был повешен, а евреям было позволено защищаться. Они истребили огромное количество своих врагов и с тех пор отмечали Пурим, двухдневный праздник, 14 и 15 марта. "Поэтому они называли эти дни Пуримом по имени Пур" и "пур, то есть жребий, был брошен перед Аманом на целый год от Нисана до Адара".^[15]

Слово *pur*, "много", не встречается в иврите, говорит мистер Фрейзер. Однако ассирийское *пухра* означает собрание, и на празднике Закмук было собрание богов. Почему

евреи выбрали ассирийское слово, мы можем догадываться; но мы также узнаем, что "пур или бур, кажется," (хочется знать, действительно ли это *было*) древнеассирийское слово, обозначающее "камень", а камень может использоваться для обозначения многого, [16] как греческое *ψῆφος*, камешек, также означает голосование. Таким образом, либо ассирийское *пухра* либо *пур*, возможно, дало название празднику Пурим.

Я не сторонник этимологических гипотез, особенно когда два ассирийских слова претендуют на то, что каждое из них является происхождением еврейского слова. Мистер Фрейзер, я думаю, не ссылается на другую догадку, связывающую Пурим с персидским праздником Пхурдиган (Фурим? или Пурим). [17] Мы находим Пурдагана, Пурдияна и так далее. Этот персидский праздник был попойкой и временем веселья, так что Хайд вполне естественно сравнивает его с Пуримом и древнеперсидским Сакеа, или Сакеа, или *Сакия*, что означает "пить вместе" или "пить за здоровье". [18] Если *Сакия* в переводе с персидского означает праздничный пир, то это очень хорошо соответствует персидскому Сакеа, который был временем веселья. Ученые могут обсуждать свои этимологические догадки между собой, но мы не обязаны, из-за отсутствия другой гипотезы, лететь на древнеассирийский в поисках Пурима: еще меньше мы согласны с тем, что мистер Фрейзер привел довольно вероятные доводы в пользу того, что "еврейский праздник (Пурим) произошел от вавилонского новогоднего праздника Закмук". [19]

Осмелюсь предположить, что здесь нет никакой легкости. Ассирийские этимологии мистера Фрейзера наталкиваются на конкурирующие этимологии. Более того, мы почти ничего не знаем о вавилонском Закмук, но мы точно знаем, что персидский Сакеа, Сакеа или *Сакия* был, подобно Пуриму, периодом пьянства и необузданных распутств, что не похоже на торжественный религиозный праздник верховного бога Мардука или период оплакивания Таммуза. Есть еще одно совпадение, не отмеченное, я думаю, мистером Фрейзером, но уже отмеченное нами. Геродот, наш старейший греческий источник о персах, сообщает нам, что их главный праздник назывался *Магофония* и отмечал *резню* враждебных магов. [20] Страбон сообщает нам, что Сакеи должны были отмечать *резню* пьяных Саков. Пурим проводится в честь *массового убийства* врагов евреев. Могут ли случайно совпасть эти три праздника массового убийства? Нелегко понять, каким образом эта традиция была связана с убийством преступника, будь то доверенное лицо короля или представитель Таммуза.

IV. ПУРИМ - ДО-ИЗГНАННИЧЕСКИЙ или ПОСТ-ИЗГНАННИЧЕСКИЙ?

В любом случае Пурим не был удачно связан с Закмуком. Мистер Фрейзер, однако, говорит, что "изучение этой" (еврейской) "традиции и способа празднования праздника делает вероятным, что Пурим - это не что иное, как более или менее замаскированная форма вавилонского праздника Сакеа или Закмук". [21] Мы мы видели, что строгие даты не позволяют нам отождествлять Сакею с Закмуком. Месяц Лус тверд, как македонская фаланга, и не будет маскироваться под март-апрель, когда был взят Закмук. Оставляя это в стороне, "есть веские основания полагать, что Пурим был неизвестен евреям до окончания изгнания", и все же "что они научились соблюдать его во время своего заточения в Басте". [22] Но их заточение на Востоке *было* изгнанием, так как же они ничего не знали о Пуриме в то самое время, когда они также научились отмечать этот праздник"? Однако считается "довольно вероятным", что евреи позаимствовали Пурим либо "непосредственно у вавилонян, либо косвенно через персидских завоевателей Вавилона"; вопрос только в том, у кого? [23]

Евреи, вероятно, позаимствовали Пурим во время изгнания или после него. Но они также соблюдали Пурим до изгнания, по крайней мере, мистер Фрейзер считает это "лучшим решением". Это решение Дженсена, изложенное, однако, только "в письмах корреспондентам".[24]

Действительно, кажется непротиворечивым, что мистер Фрейзер считает Пурим, вероятно, праздником, заимствованным во время изгнания или *после* него, а также, похоже, одобряет теорию, согласно которой это застолье было знакомо евреям *до* изгнания. И все же именно в этом он, по-видимому, преуспел.

Он предпочитает решение Дженсена, которое заключается в следующем: перед праздником Пурим был проведен пост.[25] Почему?

"Лучшим решением, по-видимому, является решение Дженсена, согласно которому пост и траур первоначально были связаны с предполагаемой ежегодной смертью семитского бога или героя типа Таммуза или Адониса, чье воскресение на следующий день вызывало ту вспышку радости, которая характерна для Пурима".[26] Да; но евреи имели это учреждение до изгнания. В первые дни своего собственного пленения Иезекииль был перенесен во плоти или вне плоти в иерусалимский храм. "Затем он привел меня к воротам дома Господня, которые были обращены к северу, и вот, там сидели женщины, оплакивающие Таммуза".[27]

Теперь решение Дженсена заключается в том, что пост в Пурим представляет собой оплакивание Таммуза или кого-то в его роде. Но, если евреи делали это, как они делали, *до* изгнания, и если это был Пурим, то как они также заимствовали Пурим *после* изгнания, тем более что "есть веские основания полагать, что Пурим был неизвестен евреям до окончания изгнания"?[28] Как обе точки зрения могут быть правильными? Или этот мартовский праздник Таммуза является дополнением к старому еврейскому празднику Таммуза до изгнания?

Более того, Пурим, вероятно, по мнению мистера Фрейзера, является "просто замаскированной формой праздника Сакэа", который, по его мнению, то же самое, что и Закмук.[28] Но "центральной особенностью Священства, по-видимому, было спасение жизни короля еще на один год путем принесения в жертву преступника".[29] Однако его центральной особенностью также является скорбь по поводу смерти и ликование по поводу воскресения "семитского бога или героя типа Таммуза или Адониса", следуя Дженсену. Как Сакеа может обладать двумя центральными чертами? Если речь идет только о повешении человека для спасения жизни царя, то почему иудеи в Иерусалиме должны поститься перед принесением в жертву преступника за вавилонского царя? Мы знаем, что они постились. И почему воскрешение жертвы (если таковое имело место) на следующий день должно "вызывать ту вспышку радости, которая характерна для Пурима"?[30] Какое отношение имели евреи к воскрешению доверенного лица царя Вавилона?

Я думаю, мистер Фрейзер не предполагал, что цари Израиля или Иудеи когда-то ежегодно приносились в жертву. Так почему же еврейские женщины плакали у северных ворот Храма? Для Таммуза, как мы знаем из книги Иезекииля; но Таммуз не был еврейским царем, а если и был, то это следует указать. Кроме того, если еврейские женщины плакали и радовались за Таммуза в Иерусалимском храме перед изгнанием, как можно последовательно утверждать, что они ничего не знали об этих обрядах до окончания изгнания, а затем позаимствовали их у вавилонян или персов? Если Пурим - это обряд Таммуза, то у евреев он был до изгнания, как

доказывает Иезекииль. Если это не обряд Таммуза, то почему Дженсен считает его лучшим решением? решение Дженсена заключается в том, что "первоначально пост и траур были связаны с предполагаемой ежегодной смертью семитского бога или героя типа Таммуза или Адониса, чье воскресение на следующий день вызвало вспышку радости, характерную для Пурима".[31] Затем, еще раз, эта вспышка из радости за вновь возникшего Таммуза была[32] вероятно, в месяце Таммуз, нашем июне-июле. Но теперь[33] это в Пурим, то есть в марте.

Как теории мистера Фрейзера согласуются друг с другом и с фактами? Оплакивали ли евреи Таммуза весной, перед изгнанием; а после изгнания приспособили свой старый обряд поста и застолья в Таммузе к заместительному жертвоприношению осужденного преступника (будь то в июле или апреле) в интересах царя Вавилона? Было ли у них обыкновение вешать человека, когда они оплакивали Таммуза перед изгнанием? Если да, то почему они повесили его и что они позаимствовали во время изгнания? Или все, что они позаимствовали, было просто привычкой короновать, слагать корону, пороть и вешать псевдокороля в качестве дополнения к их посту и пиршеству Таммуза до изгнания? У нас, конечно, нет доказательств того, что они совершали эти жестокие поступки до изгнания. И, как мы увидим, нет доказательств того, что они ежегодно совершали одно и то же злодеяние после изгнания.

Против ТЕОРИИ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖЕРТВЕ В ПУРИМ

Поскольку мистер Фрейзер хочет сделать нашего Господа одной из ежегодных жертв в Пурим, он должен попытаться доказать, что евреи действительно ежегодно вешали или распинали псевдокороля, считавшегося божественным в Пурим. Безусловно, ни пророк, ни законодатель, ни Иезекииль, Ездра, Неемия, Аггей, ни Захария не говорят ни слова об этой языческой мерзости, заимствованной евреями. Следовательно, мистер Фрейзер пытается доказать, что этот человек был повешен в Пурим, ссылаясь на "следы человеческих жертвоприношений, сохранившиеся на празднике Пурим в той или иной из тех смягченных форм, на которые я только что ссылался", такие как неопределенное "сожжение изображения человека в Тарсе".[34]

Я думаю, что мистер Фрейзер довольно легко удовлетворится такого рода свидетельствами о человеческих жертвоприношениях. Каждое пятое ноября чучело человека, которого в народе называют Гаем, сжигают. Но, поскольку мы знаем исторические факты, мы не рассматриваем этот обряд, хотя наука в отдаленном будущем может рассматривать его как след друидического человеческого жертвоприношения, поскольку Гай был богом увядающей ноябрьской листвы, когда был убит святой Дасий. Мистер Фрейзер объясняет старый обычай сжигания Иуды в Пасхальную субботу как "все для защиты полей от града" и как "действительно языческого происхождения".[35] Может быть, это и так: пепел используется в сельскохозяйственной магии. Но мы знаем, что Гай Фокс - не реликвия человеческих жертвоприношений. Более того, вполне естественно уничтожить чучело врага, такого как Аман, или Джон Нокс, или Мистер Крюгер: это часто делается. Евреи, несомненно, считали Амана, опираясь на авторитет Эстер, врагом своей расы. Поэтому они уничтожили его изображение. В пятом веке нашей эры, когда ненависть между евреями и христианами стала ожесточенной, евреи "в знак презрения к христианской религии" прикрепили изображение Амана к кресту. Это оскорбление было запрещено Кодексом Феодосия.[36] Подобные обряды, без креста, совершались в Пурим в средние века. Но как это доказывает, что настоящая жертва Амана была повешена до возникновения христианства? Это просто доказывает, что после начала борьбы между евреями и христианами изображение

Амана, врага нации, было распято "в знак презрения к христианским убеждениям", как говорится в эдикте, — чтобы досадить христианам.

Но у мистера Фрейзера есть "некоторые положительные основания" полагать, что "в прежние времена евреи, подобно вавилонянам, от которых они, по-видимому, унаследовали свой Пурим, возможно, когда-то сжигали, вешали или распинали реального человека в образе Амана". Мы видели, что[37] Пурим, если это праздник Таммуз и пост, хранился евреями до того, как они отправились в Вавилон. Но, учитывая это, каковы "положительные основания"?

Просто то, что в 416 году нашей эры некоторые евреи в Сирии, разгоряченные вином после "определенных видов спорта", начали высмеивать христианство и с этой целью привязали христианского ребенка ко кресту. Сначала "они только смеялись и глумились над ним, но вскоре, когда их страсти взяли верх над ними, они жестоко обращались с ребенком, так что он умер у них на руках". Мистер Фрейзер "едва ли может сомневаться в том, что ""спортом"" был Пурим, и что мальчик, умерший на кресте, представлял Амана". Допуская, что "спортом" был Пурим, и что христианский ребенок выполнял долг ради Амана, целью было "высмеять христиан и даже самого Христа". Этих мотивов не существовало до христианства, так как же анекдот о брутальном и безжалостном глумлении, заканчивающееся убийством, дает "положительные основания" для гипотезы о том, что со времен изгнания евреи, подражая сакским процессиям в июле или сентябре, ежегодно вешали псевдокороля в марте?[38]

VI. ПРОТИВОРЕЧИВАЯ ГИПОТЕЗА

Мистер Фрейзер настолько далек от того, чтобы придерживаться этих аргументов в пользу практики повешения ежегодной жертвы в Пурим, что выдвигает предположение, что жертва была убита вовсе не в Пурим, а месяцем позже![39] Если он считает это возможным, что становится с его "положительными основаниями" для утверждения, что Пурим был датой повешения? Я показал ценность положительных оснований для поддержания теории о том, что евреи до нашей эры ежегодно вешали псевдокороля в образе Амана в Пурим. Сам мистер Фрейзер настолько далек от убеждения, что евреи повесили человека в Пурим[40], что выдвигает предположение, что они этого не делали.[41] Если они этого не сделали, это избавляет его от трудностей, вызванных тем несчастливym обстоятельством, что наш Господь был распят не в Пурим, а через месяц после Пурима, как мы читаем в Евангелиях. Но, увы! если евреи не вешали Амана (согласно этой теории) в Пурим, что станет со всеми доказательствами мистера Фрейзера о том, что они действительно повесили Амана в Пурим? При полном отсутствии каких-либо доказательств на этот счет мы можем быть уверены, что евреи не позаимствовали (без рекомендаций пророков и законодателей) языческую жестокость марта у языческой жестокости, имевшей место, если вообще имела место, в июле или сентябре. А если бы они этого не сделали, Христос не был Аманом года, которым, по утверждению мистера Фрейзера, он мог быть.

VII. НОВАЯ ТЕОРИЯ ЖЕРТВЫ

Мы видели, что Пурим - это либо древнееврейский праздник Таммуз, существовавший до изгнания, либо адаптация персидского обряда после изгнания, в ходе которого осужденный преступник умирал, спасая жизнь короля; или и то, и другое.[42] Следующая жертва "олицетворяет не просто царя, но бога, будь то эламский Гумман, вавилонский Мардук или какое-либо другое божество, пока не идентифицированное".[43] Но[44] жертва представляла

короля: никакого другого бога не упоминалось. И снова мистер Фрейзер говорит: "На сакском празднике, если я прав, мужчина, олицетворявший бога или героя типа Таммуза или Адониса, пользовался благосклонностью женщины, вероятно, священной блудницы, которая представляла великую семитскую богиню Иштар или Астарту...."[45] Но олицетворял ли царь также I а бог или герой типа Таммуза или Адониса? Общался ли он со священными блудницами? И были ли он и жертва также "олицетворением бога, будь то эламский Гумман, вавилонский Мардук или какое-то другое божество, пока не идентифицированное"?[46] Были ли "эламский гумман и вавилонский Мардук" (или Меродах) богами растительности? Мардук, или Меродах, безусловно, был главным богом Вавилона, солнечным божеством, говорит доктор Джастроу. Но поскольку мистер Фрейзер предполагает, что верховный арийский бог Зевс, возможно, получил свое имя "Светлый или Сияющий" от дуба (он "фактически представлен дубом", а дубовая древесина производит *яркие* искры при разведении огня),[47] почему тогда другой верховный бог, Мардук, также может быть богом растительного мира? жизнь. Но, подобно лошадям Вирбия, сакская жертва правдоподобно отождествлялась с Таммузом или Адонисом.[48] "Кажется, стоит предположить, что псевдокороль, которого ежегодно убивали на вавилонском празднике Сакея в шестнадцатый день месяца Лус, возможно, представлял самого Таммуза". Он также играет эту *роль* со своей священной блудницей в iii. 178. Поэтому немного странно видеть, что он появляется как Хумман, или Мардук, или какой-то другой неизвестный бог в iii. 159, 160. Сколько отдельных богов объединено в одного, подвергнуто бичеванию и повешению в этом самом несчастном осужденном преступнике?

Нам сказали, что Мардук председательствовал на совете богов в Закмуке, который называется Сакея.[49] Но повешенный[50] весьма вероятно, олицетворяет Мардука. Мистер Фрейзер может подумать, что, когда верховный бог председательствует на олимпийском собрании в своем Храме, выпороть и повесить его в лице его человеческого представителя - естественный и благочестивый комплимент. Таков, по крайней мере, результат его теории, изложенной в iii. 159, 160. Я не уверен, что верховный бог, будь то Мардук или Хумман, столь же благосклонно отнесся бы к этому бестактному обряду.

VIII. НОВАЯ НЕМЕЦКАЯ ТЕОРИЯ ПУРИМА

До сих пор я лишь случайно упоминал Мардука и Хуммана как соперников Таммуза и царя за славу получения заместительной порки и повешения. Они поставлены в это почетное положение совершенно новой тевтонской теорией Пурима: не теории мистера Фрейзера. Недавно это был старый еврейский обряд Таммуз, или совершенно новая адаптация Священного писания. Но "возможно, - говорит профессор Нелдеке, - что мы имеем здесь" (в Пурим) "дело с праздником, на котором вавилоняне отмечали победу, одержанную их богами над богами их соседей, эламитов, против которых они так часто вели войны. Еврейский праздник Пурим - это ежегодное веселье совершенно светского характера, и известно, что подобные праздники были и у вавилонян. "Итак, у вавилонян евреи позаимствовали Пурим, праздник в память о победе вавилонских богов над эламитами. Но, если этот праздник был религиозным, евреи превратили его в "ежегодное веселье совершенно светского характера".[51]

Мистер Фрейзер, если я правильно его понимаю, не принимает гипотезу Нелдеке. Однако он говорит: "Мы вряд ли можем отрицать правдоподобность теории о том, что Аман и Вашти, с одной стороны, и Мардохей и Есфирь - с другой, представляют антагонизм между богами Элама

и богами Вавилона и окончательную победу вавилонских божеств в самой столице их соперников". Но правдоподобие, как мы увидим, далеко от доказательства. И как мистер Фрейзер может считать эту теорию правдоподобной, если Сакея на самом деле является праздником царя Таммуза?

Но, если Пурим сейчас должен быть праздником победы вавилонских богов (естественно, столь любимых евреями), почему пост проводился перед Пуримом? Согласно "решению Дженсена" (которое является "лучшим"), оно проводилось "в связи с предполагаемой ежегодной смертью героя типа Таммуза или Адониса, чье воскрешение на следующий день вызывало ту вспышку радости, которая характерна для Пурима".^[52] Но, если "вспышка радости и "радость, характерная для Пурима" - это ликование по поводу победы вавилонских богов, согласно теории Нелдеке, почему перед Пуримом, праздником типа Таммуза, проводится пост, "пост Эстер"? Поститься в честь смерти Таммуза - это красиво, но почему именно евреи должны поститься перед праздником в честь победы вавилонских богов? И почему из всех народов именно евреи должны одновременно бичевать и вешать возможного человеческого представителя Мардука, главного из богов, чью победу они по какой-то причине отмечают?^[53]

IX. ЕЩЕ ОДНА НОВАЯ ТЕОРИЯ. ЧЕЛОВЕК И ЖЕРТВА

Конечно, нам предоставлен выбор: жертва может представлять Мардука, главного из богов-победителей; но он также может представлять Хуммана, одного из побежденных богов. В этом случае человеческий представитель побежденного враждебного бога вполне может быть выпорот плетьюми и повешен в насмешку над побежденным божеством, Человеком. Но я не заметил, чтобы мистер Фрейзер предлагал эту гипотезу, которая кажется относительно правдоподобной.

Действительно, я совершенно уверен, что мистер Фрейзер не принимает теорию Нелдеке о том, что Пурим - это форма вавилонского ликования по поводу победы своих богов. Это не может быть одновременно и праздником Таммуза,^[54] или праздником в честь спасения жизни короля через повешение преступника.^[55]

Далее мы увидим, как Аман, Мардохей, Вашти и Эстер смешиваются с Сакеей, Закмуком, Пуримом, Мардуком и Хумманом.

[1] "Взгляд Циммерна на возможную связь между Пуримом и Загмуку несостоятелен", - говорит доктор Джастроу (указ. соч.. стр. 686, примечание 2). Этому же мнению придерживается и Мейер.

[2] G. B. ii. 254.

[3] G. B. iii. 151, 152.

[4] G. B. ii. 24, примечание 1.

[5] G. B. ii. 254.

[6] G. B. iii. 152.

- [7] Там же.
- [8] G. B. iii. 152.
- [9] G. B. iii. 178.
- [10] G. B.. 254, примечание 1.
- [11] i. 339.
- [12] G. B. iii. 152.
- [13] G. B. ii. 24, примечание 1.
- [14] G. B. ii. 26.
- [15] Эстер iii. 7.
- [16] G. B. iii. 104, 155.
- [17] Куэнен, *История и лит. об израильтянах*, iii. 149, 150.
- [18] Гайд, *История. Отн. Чел.* стр. 266, 267. Оксфорд, 1760.
- [19] G. B. iii. 155.
- [20] Геродот, iii. 79.
- [21] G. B. iii. 153, 154.
- [22] G. B. iii. 153.
- [23] G. B. iii. 155.
- [24] G. B. iii. 177 и примечание 2.
- [25] Есфирь iv. 3, 16; ix. 31.
- [26] Г. Б.. iii. 177. 4 Иезекииль viii. 14.
- [27] G. B. iii. 153.
- [28] G. B. iii. 153, 154.
- [29] G. B. iii. 152.
- [30] G. B. iii. 177.
- [31] G. B. iii. 177.
- [32] G. B. ii. 254.
- [33] G. B. iii. 177.
- [34] G. B. iii. 171, 172.
- [35] G. B. iii. 246, 247, 258.

[36] G. B. iii. 172.

[37] Г. Б.. iii. 177; Иезекииль viii. 14.

[38] G. B. iii. 173, 174. Источником, на который ссылаются в связи с убийством в 416 году н. э., является Сократ, *Hist. Экклз.* vii. 16, совместно с Феофаном, *Хронография*, изд. Классен, том i, стр. 129.

[39] G.B. iii. 189.

[40] G. B. iii. 172-174.

[41] G. B. iii. 189.

[42] G. B. iii. 152, 177.

[43] G. B. iii 159, 160.

[44] G. B. iii. 152.

[45] G. B. iii. 178.

[46] G. B. iii. 160.

[47] G. B. iii. 456, 457.

[48] G. B. ii. 253, 254.

[49] G. B. iii. 152.

[50] G. B. iii. 159, 160.

[51] Г. Б.. iii. 159; Нелдеке, с.в.. "Эстер", *Библейская энциклопедия*.

[52] G. B. iii. 177.

[53] G. B. iii. 159, 160.

[54] G. B. iii. 177.

[55] G. B.. iii. 152.

VIII

МАРДОХЕЙ, ЭСТЕР, ВАШТИ И АМАН

Можно спросить, как получилось, что Хумман или Мардук появились как боги, связанные с Сакеей, тогда как Таммуз ранее принимал эту роль? Ответ заключается в том, что Хумман и Мардук появились, когда мы предварительно рассматривали Пурим, не (1) как семитский праздник Таммуза, и не (2) как персидское наказание осужденного преступника, действующего

по доверенности спрашивающего, но (3) как праздник "окончательной победы вавилонских божеств" (Мардука и остальных) "в самой столице их соперников" (Хуммана и его компании).[1] Это была теория, предложенная профессором Нелдеке. Оно имеет этимологическую основу.

Имя Мардохей напоминает Мардука, Эстер похожа на Иштар, Аман похож на Хуммана, эламского бога, и в надписях есть божественное имя, читаемое как "Вашти", и, вероятно, имя эламской богини. Таким образом, человеческие характеры в "Есфири" находятся под угрозой слияния с вавилонскими и эламскими богами. Но, чтобы этого не произошло, мы также должны помнить, что Мардохей - это настоящее имя реального исторического еврея времен Плена, одного из спутников Неемии по возвращению из изгнания в Иерусалим.[2] Опять же, Эстер, как мне кажется, является коронным именем еврейской жены Ксеркса в Книге Есфирь: "Хадасса, то есть Эстер".[3] В в библейской истории она скрывает свое еврейское происхождение. Хадасса, говорит Нелдеке, "это не просто выдумка автора "Эстер".[4] Хадасса, как говорят, означает "мировая ветвь", и девочек до сих пор называют Миртл. Эстер, по-видимому, была вымышленным именем после королевского смешанного брака.

Теперь, если реального исторического еврея можно было бы назвать Мардохеем, что, как мы знаем, имеет место, еврейку, будь то на самом деле или в этой Книге об Эстер, которая, по словам доктора Джастроу, "конечно, имеет некоторую историческую основу", можно было бы назвать Эстер.[5] Доктор Ястроу предполагает, исходя из имен собственных, "что существует связь между Пуримом" (еврейским праздником, описанным в "Эстер") и *каким-то* вавилонским праздником, "*не* Загмуку", или Закмук. Нелдеке говорит, что не обнаружено ни одного вавилонского праздника, совпадающего по дате с Пуримом.[6] Действительно, этот факт дает мистеру Фрейзеру некоторые основания для различных предположений, поскольку дата Пурима не совпадает с датой Закмука. Но, если Мардохей, как это есть, историческое имя настоящего еврея того периода, в то время как Эстер может быть и, вероятно, является именем, которое могла носить еврейка, то не установлено, что Вашти действительно является именем эламской богини. И все же Вашти весьма важна как богиня для аргументации мистера Фрейзера. "Происхождение, - говорит он, - имен Аман и Вашти менее достоверно, но некоторые высокопоставленные авторитеты склонны согласиться с точкой зрения Дженсена, что Аман идентичен Хумману или Хомману, национальному богу эламитов, и что Вашти также является эламитским божеством, вероятно, богиней, имя которой встречается в надписях".[7] Теперь предположим, что мы переняли метод мистера Фрейзера относительно того неуправляемого месяца Лус. "Определение месяцев сиро-македонского календаря является вопросом некоторой неопределенности; что касается месяца Лус, в частности, свидетельства древних авторов кажутся противоречивыми, и пока мы не установим вне всяких сомнений, когда Лус пал в Вавилоне во времена Бероса, было бы преждевременно придавать большое значение кажущемуся расхождению в датах двух праздников".

Следуя этому методу, мы могли бы сказать: "отождествление Амана и Вашти с вероятными эламскими богом и богиней вызывает некоторую неопределенность; что касается Вашти в частности, мнения современных авторов кажутся противоречивыми, и до тех пор, пока мы не убедимся вне всяких сомнений, что Вашти была эламской богиней, и богиней какого рода, было бы преждевременно придавать большое значение догадке" — и тогда мы могли бы вообще ничего не допускать. Но это был бы слишком сложный метод рассмотрения гипотезы мистера Фрейзера. Мы должны просто избавиться от его теории таким же образом, как его теория обходит определенное историческое препятствие.

Из фактов об именах Мардохей, Есфирь, Аман и Вашти ясно, что объяснять их как обязательно связанные с Пуримом, Закмуком и Сакеей, как праздником ликования в честь победы вавилонских богов над эламитами, - очень опасная гипотеза, среди многих других столь же опасных или даже более ненадежных. Мистер Фрейзер, однако, намерен связать персонажей "Есфири" с вавилонскими и эламскими богами. Они важны для его теории о том, что на праздниках Сакея и Пурим присутствовала пара человеческих представителей богов: Аман с вероятной священной блудницей Вашти исполняли долг перед умирающим; Мардохей с Эстер исполняли долг перед возрожденным богом растительности. К этому моменту мы еще вернемся.

Теперь, что касается этого праздника воскресения такого бога, мы видели, что в томах ii. 122, 253, 254 он, по словам мистера Фрейзера, происходил в июле. Но когда в томе iii это должно было произойти в марте, мы столкнулись с трудностями, связанными с проведением двух или, скорее, трех праздников такого рода в год. Возможно, мы избавимся от этого препятствия в iii. 177-179. Воскрешение здесь не Таммуза, а героя того же типа зафиксировано Дженсеном в Закмуке и, следовательно, мистером Фрейзером, хотя и не Дженсеном, весной в Сакеа.

Теория Дженсена заключается в том, что смерть и воскресение "мифического существа, сочетавшего в себе черты бога солнца и древнего царя Эреха, отмечались на вавилонском Закмуке, или празднике нового года, и что перенос драмы из Эреха, ее первоначального места жительства, в Вавилон, естественно, привел к замене Мардука, великого бога Вавилона, на Гильгамеша или Эбани в роли героя". Дженсен, к счастью для своего душевного спокойствия, "по-видимому, не отождествляет Закмука с богом Солнца". с Сакеа. "Дженсен строит свою схему таким образом.

Гильгамеш был героем Эреха, который отразил любовные домогательства богини Иштар. Гильгамешу стало очень плохо. Его друг Ибани также вызвал ярость Иштар и умер. Гильгамеш добился своего возвращения из мира мертвых в верхний мир.[8] Праздник, посвященный этому воскресению, был перенесен из Эреха в Вавилон. Вместо смертного героя Гильгамеша или Эбани, существа холодного и целомудренного, как Джозеф Эндрюс, вавилоняне теперь выбрали на эту роль Мардука, своего верховного бога. Праздником был Закмук.[9]

Конечно, это в точности то же самое, как если бы мы сказали, что старый праздник Адониса превратился в новый праздник Зевса, чья холодность по отношению к богиням не вошла в поговорку, подобно фригидности Адониса, Гильгамеша, Ибани, мистера Эндрюса и других известных примеров.

Теории, по-видимому, не хватает правдоподобия, но поскольку Дженсен "очевидно, не отождествляет Закмука с Сакеа", он избегает любопытной теории, предполагающей, что Мардука (позднего Гильгамеша, или Эбани) бьют кнутом и вешают в лице его человеческого представителя — неслыханный способ почтить олицетворение высшего существа. Однако, если мы примем теорию Дженсена, а также, подобно м-ру Фрейзеру, отождествим Закмука с Сакеа, то, вспомнив, что Ибани восстал из мертвых (если это было так), и что Мардук теперь Ибани, и что сакская жертва является или может быть Мардуком, а также царем, мы получим основание предположить, что жертва тоже притворялась воскресшей из мертвых — в лице Мардохея (Мардука). Но почему представитель Мардука, который, по теории Дженсена, представлял Эбани, был избит кнутом и повешен? Жертва, согласно этой теории, если мы добавим ее к версии мистера Фрейзера, представляется мне олицетворением

1. Царь Вавилона, 2. Мардук, 3. Эбани, 4. Или Гильгамеш, и, таким образом, объединить бога или героя растительности (которым обязательно должен быть Эбани) со смертным царем и верховным богом — и, о, почему его бьют плетью и вешают? Принимая теорию iii. 177-179, кажется, что в сочетании со всем, что было раньше, это выглядит следующим образом: короля ежегодно сжигали заживо. Следующим ежегодно сжигали заживо его королевского заместителя. Его преступного заместителя ежегодно сжигали заживо, пока это не было заменено поркой кнутом и повешением, с сожжением или без него. Царь (до того, как праздник Закмук был перенесен из Эреха в Вавилон) воплотил какого-то бога (я полагаю, растительного происхождения). После того, как пир Эбани в Эрехе превратился в пир Мардука в Вавилоне, царь, я думаю, но я могу ошибаться, представлял Эбани *плюс* Мардук. Если это сделал он, то то же самое делает и жертва в Святилище. Но у Ибани в вавилонской поэме есть воскресение, хотя я не могу найти его в описании поэмы Джастроу. Затем жертва, будучи олицетворением Эбани, Мардука и царя, воскресает — после того, как он был повешен под именем Хуммана, бога эламитов. Он обязан *этому* имени, считает мистер Фрейзер, распространенному заблуждению, поскольку на самом деле он царь, *плюс* Эбани, *плюс* Мардук. Умирая как царь и как Мардук под *псевдонимом* Хумман (Аман), он, согласно теории, притворяется, что восстанет под именем Мардук (Мардохей). Мардохей одного года становится Аманом следующего, его вешают и так далее.

Это гипотеза определенной сложности. Необходимы усилия для поддержания душевного равновесия, пока мы обдумываем эту гипотезу. Однако, объединяя таким образом идеи Дженсена и мистера Фрейзера, мы получаем пародию на царственность (от короля), бичевание и повешение (от смягчения сожжения заживо), божественность растительности (от Эбани, который передает эту часть своих атрибутов Мардуку) и воскрешение от Эбани, который в вавилонской поэме воскрес снова: хотя я признаю, что в рассказе доктора Джастроу о поэме я не могу обнаружить этот инцидент. Дух Эбани действительно вызван в стихотворении, но "в заключительной речи Эбани слышны нотки отчаяния".^[10] Вряд ли это воскрешение. Однако я мало знаком с Вавилоном и его поэзией, и, без сомнения, Эбани воскрес. Из этого или подобного воскрешения м-р Фрейзер выводит вероятность того, что сакская жертва в своем воскрешении была представлена Мардохеем.^[11] У него, как и у Амана, была священная невеста Эстер. В Книге Есфирь, конечно, она двоюродная сестра и приемная дочь Мордохая. Мистеру Фрейзеру виднее.

I. ЕСФИРЬ, ЛЮБИМАЯ МАРДОХЕЕМ

"Ясное воспоминание" о том времени, когда Эстер была богиней-невестой Мардохея (своего двоюродного брата), появляется в современных еврейских пьесах, в которых Мардохей является любовником (я надеюсь, чисто платоническим) Эстер.^[12] И это очень естественный современный штрих. Эта пара была двоюродной сестрой, и Эстер была чрезвычайно хорошенькой. Точно таким же образом две мои знакомые девочки инсценировали "Синюю бороду" и сделали *брата* (который в сказке спасает миссис Синяя Борода) *любовником* миссис Синяя Борода. Она предпочла выйти замуж за Синюю Бороду из-за его денег, на которые в этой самой аморальной драме миссис Синяя Борода и ее любовник, убийца ее мужа, жили долго и счастливо. Это современно! В оригинальной сказке все обстоит иначе.

Опять же, мистер Фрейзер говорит, что баббл утверждают, что Ксеркс женился только на теневой Эстер, "в то время как настоящая Эстер сидела на коленях Мардохея". Самый

естественный сдвиг для сохранения характера Эстер в случае смешанных браков. Итак, Стесихор и Еврипид задолго до этого отдали тень Елены в объятия Париса. Тем временем настоящая Елена спасла свой характер, ведя удивительно чистую жизнь в Египте. Эти поздние перестановки и увертки не имеют реального отношения к вопросу о первоначальных отношениях между Есфирью и Мардохеем.

II. ПЕРСИДСКИЙ ШУТ

Теперь мистер Фрейзер, возможно, вредит своему делу, доказывая, что точно так же, как в "Есфири" Мардохей ехал верхом по-царски, так и в Персии безбородый и, по возможности, одноглазый шут разъезжал с видом королевской особы по улицам, собирая деньги или товары, точь-в-точь как наш Робин Гуд до и даже после Шотландской реформации.^[13] Это было *нелегко*; примеров можно привести бесконечное множество. После второго раунда он сбежал, потому что люди могли избить его, если бы поймали, очевидно, в отместку, я думаю, за его грабежи. Но мистер Фрейзер, как обычно, полагает, что право избить шута "достаточно ясно указывает на более тяжелую участь" принесенного в жертву псевдокороля. Дата этого персидского обычая не указана, но, если он существовал, когда евреи были в Персии, сосуществовал ли он с принесением в жертву псевдокороля? Если нет, если это была замена той устаревшей жестокости, то почему предполагается, что евреи позаимствовали жестокость, которая больше не практикуется? Это вопрос дат, которые могут подразумеваться, но не приводятся, хотя я понимаю, что мистер Фрейзер имеет в виду, что поездка шута произошла позже, чем начало Пурима.^[14]

С другой стороны, Лагард, один из самых образованных востоковедов, считает, что катание безбородых было обычным делом уже в то время, когда сочинялись истории об Эстер и Пуриме. У персов, говорит Лагард, был праздник Фарвардиган, праздник веселья, когда богатые делали подарки бедным, как в Пурим. У них был также Праздник Расправы над волхвами (Магофония), и, в-третьих, у них было популярное развлечение "Прощание Безбородых". Теперь авторы "легенды об Эстер" "использовали эти три цвета в своей палитре, и этими тремя они нарисовали не портрет одного праздника, а своего рода смешанную карикатуру на еврейский карнавал".^[15] Магофония придала краски резне, Фарвардиган придал веселья и подарков, поездка безбородых придала красочности еврейскому карнавалу. шествие Мардохея.

В таком случае, и если Лагард права, евреи увидели в Вавилоне не убийство псевдокороля, а скачку безбородых. Таким образом, они не позаимствовали "убийство псевдокороля", но ввели в легенду об Эстер эпизод с поездкой, навеянный "поездкой Мардохея", который мистер Фрейзер называет "выродившейся копией оригинала", а именно правление и смерть псевдокороля.^[16]

Независимо от того, верна точка зрения Лагард или нет, эта часть доказательств является слишком песчаной основой для теории о вопросе чрезвычайной важности. Евреи не могли бы позаимствовать повешение жертвы из Священного Писания, если бы в своем изгнании они нашли только езду на безбородом, как в теории Лагарда — хотя он и не упоминает о Священном Писании.

Мистер Фрейзер, во всяком случае, видит связь между Пуримом и прогулкой безбородых. Но последнее популярно, а не официально, несмотря на то, что король забирает большую часть товаров, шутливо награбленных. Несмотря на популярность, аттракцион более примитивен,

считает он, и показывает его значение лучше, чем Сакея. Итак, мистер Фрейзер говорит: "Если есть какая-то правда в прослеживаемой таким образом связи между Пуримом и "Путешествием Безбородого", то теперь мы в состоянии окончательно разоблачить главных персонажей "Книги Есфири" и показать, как Мардук и Гумман оказались вовлечены в заговор.

Пурим - это не только святилище, жертвоприношение и все такое, но также связан с "Путешествием Безбородого", в котором не было жертвоприношения. Как это, если это правда, позволяет нам "окончательно разоблачить" персонажей "Эстер", поначалу не очень понятно. Очевидно, шутовство безбородого, который жаловался на жару, в то время как население обрушивалось на него снежками в марте, было магической церемонией, призванной создать жаркую погоду, притворившись, что погода на самом деле *была* жаркой.^[17] Следовательно, гипотетические обряды

Аман
Вашти
Мардохей
Есфирь

представляют в первой паре разлагающееся; во второй паре возрождающиеся энергии растительности, прошлого и настоящего. Одна пара спаривается, и самец, по крайней мере, погибает; другая пара спаривается и выживает, чтобы поддерживать растительную жизнь.

Согласно гипотезе, первая пара (Аман и Вашти) первоначально прожила как муж и жена целый год, "по окончании которого партнер мужского пола" (Аман) "был предан смерти". Конечно, даже если Аман был псевдокоролем, убитым в Сакее (что мы не подтверждаем), его псевдокоролевство было очень кратким. Однако первоначально, как мы можем предположить, это продолжалось в течение года. Дальнейшая судьба Вашти окутана тайной. Но я не могу удержаться от цитаты одного из самых красноречивых отрывков моего автора по этому неясному вопросу. Мы не слышим, что Вашти была предана смерти, фактически мы вообще ничего не слышим о ней от нашего единственного источника; но природа материнства предполагает очевидную причину для того, чтобы пощадить ее немного дольше, пока тот таинственный закон, который связывает жизнь женщины с меняющимися аспектами ночного неба, не будет исполнен рождением бога-младенца, который, в свою очередь, возможно, воспитанный ее нежной заботой, вырастет, чтобы жить и умереть для мира".^[18]

Поскольку Вашти, за исключением своей профессии, не была заядлой преступницей, будем надеяться, что ее пощадили, чтобы она могла присматривать за ребенком. Ее потомок, если таковой имелся, и если он был мужского пола, очевидно, был потомственным преступником, потому что в противном случае его не повесили бы: жертвами всегда были осужденные преступники. Жестокость, заключающаяся в том, что таким образом намеренно создается такой преступный класс только с целью их повешения, шокирует современный разум. Мы хотим знать, были ли еврейские аманы также рождены и воспитаны для этого бизнеса. мистер Фрейзер не сообщает нам, что это было на самом деле, или что стало с женским потомством Вашти.

Поездка Мардохея в царских одеждах связана и объясняется (если я следую за моим автором) поездкой персидского безбородого шута. Конечно, шут ехал голый на осле; Мордехай ехал "в

королевском сине-белом одеянии и золотой короне". Но шут, по мнению мистера Фрейзера, явно возник позже Пурима, хотя и не по мнению Лагард. "До тех пор, пока временный король был реальной заменой правящему монарху и рано или поздно должен был умереть вместо него, было естественно, что к нему следовало относиться с большим уважением...."[19]

Но Мардохей, который ехал по-царски, был человеком, который не умер: Аман умер. Следовательно, мистер Фрейзер должен предположить, что Мардохей одного года умер как Аман следующего.

Ах, боже мой, сколько догадок!

В любом случае, Мардохей - это не что иное, как "слегка измененная форма Мардука или Меродаха", как сейчас "общепризнано исследователями Библии". Тем не менее, реальный исторический еврей по имени Мардохей встречается, как мы видели, у Ездры и Неемии: так что это было еврейское имя, каким бы странным оно ни казалось.[20] Теперь, согласно теории, Мардохея, наконец, должны выпороть и повесить; и это кажется странным комплиментом Меродаху, или Мардуку, который, как верховный вавилонский бог, правит богами, в то время как его человеческий заменитель позорно убит. Но, помните, когда его выпороли и повесили, Мардохей 1900 года, так сказать, превратился в Амана 1901 года. И "некоторые высокопоставленные авторитеты склонны принять теорию Дженсена о том, что Аман идентичен Хумману или Хомману, национальному богу эламитов".[21]

III. Моя СОБСТВЕННАЯ ПОЛЕЗНАЯ ТЕОРИЯ

Если эти высокие авторитеты правы, я наконец-то ясно вижу свой путь! Аман, или жертва Сакеи, теперь не является представителем ни царя Вавилона, ни Таммуза, ни обоих сразу, ни Мардука, ни Эабани, ни Гильгамеша. Теперь он (если Нелдеке или Йенсен правы) представитель покоренного и враждебного бога, Хуммана эламитов. *Tout va bien!* Человеческий представитель враждебного и побежденного бога вполне мог быть выпорот плетью и повешен в насмешку. Я допускаю, что Хумман был также эламитским богом растительности, Таммузом или подобным (кем еще он мог быть?), и поэтому должен был опадать, как опадают листья, а также должен был взойти, как это делают цветы; и это как в июне-июле[22], так и в марте-апреле.[23]

Если все это так, если сакской жертвой является Аман и представляет Хуммана, и если Хумман - побежденный эламский бог, и если Пури́м заимствован из вавилонского праздника ликования в честь "победы, одержанной вавилонскими богами над богами их соседей эламитов", как считает возможным Нелдеке,[24] тогда все относительно просто. Но это только в том случае, если мы будем следовать за Дженсеном, чего, как я понимаю, мистер Фрейзер делать не собирается. Действительно, Дженсен ответственен только за отождествление Хамана с Хумманом. Дженсен не отождествляет его с сакской жертвой. Это делает мистер Фрейзер.

Теория, согласно которой Аман - это Человек, а также жертва, теперь приобрела такой аспект, с которым я почти могу согласиться. Если Аман означает Хуммана, и если Хумман - побежденный бог враждебных эламитов, тогда мы решаем эту сложную проблему, а именно, почему человеческий представитель царя или дружественного бога был избит кнутом и повешен, и над ним насмехались в Сакеа. Я покажу, что жертва *действительно* представляла законного короля, но также олицетворяла побежденное божество расы, долгое время враждебной, но

теперь покоренной. Так что его грубое обращение было если и вульгарным, то не противоестественным.

Но все это зависит от следования Дженсену, чего мы не должны делать. Мистер Фрейзер, похоже, считает, что, хотя согласно "точке зрения Дженсена, которую склонны принять некоторые высокие авторитеты, Аман идентичен Хумману или Хомману, национальному богу эламитов",^[25] однако *изначально* на самом деле это было не так.

Давайте предположим, что так оно и было, и я могу предложить отличное решение. Утомленный задачей производить на свет сыновей, которых нужно было ежегодно приносить в жертву в качестве его заместителей, царь раннего Вавилона одно время ежегодно приносил в жертву в качестве своего доверенного лица пленника-эламита, который, в насмешку над религией эламитов, также был человеческим представителем эламского бога Хуммана, и поэтому его называли Хумман, или Аман. Точно так же ацтеки приносили в жертву пленников как представителей своих собственных богов.^[26] Но по мере того, как отношения между Эламом и Вавилоном становились все более мирными, пленников-эламитов становилось все меньше. Затем царь Вавилона заменил эламского военнопленного осужденным преступником, который по-прежнему представлял эламского Гуммана, или Амана, но также, как и в первоначальной гипотезе, представлял царя Вавилона. Далее мы должны предположить, что сам Хумман был богом растительности; действительно, я едва ли могу предположить, что какой-либо бог не представлял принцип растительной жизни. Таким образом, Человек должен не только умереть, но и воскреснуть, как это часто делают растительные боги.

Теперь, благодаря моей гипотезе, все ясно, и все трудности устранены. Мы еще раз видим, что царей Вавилона приносили в жертву регулярно, каждый год. Допустим, что они были сожжены, как это обычно бывает с жертвами. Действительно, Движители думали, что "в Саке также человек, который пять дней изображал бога, был первоначально сожжен в конце их".^[27] Сам мистер Фрейзер предполагает, что в ходе развития филантропии человека, которого раньше сжигали, просто бичевали и вешали или распинали в качестве "более позднего облегчения его страданий".^[28] Или, возможно, его сначала повесили, а потом сожгли, как в нашем добром старомодном наказании за государственную измену, когда многие иезуиты были зарезаны заживо, а многие якобиты - их внутренности были сожжены на глазах у живых.^[29] Но сожжение человека, только наполовину повешенного и все еще способного чувствовать боль, не облегчит его страданий.

Моя собственная теория нравится мне больше. Устав от ежегодных жертвоприношений, вавилонский царь нашел замену в лице сына или другого члена царской семьи, что привело к печальным и разрушительным последствиям для династии, которые я уже показывал. Давайте предположим, что заменители принцев также действительно были принесены в жертву путем сожжения. Но здесь проявляется достоинство моей теории, и, я надеюсь, оно ярко проявляется. Устав приносить в жертву принцев своего дома, царь заменяет их военнопленными эламитами. Нет никаких возражений против порки и повешения их, за исключением легкомысленного возражения, что они сразу перестают быть жертвами, и мы можем преодолеть это затруднение, предположив, что их сначала повесили, а затем сожгли, или "сожгли на костре" (как Джорджа Уишарта в Сент-Эндрюсе), а затем сожгли. Это делает излишним рассматривать порку и повешение как "смягчающее средство".

Следующий шаг, когда войны с эламитами прекратятся, а пленников-эламитов будет невозможно достать, заменить осужденного преступника, которого также, как и эламитских пленников, зовут Хумман, и он представляет как царя Вавилона, так и Хуммана, эламитского бога растительности, который, как и Таммуз, воскрес. Таким образом, мы получаем:

1. Вавилонский царь. Воплощает бога растительности. Поэтому ежегодно приносится в жертву, чтобы обеспечить бога чередой свежих и крепких подданных для воплощения. Король сожжен.
2. С его сыновьями или племянниками ежегодно обращаются таким же образом по тем же причинам. Король сбегает.
3. Эламский военнопленный становится заместителем короля. Он также представляет эламского бога растительности. В насмешку над эламитами и их богом его подвергают бичеванию и вешают. Обратите внимание на аналогию с ацтеками, хотя, конечно, ацтекский пленник, представляющий ацтекского бога, просто приносится в жертву. Но он олицетворяет дружелюбного бога.
4. Следующим заменителем является осужденный преступник. Его также бьют кнутом и вешают. Подобно эламскому пленнику, он представляет царя Вавилона и умирает за него. Он также умирает как эламский бог растительной жизни и, как таковой, воскресает в облике Мардохея, который представляет верховного бога Вавилона, Мардука (не Таммуза или другого), и не вешается до следующего года, когда он становится Аманом или Хумманом, представляет царя Вавилона, представляет эламского бога растительности, и его секут и вешают, после того как он наслаждался (как царь) ласками царского гарема, а как Хумман - объятиями священной блудницы Вашти. который олицетворяет Иштар. После того, как его повесили (и, возможно, сожгли), он псевдо-воскрес в образе Мардука того года, Человека следующего. И так далее, как на празднике Сакея, так и на Пуриме.

Эта гипотеза, по-видимому, во многих отношениях является развитием любой из гипотез мистера Фрейзера. Это позволяет нам сохранить еврейский Аман как олицетворяющий Человека; что кажется необходимым, ибо как иначе объяснить Амана? Более того, мы можем понять, как жертва, олицетворявшая побежденного эламского бога, также и в то же время олицетворяла победоносного вавилонского царя. Поскольку Хумман, по моей гипотезе, является эламитской разновидностью Таммуза, все наши опасения по поводу появления Мардука и Хуммана, где Таммуз ранее исполнял свои обязанности, исчезают. Пурим, который был праздником Таммуза (если мы примем решение Дженсена), а также праздником, на котором человек умирал за царя, а затем праздником триумфа в честь победы вавилонских богов и "полностью светским весельем", хотя, если Пурим - еврейский праздник Таммуза, он был, согласно Иезекиилю (который, возможно, знал лучше всех), религиозным обрядом ложной религии, теперь становится всем этим сразу, хотя некоторые могут сомневаться, как Пурим мог быть одновременно и религиозным, и светским. Но я бы не отказался от своей теории только потому, что она предполагает противоречие в терминах. Добавьте ко всему этому, что теперь у нас может быть смерть и воскрешение Таммуза в июне-июле, и еще одно в марте-апреле, и все становится прозрачным. На летнем фестивале мы сжигаем куклу;^[30] на весеннем празднике мы вешаем человека.^[31]

Как ни удивительно, моя гипотеза согласуется с фактами, но это не гипотеза мистера Фрейзера. Хотя он считает, что "мы вряд ли можем отрицать правдоподобность" теории Нелдеке о том, что

Сакея - это триумф победы вавилонян над эламскими богами, и что Пурим является адаптацией Сакеи,[32] Мистер Фрейзер не принимает эту идею. Нелдеке правдоподобен, но не обоснован; и это разрушает мою гипотезу об эламском военнопленном, убитом как Человек, всего лишь на стадии эволюции между принесенным в жертву принцем и повешенным преступником. Мы видели, как превосходно сработало мое скромное предложение, но от него придется отказаться, если Нелдеке ошибается.

Мистер Фрейзер считает, что Сакея и Пурим *не* (как в схеме Нелдеке) *изначально* означали триумф вавилонских богов над эламскими. Ни один эламский пленник не был повешен (как я мудро предположил) ни на одной стадии эволюции Сакеи. Произошло вот что: в Святилище изначально были две божественные пары, скажем, Вашти и Аман, которые представляли умирающих, Эстер и Мардохей, которые представляли возрождающиеся силы растительности. Изначально в этом бизнесе не было ничего эламского. Но "было бы вполне естественно, что со временем между этими двумя парами было проведено неблагоприятное сравнение и что люди, забыв об их истинном значении и религиозной принадлежности, увидели бы в их кажущемся противостоянии победу богов Вавилона над богами их извечных врагов - эламитов. Следовательно, в то время как счастливая пара сохранила свои вавилонские имена Мардук и Иштар, несчастная пара, которая изначально была ничем иным, как Мардуком и Иштар в другом аспекте, была переименована в честь ненавистных эламских божеств Хуммана и Вашти.'^[33]

Таким образом, правдоподобность теории Нелдеке о том, что Пурим был заимствован из празднований победы вавилонских богов над эламскими,^[34] оказывается не более чем просто правдоподобной. Таким образом, мы возвращаемся к решению Дженсена: пост и ликование Пурима - это праздник Таммуза, или бога или героя его типа, и тогда они не могли быть заимствованы в Вавилоне, поскольку евреи проводили ритуал Таммуза до изгнания. И все же^[35] Пурим *был*, вероятно, заимствован в Вавилоне. По-видимому, это должно означать, что на самом деле было позаимствовано только повешение псевдокороля. Таким образом, жертва может представлять как царя Вавилона, так и бога растительности, которого мы должны считать воплощенным в царе (?)^[36] Но зачем евреям заимствовать это, и почему пророки и законодатели хранили молчание, и откуда мы знаем, что величие Вавилона воплотилось в божестве растительности?

Насколько я иногда понимаю всю теорию мистера Фрейзера, она такова.^[37] Жертва Сакеи представляет царя, который олицетворяет Мардука, Хуммана, Таммуза или какое-либо другое божество. Он получает свои королевские одежды от короля; его порка и повешение заменены сожжением заживо короля; его божественность от короля *плюс* бог; его воскрешение от короля *плюс* Таммуз или Эабани, при условии, что у Эабани *было* воскрешение, которого я не могу найти в отчете доктора Джастроу. Но для правдоподобного воскрешения нам нужен другой человек, который возьмет на себя роль воскресшей жертвы, царя и бога. Итак, жертва на этот год действительно является или называется Мардуком в одной форме; его представителем при воскрешении является Мардук в другой форме; каждому мужчине предоставляется супруга, представляющая Иштар, хотя мне еще предстоит узнать, была ли она женой или любовницей либо Мардука, либо Эабани. Но население, не понимая двух Мардуков и двух иштаров, предпочитало называть умершего Мардука Хумманом в честь эламского бога, а его священную госпожу удовольствий Вашти - в честь возможной, но сомнительной эламской богини. Мардука,

который не умер, все еще звали Мардуком до следующего года, а его супругу до следующего года звали Иштар.

Все это произошло в Сакеа, которые называются Закмук (хотя Йенсен, похоже, этого не видел), и в Пурим (который Ястроу и Нелдеке не отождествляют с Закмуком), и в марте, а не в июле, как того требует хронология. Отодвинув процесс всего на месяц, от Пурима до Песаха, мы можем связать его с Распятием и объяснить "ореол божественности". Теория кажется слишком разветвленной.

Вполне естественно, что можно подумать, что я привожу эти сложности, намеренно или бессознательно искажая аргументы мистера Фрейзера. Но этот аргумент, я искренне думаю, действительно очень запутанный. Кажется очевидным, что первоначально мистер Фрейзер рассматривал жертву только как умирающую, чтобы спасти жизнь короля, который в противном случае был бы убит как бог, согласно гипотезе мистера Фрейзера о религиозном цареубийстве, поскольку нельзя было доверять, что он "сохранит полную физическую и умственную силу более года".[38] Король был "убит в своем качестве бога", которому нельзя было доверять больше года. Не было сказано ничего, что указывало бы на то, что мнимый царь воплощал какого-либо особого известного бога; скажем, Таммуза. Эта гипотеза появилась позже,[39] и дата жертвоприношения была в июне-июле. Даже сейчас ничего не говорилось о священной блуднице жертвы. Жертва была довольна царским гаремом. Еще в iii. 152 "центральной особенностью святилища, по-видимому, было спасение жизни царя" путем умерщвления жертвы, и для достижения этой главной цели обряда не было необходимости в священной блуднице. Но теперь дата была перенесена с середины лета на раннюю весну и приближена к празднику Пурим. Религиозный характер сакского периода плача и ликования в сострадании к богу (Таммузу) теперь, казалось, был упущен из виду, поскольку мистер Фрейзер говорит, что Сакия "была диким вакхическим кутежом ..." и что Пурим был таким же: мужчины и женщины переодевались, пили и вели себя распутно.[40]

Но Пурим был связан через Книгу Есфири с Аманом, Мардохеем, Вашти и Есфирью; и теперь возникла идея сделать так, чтобы у Амана, жертвы, был двойник, который представлял бы его в его воскресении. Эламский бог Хумман и вавилонский бог Мардохей проникли сюда через Книгу Есфири и через очень опасную попытку отождествить Сакею с Закмуком, а обоих - с Пуримом. В Книге Есфирь также представлены два женских персонажа, и для них нужно было найти роли в Саке, хотя наш единственный источник не упоминает в связи с Сакеей ни одного женского персонажа вообще, за исключением дам царского гарема. По аналогии и предположению, что касается Семирамиды и ее любовников, то затем были найдены роли для женских персонажей Книги Есфирь как священных блудниц, олицетворяющих богиню любви. Предполагается, что последующие любовные связи стимулируют рост урожая, и в этой части теории гипотеза о том, что жертва действительно умирает, чтобы спасти жизнь королю, кажется, несколько упущена из виду, хотя эта идея является реальной отправной точкой всего рассуждения. Происходит столкновение жертвы как царя с царским гаремом и жертвы как Таммуза со священной блудницей. Предположения о жертве как об эламитском Гуммане, или как о вавилонском Мардуке, или как о Мардуке, представляющем Эбани, или как о Гильгамеше, мелькают подобно ткацкому челноку в причудливо сплетенной основе аргументации. Повсюду мы тщетно просим каких-либо доказательств того, что царь Вавилона когда-либо, в любое время, в каком-либо тексте рассматривался или упоминался как

воплощение Таммуза, или Мардука, или Хуммана, или Гильгамеша, или Ибани, чего требуют рассуждения.

Между тем известными или, по крайней мере, предполагаемыми фактами являются мнимая царственность, порка и смерть человека, который ежегодно правил как царь в течение пяти дней в персидском дворце Сакея, в период распушенности, когда в каждом доме был свой царь-раб. Необычайные сложности в вопросе, на самом деле очень простом, вызваны отождествлением Святилища с Пуримом и Закмуком вопреки хронологии; и введением в Святилище, без каких-либо исторических свидетельств, персонажей еврейского исторического романа о происхождении Пурима. Тенденция также повсюду находить богов растительности добавляет ей ошеломляющего очарования, пока дух системы не обнаруживает богов растительности в преступниках, которые, как говорят, на основании очень скудных доказательств ежегодно подвергались порке и повешению. Более того, даже гипотетический мужской потомок преступника от гипотетической блудницы становится гипотетическим "богом-младенцем", воспитывается как преступник и заканчивается как псевдокороль и божественная жертва.

Вся аргументация м-ра Фрейзера, конечно, вступает в противоречие с более высокой критикой Велльхаузена, который утверждает, что евреи не могли устраивать праздников в изгнании и там усвоили "урок религиозной изоляции". С другой стороны, евреи, согласно теории м-ра Фрейзера, действительно устраивали пир, и очень отвратительный пир, и, далекие от усвоения урока религиозной изоляции, позаимствовали самые отвратительные языческие жестокости, сопровождавшиеся ритуальными распутствами. Так что Велльхаузен, должно быть, сильно ошибается в своих мнениях, которые очень почитаются духовенством этого острова.^[41]

[1] G. B. iii. 159.

[2] Эзра ii. 2; Неемия vii. 7.

[3] Эстер ii. 7.

[4] *Энциклопедия. Библия. с.в.. "Есфирь"*.

[5] Ястроу, стр. 686, примечание 2.

[6] *Энциклопедия. Библия. с.в.. "Есфирь"*.

[7] G. B. iii. 158, 159.

[8] Джастроу не указывает, что в древней поэме об Эабани он действительно "вернулся в верхний мир". Но см. L. W. King, *Bab. u Ass. Rel. and Myth.* стр. 146.

[9] G. B. iii. 178.

[10] Ястроу, стр. 513.

[11] G. B. iii. 179.

[12] G. B. iii. 180.

[13] G. B. iii. 181-184. НоксЛэйнга, ii. 157-160.

[14] Хайд, *История. Бел. Перс.* (1760), стр. 250, говорит, что некоторые называют этот аттракцион инновацией, но они ошибаются, и, по его мнению, аттракцион очень древний. Г. Б. iii. 183.

[15] Purim, *Ein Beitrag zur Geschichte der Religion*, p. 51. Von Paul de Lagarde, Gottingen, 1887.

[16] G. B. iii. 183.

[17] G. B. iii. 184.

[18] G. B. ii. 186.

[19] G. B. iii. 183.

[20] Неемия vii. 7; Ездра ii. 2.

[21] G. B. iii. 158, 159.

[22] G. B. ii. 123, 254.

[23] G. B. iii. 152.

[24] G. B. iii. 159.

[25] G. B. iii. 159.

[26] G. B. iii. 134-137.

[27] G. B. iii. 171; Movers, *Die PhœNizier*, i. 496.

[28] G. B. iii. 171.

[29] G. B. iii. 171.

[30] G. B. ii. 123, 124.

[31] G. B. iii. 152.

[32] G. B. iii. 159.

[33] G. B. iii. 180, 181.

[34] G. B. iii. 159.

[35] G. B. iii. 155.

[36] G. B. iii. 185.

[37] Я предполагаю, что теория Дженсена о Закмукке принята, поскольку она получает воскрешение через Эабани. Это важно, поскольку мы нигде не слышим о воскрешении Таммуза в марте в Вавилоне.

[38] G. B. ii. 24, 26.

[39] G. B. ii. 253-254.

[40] G. B. iii. 155-156.

[41] Велльхаузен, *История Израиля*, стр. 492-493.

IX

ПОЧЕМУ ПСЕВДОКОРОЛЯ САКЕИ ВЫПОРОЛИ И ПОВЕСИЛИ?

Хотя я и пытался возразить против теории мистера Фрейзера о причине "жертвоприношения" псевдосакейского царя, я не готов предложить догматическую контр-теорию. Случай с Саками уникален, он изолирован; мы не знакомы с другими подобными примерами, и, таким образом, обряд, который существует изолированно, мог иметь особую причину. Причина может быть скрыта за кулисами истории. Хотя у меня нет твердой гипотезы относительно этой причины, я закончу эту главу, выдвинув предположение, чего бы оно ни стоило.

Между тем, могут спросить, почему я называю приключение сакского псевдокороля "изолированным и уникальным". Разве у нас нет других примеров временных королей, занимающих свой пост три или четыре дня в период празднества и безрассудства? Конечно, у нас есть такие короли, но все они избегают порки и повешения. И никто из них не был рабом или преступником. Это не просто словесные и, вероятно, не просто случайные вариации от уединенного сакского типа. Но у нас есть легенда о святом Дасиусе? Да, но, принимая правдивость этой легенды, это скорее увеличивает, чем уменьшает трудность получения ключа к происхождению сакейского псевдокороля и его гибели. Давайте сведем факты в таблицу:

A. САКЕЯ

1. Осужденный преступник.
2. Король тридцатидневного пирушки.
3. Раздет и выпорот.
4. Повешен.
5. Предполагается, что представляет (а) бога Таммуза или (б) царя Вавилона; или и то, и другое.
6. Имеет псевдовосстановление.
7. Ложится с (а) царскими наложницами,

Б. САТУРНАЛИИ

1. Свободный человек, выбранный по жребию.
2. Король пятидневного пирушки.
3. Не раздет и не подвергнут бичеванию.
4. Приносится в жертву на алтаре Сатурна; или приносит в жертву самого себя.
5. Представляет Сатурн.
6. Не имеет известного псевдовосстановления.
7. Не ложится с царскими наложницами

(b) со священной блудницей.

8. В период переворота
вседозволенности рабам и свободным.

9. Который должен ознаменовать
победу над Саками.

или со священной блудницей.

8. В период переворота
вседозволенности рабам и свободным.

9. Который должен ознаменовать
Золотой век Сатурна.

Под номером 5 - пункт о том, что сакский псевдокороль представляет царя Вавилона, или Таммуза, или и то, и другое вместе — номер 6, псевдовосстановление псевдокороля, и номер 7 (6), его любовь со священной блудницей, - все это предположения мистера Фрейзера. Реальными точками сходства между сакской и месийской жертвами являются (1) их насмешка над королевской властью, (2) их смерть, произошедшая при совершенно разных обстоятельствах, (3) период распушенности, включая притязания на господство рабов в каждом доме в Вавилоне; свободных людей в Риме.

Различия многочисленны и существенны, а даты и продолжительность вавилонских и римских праздников сильно различаются.

Таким образом, я думаю, случаи с Саками и Мессиянами не объясняют значения того, что является религиозным обрядом в Месии: светский обычай (как я полагаю) в Вавилоне. Опять же, различия затрудняют догадки относительно ММ. Кумон и Пармантье, что месийский обряд был введен восточными солдатами Рима, привыкшими к вавилонским сакеем. Но предположить, что коренные римляне сохранились или рецидивировали, также трудно, потому что греческие и римские поэты, историки, антиквары и эссеисты, все писавшие о Сатурналиях, не знают о таком выживании. Опять же, если первоначально итальянских псевдокоролей ежегодно приносили в жертву во многих местах, умирали ли они как доверенные лица настоящих местных итальянских королей, которые в противном случае были бы принесены в жертву? Это, как мы видели, невозможно: люди никогда бы не приняли корону на таких условиях. Или они умерли, подобно мексиканским жертвам, как боги-люди, убитые за настоящего бога Сатурна? Но мексиканская жертва была пленницей: свободные люди вряд ли стали бы тянуть жребий за смерть.

В римском народном обычае нет и следа какого-либо инсценированного убийства настоящих римских сатурналийских королей в ходе драк в каждом доме. Во времена Люциана Сатурналии были настолько далеки от жестокости, что Диккенс мог бы написать эссе и письма Люциана на эту тему в качестве рождественских газет. Всеобщая доброта — скруджи пировали Рысьими Вэками того периода, — всеобщее раздавание подарков и семейные игры в фанты и азартные игры (разыгрывались на орехи) были характерными чертами Сатурналий. Вино лилось рекой; но что касается любовной распушенности на Сатурналиях, то мы слышим только жалобы богатых на то, что бедные гости слишком вольно обращаются с дамами дома.

Связь Сатурналий с Сатурном, признанным римлянами "этим старым дикарем" греческим Кроносом, могла быть, а могла и не быть оригинальной. Сатурналии не были "сатурническими". Разве теория о золотом веке при Сатурне не была отражением праздничного периода, "лучшего дня в году", как говорит Катулл, который стал ассоциироваться с именем Сатурна?

Наши свидетельства о принесении в жертву или повешении псевдокороля настолько скудны и туманны (в одном случае сомнительная легенда о Дасии; в другом - то, что Афиней цитирует из Бероса, в сочетании с тем, что Дион вкладывает в уста Диогена, и с тем, что Страбон рассказывает о Сакее), что земля не выдержит веса восемнадцатизэтажного замка гипотез

мистера Фрейзера с высокими сваями. Тем не менее, я не ставлю под сомнение правдивость двух историй о смерти псевдокоролей; непреднамеренное совпадение показаний я готов принять за презумпцию правдивости, хотя из четырех древних свидетелей, рассказывающих о Сакеа, только один, Дион, упоминает коронацию, облачение, раздевание, бичевание и повешение псевдокороля-участника фестиваля.[1]

I. СРОКИ ДЕЙСТВИЯ ЛИЦЕНЗИИ

Как нам объяснить неясные факты? Давайте начнем с черты, общей для мессианских событий 303 г. н.э. и Сакеи. И то, и другое происходит в период вседозволенности, когда рабы играют роль хозяев, и все идет шиворот-навыворот. Мистер Фрейзер собрал множество примеров празднеств вседозволенности, когда законы теряют свою силу.[2] Римских рабов на Сатурналиях даже не порицали "за поведение, которое в любое другое время года могло быть наказано побоями, тюремным заключением или смертью".[3]

Теперь выдвиньте гипотезу, что только в одном известном месте, в Вавилоне, побои и смерть за поведение, обычно караемое этими наказаниями, *были* применены по истечении срока действия лицензии только к одному человеку, и вы получите случай Диона с псевдокоролем Вавилонской Сакеи.

Между тем обратите внимание, что в каждом вавилонском доме, включая царский, правил Зоганес, или рабовладелец. Каждый Зоганес был по-королевски одет, и властвовал в жилище, где, за исключением пяти дней дозволения, он служил. Но за все, что было сделано за эти пять дней, только один человек был наказан, и это был королевский Зоганес. Афинея не упоминает об этом; Исихий молчит; Страбон даже не говорит о господстве рабов. Нашим единственным доказательством убийства царского Зогана является Дион Хрисостом, вставивший этот анекдот в фальшивую речь Диогена. Убийство происходит только в одном месте, поскольку у персов был только один царь.

А пока давайте изучим сроки действия лицензий в различных регионах. Кажется, что человеческая природа нуждалась в ежегодном "всплеске". Мистер Фрейзер предполагает в качестве магического мотива, что фермеры думали, что, выпивая воду непосредственно перед тем, как приступить к засеву полей, они тем самым придают дополнительную силу семенам.[4] Фактически, независимо от того, постились ли мужчины или пировали, были ли они целомудренны или любвеобильны, во всех случаях они действовали на благо урожая. Пусть так, но почему у дикарей, не занимающихся сельским хозяйством, должны быть периоды вседозволенности? Осмелюсь предположить, что сельскохозяйственный мотив в религии и ритуалах в настоящее время несколько перегружен. Это становится таким же распространенным объяснением обычаев и верований, как повсеместное признание солнца и зари в мифологии. Чтобы показать, что период вседозволенности с явным и целенаправленным нарушением самых священных законов может существовать без сельскохозяйственных мотивов, я докажу позже, что он встречается у несельскохозяйственной группы дикарей и, следовательно, когда встречается у земледельческих народов, может происходить из каких-либо несельскохозяйственных мотивов. Сам м-р Фрейзер в другом месте указывает мотив, не обязательно сельскохозяйственный, для этих санкционированных взрывов неправомерности.

1. На Золотом побережье период действия лицензии предшествует ежегодной церемонии "изгнания дьявола". Время года не указано.

2. Праздник распушенности у шлюх Северо-Восточной Индии Далтон называет "сатурналом". Он проводится в январе, "когда зернохранилища полны зерна, а люди, по их собственному выражению, полны дьявольщины". Молитвами о хорошем новом году дьявол выходит за пределы дозволенного.
3. На аналогичном празднике Мундари "слуги угощаются у своих хозяев". Пока что ничего не говорится о том, что они пьют во благо урожая; *это* не "оправдание для стакана".
4. В индуистском куше в конце сбора урожая существует небольшая вольность: дьяволы изгоняются, а затем сеются семена.
5. В Тонкине с 25 января по 25 февраля был сезон бездействия закона: "учитывались только государственная измена и убийство, а злоумышленники содержались под стражей до тех пор, пока великая печать снова не вступит в действие". Затем приносились жертвы злым духам, поскольку "у них принято угощать осужденных перед казнью". Затем дьяволы были изгнаны.^[5]
6. В Камбодже после изгнания дьяволов (*диаболо-фугиум*) азартные игры стали повсеместными.
7. В Неполе в октябре устраиваются пиршества и попойки, а хозяева делают подарки рабам. Возможно, произойдет изгнание дьяволов, ибо армия салютует огнем.^[6]

В этих случаях распушенности мистер Фрейзер считает, что люди радуются либо перед изгнанием бесов, потому что эта церемония уносит их грехи, либо после изгнания, когда их умы становятся спокойными.^[7] Таким образом, люди наслаждаются этими всплесками либо, согласно первой гипотезе, для улучшения перспектив сельского хозяйства; либо, согласно второй теории, потому, что церемония очистит грехи "всплеска"; либо потому, что церемония освободила их умы от страха перед дьяволами. Когда сбор урожая только начинается, тогда, на самом деле, у людей вдоволь еды, и, как мы видели, они "полны дьявольщины". Поэтому они разыгрывают это. По крайней мере, в четырех из наших семи случаев, как мне кажется, причиной "взрыва" является полнота хлеба и питья.

Это также объясняет (8) зулусскую вольность в праздновании первых плодов: "сатурналии, люди не должны нести ответственности за то, что они говорят или делают".^[8]

9. Те же факты отмечают праздник первых плодов в Пондо.^[9]

10. В Ашанти праздник урожая приходится на сентябрь. "Во время его существования преобладает самая грубая распушенность; воровство, интриги и нападения остаются безнаказанными, и оба пола предаются своим страстям".^[10] По необычайному совпадению, которое мистер Фрейзер не цитирует, "на *пятый* день" праздника урожая Ашанти "преступника приносят в жертву", - говорит сэр А. Б. Эллис, - отправлен в качестве гонца к умершим королям. "Преступник одет как псевдокороль?

Я бы рискнул предположить в качестве вывода, что люди предаются этим незаконным излишествами не столько для улучшения перспектив ведения сельского хозяйства, сколько потому, что они "полны дьявольщины", и что часто они полны дьявольщины, потому что они закончили свои труды и сыты мясом и выпивкой. *Sine Bacche et Cerere friget Venus*. Поэтому они позволяют себе регулярный разврат; ранги меняются местами, рабы господствуют над своими хозяевами, законы отменяются; в Тонкине возрождающийся закон обращает внимание только на измену и убийство. В Борне, на Сатурналиях и на Пуриме среди евреев, однако, в период

распущенности преобладало своего рода христианство Диккенса; также в Персии, в период, называемый Пурдаган, который Хайд сравнивает с Сакеа и Пуримом; как и Лагард, в своих работах о Пуриме.[11]

Читатель, вероятно, заметил, что ни в один из этих многочисленных периодов распущенности, в широко разделенных регионах и на разных ступенях цивилизации, не был казнен псевдокороль. Действительно, никого не предают смерти, кроме как в Ашанти, и никого не подвергают бичеванию. Таким образом, как я отмечал ранее, случай с псевдокоролем в Вавилонском святилище, насколько нам известно, единичен.

II. БОЖЕСТВЕННЫЙ КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ

Однако во многих случаях при изгнании бесов роль дьявола играет человек, которого прогоняют, часто его избивают. Я уже говорил, что, согласно теории мистера Фрейзера (насколько я ее понимаю), псевдокороль в Сакеа был "принесен в жертву" в двойной роли, а именно как доверенное лицо короля (король был богом), а также как Таммуз, не говоря уже о Мардуке и Хуммане. На это, конечно, я ответил (1) что, по-видимому, не было приведено ни одного случая ежегодного убийства царя во благо бога; (2) что я не смог найти ни одного случая, когда царя убивали по доверенности; (3) что когда царей действительно убивали, это было не ежегодно и не в результате позорной смерти злоумышленника (повешения); (4) что не было никаких доказательств того, что человек был убит как Таммуз; (5) что нигде не говорится, что Таммуз был повешен, или распят, или бичеван; (6) что ни в одном известном случае не было убито человека, как Таммуз. для меня жертвоприношение совершается через повешение, еще реже (если возможно) через повешение после порки. Эти аргументы убеждают меня, что теория мистера Фрейзера (если это его теория) неубедительна.

Но я не совсем уверен, что мистер Фрейзер действительно считает, что его священная жертва играла две роли в два разных времени года. Теперь, однако, в связи с человеческими козлами отпущения, наш автор, безусловно, делает жертву "двойной частью". Во-первых, было обычным убивать бога-зверя или бога-человека, "чтобы спасти его божественную жизнь от ослабления нашествием времени". Затем были человеческие козлы отпущения, изгнанные со всем злом на их головах. Но, предполагает мистер Фрейзер, "если бы людям пришло в голову объединить эти два обычая, результатом стало бы использование умирающего бога" (богочеловека, короля или его доверенного лица) "в качестве козла отпущения". Первоначально Он был убит не для того, чтобы забрать грех, а для того, чтобы спасти божественную жизнь от вырождения старости; но, поскольку он в любом случае должен был быть убит, люди, возможно, подумали, что с таким же успехом они могли бы воспользоваться возможностью возложить на него бремя своих страданий и греха, чтобы он мог унести его с собой в неизвестный загробный мир.[12]

Тем не менее, когда дублинская толпа собиралась сбросить человека с галерки театра, какой-то экономист крикнул: "Не тратьте его впустую: убейте скрипача вместе с ним"!

В качестве доказательства того, что люди могут рассуждать подобным образом, мы узнаем, что 15 марта в Борне был избит козел отпущения по кличке "Старый Марс" и изгнан. Марс, конечно, был богом растительности, и здесь бог-человек, "Старый Марс", является одновременно богом и козлом отпущения. Но его не приносят в жертву и даже не вешают.[13]

В Афинах во время чумы, засухи или голода были убиты два человеческих козла отпущения, и мистер Фрейзер предполагает, хотя и с сомнением, что их забили камнями до смерти. Это также

происходило ежегодно в Тарджелии; побивание камнями - это предположение. В греческих городах Малой Азии во времена бедствий уродливого человека заставляли есть сушеный инжир, ячменный хлеб и сыр. Затем его семь раз избили особым образом, ветками ракитника и мирта, сожгли, а пепел выбросили в море. Избиение сразу же изгнало злые влияния и пошло на пользу урожаю. Итак, в этом уродливом бедняге "мы должны признать представителя творящего и оплодотворяющего бога растительности". Я действительно должен попытаться спасти его от этой всеобщей гибели! Эти глупые жестокости, если и имели обычный сельскохозяйственный мотив, действовали *магически* а не *религиозно*, действовали с помощью симпатической магии, а не божественного вмешательства. Это существо, хотя и считалось богом растительности, по общему признанию, не было Адонисом!^[14]

Отвергая идею о том, что этот отвратительный негодяй исполнял долг бога, Адониса, настолько справедливого, что победил, и настолько холодного, что отверг любовь золотой Афродиты, я могу оправдать себя примером мистера Фрейзера. Я утверждаю, что изуродованная жертва, если уж на то пошло, использовалась *вмагии*, а не в *религии*- не как воплощение бога. Точно так же сам мистер Фрейзер говорит об обрядах умирающего бога растительности по всей Западной Азии, что ритуал был "по сути религиозной или, скорее, магической церемонией".^[15] Так же как избиение и смерть уродливого деформированного человека (относительно которого нет свидетельств, указывающих на то, что он выполнял долг перед богом) были просто магической церемонией.

Теперь давайте посмотрим, где мы находимся. Целью мистера Фрейзера было доказать, что человек, которого он считал доверенным лицом бога-короля, был предан смерти в установленный законом срок, чтобы спасти божественную жизнь. Но у людей также были человеческие козлы отпущения. Поэтому они, возможно, рассуждали (это мое собственное предположение): "Поскольку доверенное лицо человеко-бога (*сампо должности* человеко-бог) должен быть убит в любом случае, и поскольку козел отпущения должен быть избит, почему бы не избить человека-бога, который в любом случае должен умереть? Пусть он удвоит свою роль, нет, поскольку мы экономим, пусть он утроит свою роль, пусть его избьют как козла отпущения, повесят как представителя божественной жизни царя, а также повесят как Таммуза".

Но чтобы доказать, что все это было продумано намеренно, где у нас есть пример богочеловека-козла отпущения, приговоренного к смерти? У нас их нет, если только мы не позволим мистеру Фрейзеру убедить нас, что его уродливая деформированная личность, "я деградировавшее и бесполезное существо", *"должна"* быть признана представителем созидającego и оплодотворяющего бога растительности, чьи репродуктивные способности стимулируются, чтобы они могли быть переданы в полной активности его преемнику, новому богу или новому воплощению старого бога, который, как *несомненно*, предполагалось, немедленно займет место убитого".^[16] Я должен отказаться подчиняться "должен" мистера Фрейзера и признать Адониса в уродливом изуродованном человеке. Далее, я возражаю против идеи, что "несомненно" умирающий уродец передал свои силы новому богу. В-третьих, если все это предназначено для того, чтобы показать, что сакский преступник был не только (1) доверенным лицом, спасавшим божественную жизнь царя и наслаждавшимся царским гаремом; и (2) был представителем Таммуза, наслаждавшимся священной блудницей; но (3) был, более того, человеческим козлом отпущения, которого бичевали как такового, чтобы стимулировать его репродуктивные способности и изгнать злые влияния, тогда я действительно не могу принять

эту зловещую гипотезу. Никаких подтвержденных примеров человеческих козлов отпущения в Вавилоне не приводится, но это мелочь.

Если мистер Фрейзер действительно хочет добавить обязанности козла отпущения и последующее избиение,[17] к обязанностям доверенного лица короля и Таммуза человека в его главе о Сатурналиях, он этого не говорит. Таким образом, не похоже, что он хочет объяснить бичевание псевдокороля в Сакее своей теорией о человеческом козле отпущения, и не похоже, что он когда-либо объясняет срывание королевских одежд с несчастного человека. И все же, если этот человек действительно умер как псевдокороль, должна была быть какая-то причина для того, чтобы лишить его королевского одеяния. Мы никогда не слышали, чтобы представитель царя Сатурна был либо раздет, либо выпорот перед принесением в жертву. Я также не упоминаю, что в Анауаке человеческая жертва, олицетворявшая бога, была лишена его одежд и украшений. Почему же тогда сакская жертва, и он один (насколько нам известно), был лишен царской власти, будучи раздетым перед казнью, а также низведен до положения раба бичеванием?

III. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СРОКИ ДЕЙСТВИЯ ЛИЦЕНЗИИ

Я собираюсь с более чем застенчивостью высказать предположение о причинах, прося помнить, что я делаю это просто потому, что случай единичный и в настоящее время не может быть проиллюстрирован параллельными церемониями. Но сначала, возвращаясь к периодам вседозволенности, я должен показать, что они не свойственны земледельческим расам и, следовательно, не обязательно установлены для помощи фермеру. Это само по себе является большим утешением, поскольку человеку надоедает слышать, что урожай всегда является причиной обычаев и обрядов. Среди арунта Центральной Австралии, во многих отношениях отсталой расы, не занимающейся сельским хозяйством, "в определенных случаях допускается значительная вольность, когда большое количество мужчин и женщин собирается вместе для исполнения определенных корробори" (или священных танцев). Так говорят господа. Спенсер и Гиллен.

Тогда законы о браке переворачиваются с ног на голову. Мужчине приказано вступать в отношения с женщиной, которая является его "Мурой", то есть с той, с которой он не может при обычных обстоятельствах даже разговаривать или приближаться, не говоря уже о чем—либо похожем на супружеские отношения. Ожидается, что каждый мужчина пошлет свою жену на эти танцы с явной целью нарушить в этот период распущенности самые священные законы племени.[18] У этих отсталых людей, арунта, нет местных крепких напитков, и они не могут опьянеть, но то, что они могут, они делают по своему усмотрению, как более цивилизованные расы, и обязательно не по сельскохозяйственным причинам, поскольку у них нет сельского хозяйства. Они нарушают свой самый священный закон, точно так же, как евреи в Пурим намеренно нарушили закон Моисея.[19] Тогда, возможно, даже раздевание, бичевание и повешение псевдокороля в Святилище также могло быть сделано по какой-то причине, не связанной с сельским хозяйством.

Какого мнения придерживались сами персы о своем празднике? Я не думаю, что мистер Фрейзер достаточно настаивает на этом пункте. Персы считают Сакеею памятником великой резни саков близ Эвксинских островов. В обеих формах персидской легенды, у Страбона, их предки пали на Саках, когда это племя было безнадежно опьянено: "пьяные и неистовые, сонные и дремлющие, или танцующие и обезумевшие от вина". Сакэ были убиты, и Сакэа,

праздник распущенности, был посвящен персидской богине Анаитиде; очевидно, в память об опьянении сакэ,^[20] по крайней мере, так утверждала традиция.

Таким образом, персы, опираясь на популярную этимологию (Sasæa от Sasaе), объясняли себе происхождение периода разрешенной вольности, в который, по словам Страбона, "как мужчины, так и женщины, одетые в скифские одежды, беспричинно пили и развлекались днем и ночью". Как и во многих других случаях, собранных Афинеем, в незаконном пирушке были свои цари неразумия: рабы действовали как хозяева и короли. Только один из этих королей, Зоганы из королевского двора, впоследствии был раздет, выпорот и повешен. В чем могла быть причина? Мы видели, что в Тонкине упускаются из виду все преступления, совершенные в период действия лицензии, за исключением государственной измены и убийства.^[21] Нам сказали, что на римских сатурналиях раб мог совершить, не будучи доказанным, то, что в любое другое время было бы наказано "побоями, тюремным заключением или смертью".^[22] Мы прочитали, что на в период действия лицензии в Пондо никто впоследствии не был привлечен к ответственности за свои действия, хотя в Тонкине убийство и государственная измена были исключены.^[23] Та же безответственность пронизывает период действия лицензии на зулу.^[24]

Чтобы подчеркнуть тот факт, что самые священные законы целенаправленно нарушаются в определенные периоды распущенности, я цитирую оргии нанга на старых Фиджи. "О нанге часто говорят как о мбаки, или жатве"; люди "полны дьявольщины и еды" во время сбора урожая, чего, возможно, им и не нужно делать в марте-апреле. В Нанге были отменены все имущественные различия. Мужчины и женщины в фантастических нарядах публично "совершали невыразимые мерзости". Даже отношения брата и сестры "казалось, не были препятствием для всеобщей вольности". Но после нанги, как и до Нанги, братья и сестры могут даже не разговаривать друг с другом. Это в точности соответствует австралийскому инцесту с мурой. Братья и сестры в Нанга были "намеренно соединены". Церемонии включали в себя мистерии посвящения, подобные Боре австралийских чернокожих. Как и в случае с корробори Арунта, главное заключалось в том, чтобы нарушить самые священные законы: законы об инцесте.^[25] Таким образом, этот своеобразный "всплеск" в Австралии относится к до-сельскохозяйственному периоду, хотя, как и на Фиджи, он сохраняется среди земледельческого народа.

IV. ЗАКОН Как ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ ЛИЦЕНЗИИ

Что ж, Сакея была таким периодом вседозволенности. Тогда каждым домом управлял раб, Зоган, как Афинея цитирует Бероса. Королевская семья не была исключением. Теперь править королевским двором в королевских одеждах и, прежде всего, позволять себе вольности в королевском гареме (сравните фиджийскую и австралийскую вольность) - это государственная измена; одно из двух преступлений, исключенных из сатурналийской амнистии в Тонкине. Игнорировать государственную измену означало бы для персидского монарха создать опасный прецедент. Следовательно, королевские зоганы, или короли-рабы пятидневного пира, в отличие от зоганов из частных домов, технически заслуживали смерти. На этом этапе позвольте мне принять теорию мистера Фрейзера о заместителе. Преступник, уже приговоренный к смертной казни, нанимается вместо безобидного раба, как Зоганес из королевского двора, и затем его вешают.

В десятках случаев летних забав в европейском фольклоре "представителей духа дерева на Троицу" предают притворной смерти.^[26] В одном или двух экземплярах они называются

"королями". Обычные Майские Короли и майские Королевы, кажется, сбегают: травяной король просто "передает свою корону мэру".^[27] Эти инсценировки убийств фольклорных актеров могут (я думаю), как и передача короны мэру, просто означать, что правление актера закончилось. Это не мнение мистера Фрейзера: летние монархи, убитые во время спортивного состязания, по его мнению, убиты так же, как на самом деле были убиты их предшественники, во имя бога растительности. О растительность, какие преступления совершаются во имя твое!

В любом случае царь Зоганес, или преступный заменитель царя-раба из царского дома в Вавилоне, заслуживал повешения, чтобы воспрепятствовать прецеденту государственной измены, созданному им в период распушенности. Только в королевском доме правление Зоганов было государственной изменой.

Теперь, прежде чем повесить его, на самом деле было необходимо символическим действием продемонстрировать, что он не настоящий король, а обычный раб или преступник. Он был низведен до своего истинного уровня, когда с него сняли королевские одежды и подвергли порке - особо рабскому наказанию. Затем его повесили.

Но обращаться так с настоящим рабом только потому, что, как и в любом другом доме, он играл роль зогана или раба в роли хозяина, было бы позором. Единственной виной этого человека был навязанный ему обычаем несчастный случай - играть роль лорда в королевском доме ревнивого монарха. Таким образом, преступник, уже осужденный, принял участие, и, как и подобает рабу, он в конце концов был низведен до своего уровня, когда с него сняли королевские одежды и подвергли бичеванию перед смертью; технически за государственную измену, на самом деле за преступление, за которое он был первоначально осужден.

Это простое предположение о происхождении уникального обычая имеет определенные преимущества. Это объясняет (и я не вижу, чтобы мистер Фрейзер объяснял), почему сакский псевдокороль (в отличие от жертвы Сатурна) был лишен королевских одежд и выпорот. Эти страдания провозгласили человека не королем, а рабом. Опять же, его повешение было именно тем, чего мог ожидать преступник низкого происхождения, приговоренный к смертной казни. При всем желании ни один вавилонянин не смог бы последовать за мистером Фрейзером и принять повешенного преступника за бога или божественную жертву. Почему только с одним человеком поступили таким образом, хотя в каждом доме был зоганес, или рабовладелец, объясняется тем фактом, что был только один королевский дом, только одно домашнее хозяйство, в котором поведение рабовладельца было государственной изменой.

С отеческой нежностью я обдумываю свою собственную маленькую догадку. Но, увы! нам не сказано, что другие рабовладельцы в Сакеа на самом деле вторгались в дом дам. Так почему рабовладельцу королевского двора должно быть позволено это делать? Как моя гипотеза выдержит этот опасный момент? Что ж, нам никогда не говорили (насколько мне известно), что подданный на Востоке лишил себя частных владений, вторгшись в гарем человека, на чье поместье он претендовал. Но в случае с королевскими владениями вторжение в гарем было первым шагом молодого претендента, такого как Авессалом, "с целью заявить о своих притязаниях на трон и укрепить их", - говорит Моверс.^[28]

Помня о живучести традиционных обычаев, санкционирующих смертельные сексуальные преступления в некоторые периоды распушенности, помня, что в те времена "примитивные" арунта намеренно нарушали, как это делали евреи в Пурим и фиджийцы, самые священные и

строгие из своих табу, не позволим ли мы сакеанским обычаям вторгнуться в королевский гарем с целью сделать царственность королевских зоганов неоспоримой? Ибо таким образом была провозглашена и утверждена восточная королевская власть. Сэр Альфред Лайалл говорит: "Мы считаем, что несколько несчастных наложниц не имели бы никакого значения для надлежащего представления популярного вавилонского маскарада, который с таким же успехом мог имитировать земное правление, как и символизировать божественные тайны".

И теперь мы видим простую и понятную причину, по которой псевдокороль Сакеи вторгся в королевский гарем, правил всем по-королевски, был коронован, облачен в королевские одежды, а затем, чтобы восстановить свой рабский статус и стереть с лица земли свою королевскую власть, был лишен королевских одежд, выпорот, как выпороли раба, и повешен, как того заслуживает осужденный преступник.

Мое предположение, в отличие от гипотезы мистера Фрейзера, объединяет все факты. Оно объясняет раздевание, которое мистер Фрейзер, я думаю, не объясняет. Это объясняет бичевание и повешение, которые мистер Фрейзер вынужден объяснять как смягчение последствий сожжения. Это не требует от нас верить (что невероятно), что в древности персидских царей приносили в жертву ежегодно. Это объясняет возникновение казни в период светского распущения, как и в Ашанти. Это не вовлекает нас в двойную и, на мой взгляд, противоречивую теорию о том, что страдалец является одновременно доверенным лицом царя, а также представителем Таммуза, или Мардука, или Хуммана, или Гильгамеша, или Ибани.

Но мое предположение - это всего лишь предположение, и предлагается оно главным образом для того, чтобы доказать, что угадать легко. Мы не можем быть уверены ни в каком объяснении столь отдаленного, столь беспрецедентного обычая, о котором сообщается на основании свидетельств столь поздних и столь сомнительных, как у Диона Златоуста.

Кто-нибудь из студентов может заметить, что, хотя я и хвастаюсь своей теорией, объединяющей все факты, я не упомянул священную блудницу. Но она была всего лишь порождением гипотезы мистера Фрейзера. Научной гипотезе не требуется сопоставлять больше, чем известные факты в каждом конкретном случае. И я ни в коем случае не уверен, что факты, приведенные нашим единственным авторитетом, Дио, были фактами истории.

[1] Смотрите Приложение В, "Мученичество Дасиуса".

[2] G. B. iii. 76, 78, 84, 85, 86, 138, 119, примечание I; ii. 326; iii. 139; iii. 141, 143; iii. 145; iii. 147.

[3] Г. Б. раздел III. 139; Гораций, СБ. второй. 7, 4; Макробия, у меня. 7, 26; Юстин, xliii. я. 4; Плутарх, Сулла, 18; Лукиан, СБ. 5, 7.

[4] G. B. iii. 145.

[5] G. B. iii. 84.

[6] G. B. iii. 119, примечание 1.

[7] G. B. iii. 119.

[8] G. B. ii. 326.

[9] G. B. ii. 327.

[10] G. B.. ii. 460; Эллис, *Народы, говорящие на тши*, стр. 229.

[11] Хайд, *История. Отн. Чел.*. Стр. 260-267.

[12] G. B. iii. 120, 121.

[13] G. B. iii. 122, 123.

[14] G. B. iii. 125-128.

[15] G. B. iii. стр. 179.

[16] Курсив мой.

[17] Объясняя порку сакской жертвы, мистер Фрейзер не говорит, что целью было "стимулировать его репродуктивные способности". Он говорит о "смягчении" сожжения.

[18] Спенсер и Джилл Эн рассматривают эти санкционированные и принудительные нарушения священных законов как свидетельство существования в прошлом времени, когда таких законов не существовало, когда промискуитет был повсеместным, или, по крайней мере, как указание в направлении более широких супружеских отношений, "чем существуют в настоящее время" (указ. *цит. по* 111). Точно так же римляне считали, что Сатурналии указывают на золотой век, когда не существовало закона.

[19] G. B. iii. 156.

[20] Страбон, 511.

[21] G. B. iii. 84.

[22] G. B. ii. стр. 327.

[23] G. B. iii. 139.

[24] G. B. ii. стр. 326.

[25] Фисон, Дж. А. И.. xiv. стр. 28.

[26] G. B. ii. 60-66.

[27] G. B.. i. 218.

[28] Г. Б. раздел III. 160, заметим, я, сославшись на грузчиков, *умереть Phœnizier*, я. 490, сл.; 2-я Царств XVI века. 21; ср. Деян. XII. 8; Геродот, iii. 68; Иосиф Флавий, *Contra Apion*. i. 15.

К счастью, нет необходимости долго останавливаться на опровержении теории мистера Фрейзера, поскольку его факты, "по-видимому, проливают свежий свет на некоторые причины, которые способствовали удивительно быстрому распространению христианства в Малой Азии".... В новой вере были элементы, которые сильно привлекали азиатский разум.... Мы видели, что концепция умирающего и воскресшего бога не была новой в этих регионах.... Человек, которого любвеобильное воображение его почитателей наделило атрибутами бога, отдал свою жизнь за жизнь мира.... Цепочка причин, которые, поскольку мы не можем проследить за ними, на вольном языке повседневной жизни можно было бы назвать случайностью, определила, что роль умирающего бога в этом ежегодном спектакле должна быть отведена Иисусу из Назарета "Его смерть в качестве Амана в ежегодном спектакле-мистерии умирающего бога" придала тому, что до сих пор было в основном этической миссией, характер божественного откровения, достигающего кульминации в страстях и смерти воплощенного Сына Небесного Отца. В такой форме история жизни и смерти Иисуса оказала влияние, которого она никогда не оказала бы, если бы великий учитель умер смертью вульгарного злоумышленника. Это придавало Кресту на Голгофе ореол божественности" и т. Д.[1]

Но весь этот ореол мог рассеяться только в том случае, если бы мир признал жертву умирающей в образе бога и воскресающей в лице Вараввы, Мардохея года. Мы знаем из лучших исторических свидетельств, что такого признания не было. "Для греков безумием, а для иудеев камнем преткновения" был Крест, как уверяет нас святой Павел. Более того, мы знаем, что толпа при Распятии отличалась сквернословием, а не благоговением. Согласно теории мистера Фрейзера, Варавва олицетворял возрожденного бога, "Сына Отца". Почитался ли Варавва? Нет; "некоторые делали вид, что приветствуют его притворное величество, а другие колотили осла, на котором он ехал".[2] Следовательно, по собственному недвусмысленному заявлению мистера Фрейзера, божественные факты о Варавве не были признаны. И все же он был двойником священной Жертвы.

Теория мистера Фрейзера требует, я думаю, всеобщего признания божественности ежегодной жертвы, которая придала миссии Христа "такое влияние, которого она никогда бы не имела, если бы великий учитель умер смертью вульгарного злоумышленника".[3]

Однако сам мистер Фрейзер уверяет нас, что идея божественности жертвы, возможно, была забыта; что его "жертвоприношение" могло показаться "казнью преступника". Я цитирую отрывок: "Божественный характер животного или человека забыт, и его начинают рассматривать просто как обычную жертву. Это особенно актуально, когда убивают божественного человека. Ибо, когда нация становится цивилизованной, она если и не отказывается совсем от человеческих жертвоприношений, то, по крайней мере, выбирает в качестве жертв только таких несчастных, которые в любом случае были бы преданы смерти. Таким образом, как и на сакском празднике в Вавилоне, убийство бога можно спутать с казнью преступника".[4] Однако на протяжении восьмидесяти страниц мистер Фрейзер приписывает

"ореол божественности" счастливой случайности, позволившей жертве умереть как *признанному* представителю умирающего бога.^[5]

Мистер Фрейзер выдвигает свою гипотезу "с большой неуверенностью".^[6] Он думает, что им, "возможно, руководили интерес и важность предмета несколько глубже, чем того требуют доказательства".^[7]

Это несомненно. Мы показали, что доказательства, по нашему мнению, не подтверждают ни одну из гипотез; нет, ни одну.

Не доказано, что магия древнее религии.

Опровергается тот факт, что общая вера (в отличие от местных легенд) в любую эпоху считает богов смертными.

Нет никаких доказательств, или их вообще не приводят, того, что человек когда-либо приносился в жертву богу, которого он воплощает.

Нет никаких свидетельств того, что настоящий царь когда-либо ежегодно приносился в жертву богу в Вавилоне, или в каждом городе-государстве ранней Италии, или где-либо еще. Идея невероятна.

Исторически доказательства любого жертвоприношения псевдокоролей являются самыми слабыми из всех возможных.

Смерти сакских псевдокоролей были печально известными казнями преступников; это не были жертвоприношения, если они вообще когда-либо происходили.

Дата праздника, на котором они погибли, если вообще были, не может быть привязана к Пуриму или Пасхе.

Нет никаких свидетельств того, что евреи позаимствовали обычай ежегодного умерщвления человеческой жертвы или практиковали этот обычай.

Если они и сделали это, то через месяц после Пурима.^[8]

Если бы они это сделали, по собственному заявлению мистера Фрейзера, убийство можно было бы считать совершенным вульгарным злоумышленником,^[9] и не могло бы придать всем или ни одной из жертв ореол божественности.

Наконец, наша собственная история в случае с графом Атоллом (который претендовал на корону во время убийства Якова I Шотландского) и в случае с сэром Уильямом Уоллесом (которого обвинили в том, что он сказал, что будет коронован в Вестминстер-холле) доказывает, что претенденты на королевскую власть подвергались насмешкам, будучи увешанными символами королевской власти. Уоллес был коронован на суде лавром; Атолл был замучен до смерти раскаленной железной короной. Жертва Голгофы была обвинена в стремлении к созданию царства и, подобно Уоллесу и Атоллу, была увенчана терновником. Предварительное бичевание иллюстрируется тиранией Верреса на Сицилии.

Не можем ли мы заключить, что "легкие мостики" гипотезы мистера Фрейзера "рухнули"?^[10]

"Важность и интерес предмета" побудили меня изучить гипотезы. Но в этом не было необходимости.

Один момент был ясен с самого начала. Даже если предполагалось, что сакейские жертвы *изначально* были богами, они не могли передать Христу ореол божественности, если только во времена правления Тиберия их собственная божественность все еще не была общепризнанной. Теперь это, конечно, было *не* распознано. Когда мистер Фрейзер опубликовал первое издание своей "Золотой ветви", он сомневался, что сакская жертва могла по мере развития цивилизации отождествляться с богом. Но, прежде чем опубликовать свое второе издание, мистер Фрейзер развил свою теорию происхождения или частичного происхождения веры в божественность Христа, унаследованной от преступных рабов в Сакеа. Таким образом, во втором издании божественность сакских жертв обычно рассматривается как общепризнанная; хотя м-р Фрейзер сомневался в возможности этого в своем первом издании и сохраняет это сомнение во втором издании. Нет необходимости говорить больше.

Мистер Фрейзер в томе iii. 120 уже опроверг свою собственную теорию, изложенную в томе iii. 195-198.^[11] Я мог бы довольствоваться сравнением этих двух отрывков, но в интересах зарождающейся науки о религии показалось желательным указать на то, что я вынужден считать ошибками метода, которые сейчас преобладают. В следующем эссе критика применяется к гипотезе, к которой современная ортодоксия не имеет никакого отношения.

[1] G. B. iii. 195-197.

[2] G. B. ii. 192.

[3] G. B. iii. 197.

[4] G. B. iii. 120.

[5] Отрывок, в котором мистер Фрейзер, таким образом, опровергает свою собственную теорию, отражает его мнение до того, как его теория была разработана. Она появилась в его первом издании, но он сохранил ее в своей переработанной работе.

[6] G. B. iii. 193.

[7] G. B. iii. 195.

[8] Смотрите противоречивые попытки выйти из этой трудности в iii. 189.

[9] G. B. iii. 120.

[10] G. B. i. xv. xvi.

[11] Смотрите также Приложение С, стр. 303-304.

Дух системы, поиска отмычек ко всем замкам старой религии и мифологии, по общему признанию, был склонен вводить студентов в заблуждение. "Макробий был отцом, - говорит мистер Фрейзер, - той большой семьи мифологов, которые относят всех или большинство богов к солнцу. Согласно ему, Меркурий был солнцем, Марс был солнцем, Янус был солнцем, Сатурн был солнцем, как и Юпитер, также Немезида, также Пан и так далее по большей части Пантеона. Поэтому было естественно, что он отождествлял Осириса с солнцем...."[1]

Мифология в последнее время освободилась от вселенского владычества солнца, но только для того, чтобы перейти под власть богов растительности, будь то растительная жизнь в целом или дух кукурузы и дух дуба в частности. На то, что мистер Фрейзер говорит о Макробииусе, Макробииус ответил бы мистеру Фрейзеру так:

Согласно ему, Марс был богом растительности, Сатурн был богом растительности (посева), таким же был Зевс, а также Гера, и так далее по большей части Пантеона. Поэтому было естественно, что он отождествил Осириса с богом растительности — и мистер Фрейзер так и делает".

Я далек от мысли утверждать, что мистер Фрейзер неправ, когда его боги - боги растительности, или даже что Макробий неправ, когда его боги - боги солнца. Мне кажется, что когда бог прочно завоевал общественное расположение, публика могла бы принять его как бога того-то и того-то аспекта или явления природы.

Тем не менее, новая школа мифологии усердно использует растительный элемент в мифологии; почти так же усердно, как раньше обрабатывался солнечный элемент. Афродита, как спутница Адониса, связывается с растительной жизнью.[2] так же Аттис с Кибелы, так Бальдр,[3] так же как и смерть,[4] так же Диониса[5] с несомненным приличия; так же Еabanі, так же, Гильгамеш, так же Амана, так же и Гера,[6] так же с Деметры Иасион,[7] так же "ИГ",[8] так же как и Джек-в-зеленом, так и Купало,[9] так что Линус и Литиерс,[10] так же Mamurius Veturius,[11] так же Меродах или Мардук (если он представляет Еabanі или Гильгамеше), так же Марс[12] так же Осирис[13] так, я думаю, не Семирамидой,[14] так же Таммуз, так же Virbicus,[15] так же Зевса, наверное;[16] так же великое множество скота, кошек, лошадей, быков, коз, Петухов, много других зверей.

Солярные мифологи не щадили таких героев, как Ахилл; они тоже были солнцем. Но овощная школа, школа мифологов Ковент-Гардена, смешивает реальных людей с растительностью. Иисус Христос получил свою божественность, или часть ее, как мы видели, от длинного ряда преступников, которые были повешены частично как короли, частично как боги растительности. Я не чувствую абсолютной уверенности в том, что Иуда Искарот во время своих ежегодных сожжений в виде чучела избежал вселенской гибели не больше, чем уродливый изуродованный человек, которого избили плетьюми в древней Аттике. Но неожиданным человеком, оказавшимся представителем бога растительности, оказался жрец роци Дианы близ Арисии. Он известен всем по знакомому стиху Маколея —

Эти деревья, в темной тени которых
царит ужасный священник,
Священник, который убил убийцу,
И сам будет убит.

Почему, в сущности, спрашивает мистер Фрейзер, священнику из рощи Дианы близ Арисии пришлось убить своего предшественника, который, в свою очередь, был убит от рук нового конкурента на этот пост? Во-первых, давайте спросим, что мы знаем об этом ужасном священнике. Давайте начнем со свидетельств Вергилия в Шестой книге "Энеиды" (строка 136 и так далее). Вергилий ничего не говорит ни об ужасном священнике, ни, в данном месте, ни о Диане, ни о роще близ Арисии. Вергилий, действительно, много рассказывает нам о ветке дерева, золотой ветви, но что касается единственного священника, то ничего. Но примерно через четыреста лет после появления Вергилия (скажем, в 370 году н.э.) комментатор Вергилия Сервий пытается проиллюстрировать отрывок, процитированный из "Энеиды". Он, очевидно, ничего не знает о мистической золотой ветви Вергилия, но он сообщает нам, что в его время "общественное мнение" (*publico, opinio*) поместило место обитания ветви Вергилия в роще, где обитал ужасный священник, недалеко от Ариции. На самом деле неизвестно, изобрел ли Вергилий свою ветку с ее необычными свойствами или позаимствовал ее из своего богатого запаса знаний антиквара. Возможно, это было фольклорное поверье, вроде "Золотого Рамо" из сказки мадам д'Ольнуа. Ветвь Вергилия, как мы увидим, имеет один общий фольклорный атрибут с мистическим мечом в цикле романов об Артуре и в саге о Вельсунгах. Я думаю, что мистер Фрейзер не смог прокомментировать этот момент. Если я осмелюсь высказать предположение относительно ветви Вергилия, то в древности просители обращались к богам или царям с ветками в руках. У Вергилия тот, кто хотел приблизиться к Прозерпине, нес ветку из чистого золота, которую, как будет показано, мог получить только избранный и предначертанный проситель.

За четыре столетия, прошедшие между Вергилием и Сервием, значение и источник золотой ветви Вергилия были забыты. Но люди, и сам Сервий, знали о другой ветви, недалеко от Ариции, и обнаружили (предположительно?) Золотую ветвь Вергилия в этом районе. Итак, Сервий в своем комментарии к "Энеиде", в манере комментаторов всех веков, много говорит о ветвях определенного дерева в определенной роще, о которых Вергилий ничего не упоминает. Вергилий, как мы увидим, писал о золотой ветви весьма своеобразного характера. Зная, как и общественное мнение своего времени, кое-что о совершенно других ветвях и ничего о ветви Вергилия, Сервий сообщает нам, что в роще Дианы в Ариции росло дерево, с которого было незаконно (*non licebat*) ломать сук. Однако, если бы какой-нибудь беглый раб смог сломать ветку с этого дерева, он мог бы сразиться со священником и в случае успеха занять его должность. По мнению Сервия, храм был основан Орестом в честь варварки Дианы Херсонесской, откуда он бежал после убийства. Что Диана принимала человеческие жертвоприношения от всех незнакомцев, высаживавшихся на ее берегах. Сервий полагает, что обряд человеческого жертвоприношения был заменен в Италии поединком между священником и беглым рабом, поскольку Орест сам был беглецом. Процесс заключается в том, что сначала греческий странник на варварском побережье подвергается опасности быть принесенным в жертву, как и все чужеземцы, местной богине. Этот обряд был формой *ксенелазии*, закона против иммигрантов. Сравните Китай, Трансвааль, агитацию против нищих иммигрантов. Избежав принесения в жертву и убив короля в недружественной стране, Орест

летит в Италию и умиротворяет жестокую Диану, воздвигнув ее храм в Арисии. Но вместо того, чтобы приносить в жертву иммигрантов, он или его преемники устраивают дуэль между священником и любым другим беглым рабом. Почему? Ибо жрец жестокой Дианы не привык, чтобы его приносили в жертву, и к тому же он не был беглым рабом. Затем Сервий, не замечая этого, переходит к аллегоризирующей интерпретации *ветви* Вергилия, столь же бесполезной, как и все подобные интерпретации.

История об Оресте представляется мне поздним "этиологическим мифом", историей, придуманной для объяснения убийства убийцы, чего она не делает; короче говоря, это гипотеза. Жречество открыто не для людей, преследующих кровную месть, как Орест, а только для беглых рабов. Обычай, введенный Орестом, заключался в принесении в жертву чужеземцев, а не священников. У Павсания в этой истории есть *дублет*.^[17] Согласно Павсанию, Ипполит воскрес из мертвых, и, ненавидя своего отца и будучи беглецом, он отправился и воцарился в арисийской роще богини.

Очевидно, по этим причинам Стаций называет арийскую рощу "*profugis regibus aptum*", святилищем принцев-изгнанников Ореста и Ипполита.^[18] От Светония мы узнаем, что ужасного священника звали *Рекс Неморенсис*, Лесной царь, и что завистливый Калигула, решив, что священник достаточно долго занимал свой пост, подослал другого атлета убить его.^[19] Титул "король", который носит священник, предполагает, конечно, жертвенного короля в Борне. Также мистер Фрейзер приводит африканских королей огня и воды, которым приписывают чудесную власть над стихиями. Они никого не убивают, и никто не убивает их. Тогда у нас есть Джек-в-Зелени = Майское дерево = Дух Растительности = Майский *Король* и Майская *Королева*. "Эти названия, - как замечает Маннхардт, - подразумевают, что дух, воплощенный в растительности, является правителем, чья творческая сила простирается далеко и широко". Возможно, так. Итак, Лесной Царь, ужасный жрец, жил в роще Дианы, которая (помимо всего прочего) обладает атрибутами древесного духа. "Не мог ли тогда Царь Леса в арисийской роще быть, подобно Царю Мая... воплощением духа дерева или духа растительности?" Учитывая женский дух дерева, мы скорее должны ожидать, что это будет *Королева* Леса; и мы, конечно же, не ожидаем, что жрец Дианы будет представлять верховного арийского бога, более того, воплотит его. Но мистер Фрейзер считает это вероятным.^[20] Опять же, "поскольку напасть на Лесного Короля мог только тот, кто сорвал золотую ветвь, его жизнь была в безопасности до тех пор, пока ветка или дерево, на котором она росла, оставалось невредимым".^[21]

Здесь мы отмечаем ловкость метода мистера Фрейзера. В томе i. 4 он сказал: "Традиция утверждает, что роковая ветвь" (в роще близ Ариции) "была той золотой веткой, которую по велению Сивиллы сорвал Эней, прежде чем отправиться в опасное путешествие в мир мертвых". Но я попытался показать, что, согласно Сервию, это отождествление двух абсолютно разных ветвей, ни похожих, ни одинаково расположенных, было предположением "общественного мнения" в эпоху, отделенную от даты Вергилия четырьмя сотнями лет.

В промежутке между томами i. 4 и i. 231 "утверждение традиции", как называет это мистер Фрейзер, вывод любопытных, как я полагаю, о том, что золотая ветвь Вергилия и арийская ветвь были идентичны, стало для мистера Фрейзера фактом. "Поскольку на Лесного Короля мог напасть только тот, кто сорвал Золотую Ветвь", - говорит он; и вот что следует далее.^[22]

Но кто рассказал нам что-нибудь о том, как беглый раб сломал *золотую* ветвь недалеко от Арисии? Никто, насколько мне известно, не упоминал об этом обстоятельстве. По прошествии четырехсот лет золотая ветвь Вергилия связывается Сервием только с лесом в Ариции, потому что Сервий и общественное мнение его времени знали о тамошней ветке и ничего не знали о золотой ветви Вергилия.

Эта ветка - надежный пропуск в Ад. Она священна не для духа дерева по имени Диана, а для Инфернальной Юноны или Прозерпины. Его не может сломать беглый раб или кто-либо другой; нет, его также нельзя разрезать железным лезвием. Никто, кроме того, кого призовет Судьба, не может сломать его. Она поддается от прикосновения предопределенного человека, и на ее месте мгновенно вырастает другая золотая ветвь.

*Ipse volens facilisque sequetur,
Si te fata vocant.
Primo avulso non deficit alter
Aureus.*

Таким образом, ветвь Вергилия соответствует волшебному мечу, вделанному в камень в легендах об Артуре, в ствол дерева в саге о Вельсунгах, как напоминает мне мистер Х. С. О. Эверард. Все рыцари могут тщетно тянуться за мечом, но ты можешь легко обнажить его, *si te fata vocant*, если ты предопределенный король, если ты Артур или Зигмунд. Когда Эней несет *эту* ветку, Харон узнает старый знакомый паспорт. Другие живые люди, благодаря силе этого талисмана, уже вошли в страну мертвых.

*Ille admirans venerabile donum
Fatalis virgæ, longo nunc tempore visum.*

Я собрал все эти необычные атрибуты ветви Вергилия (возможно, по происхождению ветви просителя), потому что, насколько я заметил, мистер Фрейзер не придает особого значения многим особенностям, которые отличают ветку Вергилия от любой другой случайной ветви дерева в Арисии и связывают ее с мистическим мечом. Я думаю, "широкому читателю" (который редко знает латынь) необходимо точно сказать, что такое "ветвь" Вергилия. Ничто не может быть более непохожим на ветвь, любую доступную ветвь арийского дерева, чем золотая ветвь Вергилия. Она растет не в Ариции. Она золотая. Он не связан с духом дерева, но дорог Прозерпине. (Я, конечно, легко вижу, что Прозерпину можно отождествлять с духом дерева.)^[23] Беглые рабы не должны срывать ветку Вирджила. Это не вызов, а талисманый пропуск в Аид, распознанный Хароном, который так долго не видел ни одного экземпляра. За ней немедленно следует, если ее сорвать, другая золотая ветвь, которой арийский прутик не является. Так что я действительно не понимаю, как мистер Фрейзер может отождествлять золотую ветвь Вирджила с обычной веткой дерева в Арисии, которую мог сломать любой, хотя в этом были заинтересованы только беглые рабы крепкого телосложения.

Еще меньше я думаю, что Вергилий хотел отождествить свою золотую ветвь с омелой. Он делает обратное: в поэтическом сравнении он сравнивает свою ветку с омелой. Поэт не сравнивает вещь с самой собой!^[24] Г—н Фрейзер цитирует валлийское название омелы—*pren puraur*, *дерево для омелы*. В некоторых местах омелу также используют для изготовления жезлов для

гадания, которые могут быть использованы охотниками за золотом. Какая древесина *не* используется таким образом?[25] Как и другие волшебные растения, омелу собирают в дни солнцестояния, когда, по легенде, семена папоротника воспламеняются. Не должна ли золотая ветвь, как и золотое семя папоротника, быть эманацией солнечного огня? Более древние солярные мифологи в этом не сомневались.[26]

Тогда я должен признать, что в настоящее время я не могу согласиться с отождествлением золотой ветви у Вергилия с любой веткой на определенном дереве в Арисии, какой вам заблагорассудится. Я также не знаю никаких исторических свидетельств того, что тамошняя роща была дубовой рощей, или дерево - дубом, или что ветка, которую нужно было сорвать, была веткой омелы, или что любая ветка для беглого раба была не так хороша, как другая.

То, что золотой ветвью Вергилия была омела, что деревом в Арисии был дуб, что веткой, которую должен был сорвать человек, претендующий стать ужасным священником, была омела, кажется (если я точно следую за м-ром Фрейзером), весьма необходимым для успешного решения его проблемы, которую он в конце концов выдвигает. В своем путешествии он опирается на эддайский миф о Бальдре, который я не считаю очень ранним мифом; но по этому вопросу среди скандинавских специалистов наблюдается большой разбор сердец. "Сейчас никто, - пишет мне один скандинавский ученый, - не относит ни одну из поэм Эдды ранее 900 года нашей эры, и большинство из них, если не все, вероятно, датированы более поздним периодом. Мы даже не знаем, были ли они сочинены христианами или язычниками, поскольку исландцы никогда не теряли своего интереса к древней мифологии. Никогда не было достаточно замечено, что эти стихи ни в каком смысле не являются *религиозными*; все, что волновало их поэтов, - это история. Я очень сомневаюсь, что когда-либо будет возможно сказать, откуда взялись эти истории: вероятно, они представляют собой сплав нескольких совершенно разных ветвей легенд, языческих и христианских. Авторы Саг практически ничего не знали о древнем языческом культе, и Бальдру, возможно, вообще никогда не поклонялись, а если и поклонялись, то довольно безнадежно гадать, в каком качестве.

Таково мнение мистера У. А. Крейги, чьи труды о кельто-скандинавских связях в мифологической литературе Севера знакомы студентам. Мы возвращаемся к тому, как мистер Фрейзер отнесся к истории с Болдером.

В "Эдде" говорится, что Бальдру приснилась смерть. Богиня заставила все в природе поклясться не причинять ему вреда, кроме омелы, которую она считала слишком юной, чтобы понять природу клятвы! Локи узнал об этом, сорвал растение и, когда боги швыряли в Бальдра разные предметы, попросил слепого Хедура бросить омелу. Оно пронзило Бальдра и убило его, и его похороны были такого рода, которые, возможно, использовались, а возможно, и нет, до периода захоронения в "хоуз" или берроузе. Мертвое тело Балдера было сожжено на борту его корабля, "самого огромного из всех кораблей".[27] У меня сложилось впечатление, что это была обычная форма приращения у викингов, но мистер Крейги считает, что она полностью исчезла до исторического периода. В легендарный период он помнит только один случай из Саги об инглингах.[28] Король Хаки, будучи смертельно ранен, приказал завалить свой корабль телами и оружием убитых; на борту был устроен и зажжен погребальный костер, и тело Хаки было вынесено в море на пылающем судне. "Эта штука была известна еще долгое время спустя". История может быть позаимствована из истории Бальдра, а история Бальдра - из истории короля Хаки.

В любом случае Бальдра не принесли в жертву, а кремировали, и "огромный корабль", конечно, является идеей поздних викингов, идеей, противоположной примитивной. Мистер Фрейзер, однако, продолжает, очевидно, предполагая, что в первоначальной форме мифа Бальдра принесли в жертву теории о неких религиозных или ритуальных кострах, которые сохранились в фольклоре. Эти костры разжигаются крестьянами в разное время года, но наиболее известны в середине лета, когда делается вид, что сжигают человека, и это в сезон, когда омелу собирают как волшебную целебную траву, а не как орудие смерти. Похоже, он думает, что Бальдер был духом дуба, что человеческие жертвы, олицетворяющие дуб и Бальдра, издревле периодически приносились в жертву, и что люди считали, что дуб нельзя повредить топорами до того, как сорвут омелу (в которой, как они думали, заключалась его жизнь). К несчастью, я не вижу никаких доказательств того, что люди когда-либо придерживались этого мнения, а именно, что дуб был неуязвим, пока не сорвали омелу.[29]

Мистер Фрейзер говорит: "Омела считалась средоточием жизни дуба, и пока она была цела, ничто не могло убить или даже ранить дуб". Он показывает, как могла возникнуть эта идея. "Дуб, как могли подумать люди, был неуязвим", пока омела оставалась нетронутой.[30] Но так ли думали люди? Плиний много говорит о друидическом сборе омелы, которую на дубах "очень редко можно встретить". Я полагаю, друиды никогда не замечали, что дубы в целом, фактически подавляющее большинство, жили очень хорошо, вообще не имея никакого средоточия жизни (омелы). Не замечая этого очевидного факта, они, по-видимому, посчитали, что дуб с омелой на нем нельзя срубить, пока омела не будет удалена. Возможно, они никогда и не пытались. Плиний не говорит, что когда Друид взобрался на дерево и сорвал омелу, он в следующий раз срубил дерево.[31] Представляется желательным доказать, что люди думали, что жизнь дуба кроется в омеле (которую они могли собирать, не причиняя вреда дубу), прежде чем мы начнем строить другую теорию на основе нашей теории о том, что они действительно придерживались этого мнения.[32]

Эту новую теорию мистер Фрейзер пытается возвести на основе первой теории. Теория, вкратце, сводится к следующему: поскольку Бальдер был духом дуба и был принесен в жертву (чему я не вижу доказательств), то и человеческие существа, представляющие Бальдра и дуб, были принесены в жертву, чтобы оживить растительность. Омела, убившая Бальдра, была вместилищем душ как Бальдра, так и дуба, а также человеческих жертв, которые ежегодно олицетворяли дуб и Бальдра.

Обо всем этом можно было бы сказать многое. Убийство "божественных королей" Балдера и других,[33] мне кажется, как я уже говорил, в большинстве случаев это просто грубая форма выплаты пенсии по выслуге лет. Мы не убиваем главнокомандующего или старого профессора; мы отправляем их на пенсию. Но отправить на пенсию короля не так-то просто. Я думаю, что большинство приведенных случаев означают уход по выслуге лет или недовольство правителем, а не магическую церемонию по улучшению растительности. Цареубийство является или было обычным явлением. Биррел (1560-1605) говорит: "В этом Королевстве Шотландии было двое, сто и пять королей, в килке было убито пятьдесят мужчин", которых часто сменяли их убийцы, такие как ужасный священник. Я не уверен, что ужасный жрец олицетворял растительность и перенес испытание дуэлью в качестве замены ежегодного жертвоприношения, хотя в случае с царем Каликута есть своего рода параллель. Но то, что современных ряженных предадут смерти в ходе пародийной церемонии (как утверждает мистер

Фрейзер, для оживления растительности), подтверждается множеством фольклорных свидетельств.[34]

Если мы допустим (что, я думаю, далеко не неизбежно), что ужасный священник когда-то был чем-то вроде Майского короля, периодически убиваемого, и был аналогом Бальдра и олицетворял жизнь дуба, нам предлагается предположить, что дерево в Арисии тоже было дубом, что единственной веткой на нем, которую сорвал потенциальный преемник, была омела, и что омела была вместилищем души дерева и ужасного священника, которого легче было убить, когда его вместилище жизни (омела) было закрыто. поврежден.[35]

Вряд ли в этой цепи рассуждений есть звено, которое мне кажется прочным. Я не вижу, чтобы Бальдр в "Эдде" был принесен в жертву. Я не вижу, чтобы омела была его шкатулкой для души. Я полагаю, что использование столь слабого оружия для его убийства аналогично убийству неуязвимого героя в североамериканских мифах оружием из камыша: пример народной симпатии к слабости, которая побеждает силу. Я не нахожу никаких свидетельств того, что омела когда-либо считалась вместилищем души дуба; ничего, что доказывало бы, что дерево в Арисии было дубом; ничего, что указывало бы на то, что сорванная ветвь была золотой у Вергилия, и ничего, что указывало бы на то, что ветвью Вергилия была омела. Чтобы прийти к решению мистера Фрейзера — что ужасный священник был воплощенным духом растительности, убитым после срывания омелы, чтобы его сменила более сильная душа, более способная увеличивать жизнь растительности, — мы должны пересечь по крайней мере шесть "легких мостов" гипотез, "построенных для соединения разрозненных фактов".[36] Для меня эти гипотезы больше похожи на кажущиеся твердыми пятна в торфяном болоте, на которых тот, кто выходит, попадает в трясину. Я чувствую себя "осторожным исследователем" мистера Фрейзера, который "вырос на краю какой-то зияющей пропасти".[37]

Я должен сам предложить гипотезу. При этом я ограничусь (ограничение не является ненаучным) известными фактами проблемы. В роще Дианы (богини с множеством различных атрибутов) был жрец, о котором мы ничего не знаем, кроме того, что он был (1) беглым рабом, (2) назывался Королем Рощи, (3) мог быть убит и ему наследовал любой другой беглый раб, (4) сломавший сук дерева, защищать которое, как известно, было единственной обязанностью жреца. Это все установленные факты.

Почему священник должен был быть беглым рабом? мистер Фрейзер говорит: "Он должен был быть беглым рабом в память о бегстве Ореста, традиционного основателя культа"[38] Но *греческая история Ореста и ее дублет* относительно Ипполита - это всего лишь этиологические мифы, причудливые "причины почему", связанные с *латинским* употреблением. Ни Орест, ни Ипполит не были рабами, как тот ужасный священник. История об Оресте, беглеце, вытекает из обычая Ариции и не объясняет этот обычай. Мистер Фрейзер, я полагаю, признает это, но думает, что ужасный священник, возможно, когда-то мог бы спастись, став беглецом. Но почему рабом? Если позволите догадаться, я бы рискнул предположить, что роща близ Арисии, возможно, была убежищем для беглецов, как, по их словам, изначально был Борн. Такие святилища есть в Центральной Австралии.

Здесь, к счастью, сам мистер Фрейзер приводит мне именно те примеры, которых требует моя гипотеза. Он цитирует "Самоа" мистера Тернера для обозначения деревьев, которые были убежищами для беглецов. Эти полезные примеры приведены не в "Золотой ветви", а в эссе "Происхождение тотемизма".[39]

"На Уполу, одном из островов Самоа, некий бог Вейв поселился на старом дереве, которое служило убежищем для убийц и других преступников, приговоренных к смертной казни".

Из книги мистера Тернера "Девятнадцать лет в Полинезии" (стр. 285) я заключаю, что смертная казнь применялась за кровную месть. В своем "Самоа" мистер Тернер пишет о деревьях, которые были святилищами:

- Если преступник добрался до этого дерева, он был в безопасности, и мстителю за кровь не оставалось ничего другого, как ждать расследования и суда. Говорят, что когда-то на этом месте жил король племени Уполу по имени Атуа. После его смерти дом пришел в упадок, но дерево было установлено как символ ушедшего короля, и из уважения к его памяти оно заменило живого королевского защитника. Оно называлось *о ле аси пулу тангата*, "дерево аси, прибежище людей". Это напоминает мне то, что я однажды услышал от уроженца другого острова. Он сказал, что когда-то они десять лет были без короля, и им так хотелось иметь какую-нибудь замену для защиты, что они остановились на большом дереве О'а (*Bischoffia Javanica*) и сделали его представителем короля и убежищем для вора или убийцы, когда пострадавшие преследуют их в пылу мести.^[40]

По-видимому, существовало три дерева-святилища: на одном обитал бог Вейв; одно почиталось в память о короле; и одно выполняло обязанности своего рода главы-фигуры или представителя короля.

Если мое предположение о том, что дерево в арисийской роще когда-то было святилищем или убежищем для беглецов, включая беглых рабов, правдоподобно, я, конечно, не могу строить догадок о причине его защитной святости. Возможно, это была одна из трех самоанских причин (о которых никто из нас не смог бы правильно догадаться), или же возник какой-то другой мотив. Беглый раб, конечно, не ожидал суда и шанса на оправдание. По обычаю, он должен был вернуться к нежной милости своего хозяина или продолжать жить под деревом.

Но неограниченное количество беглых рабов было неудобным соседом для Арисии. Следовательно (это физически возможно, но я не придаю этому особого значения) убежище, наконец, было ограничено одним беглым рабом за раз. Это не было похоже на лес из индийской басни, населенный "миллионами отшельников", которые вряд ли были очень уединенными отшельниками. Любой беглый раб, нашедший убежище, должен был убить предыдущего обитателя и лишить его собственности. Убежище было только для одного за раз. Большее количество рабов было бы крайне неудобно. В любом случае единственной обязанностью ужасного священника (насколько нам известно) было выступать в качестве *защитника* одного определенного дерева. Почему именно это дерево, мы не знаем и не можем знать. Я не одобряю план сэра Альфреда Лайалла предлагать единичные решения, возникающие в результате какой-то возможной исторической случайности в скрытом прошлом, когда проблема, требующая решения, является практикой широкого распространения. Причины, в таких широко распространенных случаях, не могут рассматриваться просто как причуды или повторяющиеся несчастные случаи. Но эта история с деревом и его неприкосновенными ветвями является изолированной, если только мы не рассматриваем дерево как табу или дерево-святилище, которым оно могло быть по многим причинам, как на Самоа, возможно, потому, что оно было резиденцией древесного духа. Во всяком случае, единственной известной обязанностью священника было охранять дерево.

Тогда почему его будущий преемник сломал сук перед боем? Очевидно, как вызов, а также как предупреждение. Действующий священник должен был "устроить честное представление"; ему должен был быть дан какой-то "закон". Когда он находил сломанную ветку, любую ветку, он оказывался в положении пиратского капитана, на которого пало "черное пятно".[41] Он был в положении короля Эйоса, которому подарили яйца попугаев, означавшие, что "ему пора уходить".[42] Если ветвью была омела, и если беглый раб, подобно друидам у Плиния,[43] должен был карабкаться за ней, то ужасный священник "оказывал ему помощь". У священника были любые шансы, он мог "посадить дерево" на своего человека или срубить его, когда тот спускался. Однако наши власти не сообщают нам ни о какой конкретной ветке, а тем более об омеле. Позвольте мне добавить, что, если бы веткой была омела, священное дерево нужно было бы менять каждый раз (о чем мы ничего не слышим), поскольку это не тот случай, когда

Uno avulso non deficit alter

с омелой.

Тогда была сломана ветка в качестве насмешки, вызова и предупреждения. "Ты не можешь сохранить свое старое дерево, освободи место для человека получше!" Таков дух нашего бизнеса. Беглец, которого использовали как жреца рощи, был убит, когда появился лучший человек, не для того, чтобы новая душа могла оживить растительность, а просто потому, что для охраны запретного дерева требовался лучший из возможных людей.

Священный характер беглого боевого раба, на мой взгляд, не слишком ярко выражен.[44] Мы не знаем, что он когда-либо приносил жертвы. Дамы, желавшие стать матерями, действительно посещали святилище,[45] поскольку эта Диана была богиней, подобной Люцине, руководящей рождением. Я не отрицаю, что священник мог творить для них чудеса (подобно индийским лесным мудрецам, которые творят чудеса для бездетных раджей). Но его единственная известная обязанность - охранять дерево - не соответствовала большому вниманию к этой ветви его священного призвания. "Он бродил с обнаженным мечом, всегда начеку".[46] Вот и все!

В этой теории нам не нужно выдумывать ни единого факта или вводить ни единого убеждения там, где мы не знаем, что оно существовало. Святилища или асилы действительно существовали, мы приводили примеры деревьев-убежищ, и это дерево было убежищем только для одного беглого раба за раз: он не мог убежать в бург, как в нашем старом и более милосердном законе. Если он хотел получить должность ужасного священника, он должен был бороться за нее:

Парни, вам придется повоевать
, Прежде чем садиться за руль.

Перед боем он должен был пробиться сквозь охрану священника и сломать ветку дерева, которое тот защищал, причем этот поступок был как предупреждением, так и вызовом. Эта гипотеза не вводит никаких неизвестных и недоказанных фактов, а сводит воедино все известные факты. Титул "Король рощи" может означать не больше, чем титул "Северного петуха"; или это может быть жреческий титул, но даже в этом случае не обязательно подразумевать, что беглый раб воплощал дух правления овощного отдела.

Мне были представлены возражения против моей догадки. Во-первых, если я прав, где санкция обычая, о котором я предполагаю? Ну, а где же санкция самоанских обычаев? Они опирались (1) на резиденцию бога на дереве, (2) на уважение к царю, жившему рядом с деревом, (3) на юридическую фикцию. Святилища Арунты *Эртнатулунга* получили свое одобрение благодарякладам *чуринга*, священным предметам, о которых до недавнего времени мы ничего не знали.^[47] Очевидно, я не могу сказать, какая из многих мыслимых и немыслимых первобытных причин дала разрешение на убежище на дереве в Арисии. Однажды установленный обычай сделал остальное. Дерево было убежищем для одного беглого раба, а затем и для другого, который мог его убить.

Во-вторых, считается, что мое предположение игнорирует многие другие аналогии мистера Фрейзера из фольклора. Какие аналогии? Где еще мы найдем беглого раба-священника, который исполнял свои священные обязанности с помощью *кокосовой койры на глефе*, Восьмерки Мечей? Я не знаком ни с одним другим примером. Как я уже показал, убитые короли (признающие, что арийский беглец был *царем*) убиты по множеству причин, и никогда не показано, что они были убиты, чтобы обеспечить растительному божеству более прочное транспортное средство; в то время как о королях, которые, как говорят, воплощали божество, никогда не говорится, что они были убиты по религиозным причинам. Если бы дело обстояло наоборот, то арийский беглец, ужасный священник, мог бы воспользоваться этими аналогиями. Я надеюсь, что моя голая прозаическая теория, какой бы жалкой она ни была, обладает характеристиками научной гипотезы. Но, как и моя догадка относительно истинной причины смерти сакской жертвы, эта попытка объяснить служение ужасного священника - всего лишь предположение. Это дело настолько необычно, что у него может быть отдельная причина в каком-нибудь забытом событии. Я не помню другого классического примера священника, в обязанности которого входило бы постоянное наблюдение за единственным священным деревом, что требовало неусыпного внимания, несовместимого со многими другими священническими обязанностями: должность настолько незавидная, что только беглый раб, вероятно, стал бы заботиться о своих обязанностях и привилегиях. Естественно, он не знал, что был "воплощением верховного арийского бога, чья жизнь заключалась в омеле, или золотой ветви". И, поскольку он не знал, он не мог "гордиться этим титулом".

[1] G. B. ii. 147.

[2] G. B. iii. 166.

[3] G. B. iii. 346.

[4] G. B. ii. 95.

[5] G. B. ii. 160.

[6] G. B. i. 227.

[7] G. B. ii. 217.

[8] G. B. ii. 145.

[9] G. B. ii. 129.

[10] G. B. ii. 253; ii. 250.

[11] G. B. ii. 123.

[12] G. B. iii. 122.

[13] G. B. iii. 127.

[14] G. B. iii. 163.

[15] G. B. iii. 456.

[16] G. B. iii. 456, 457.

[17] Павсаний, ii. xxvii. 4.

[18] *Сильве*, iii. i. 55.

[19] *Калигула*, 35.

[20] G. B. iii. 457.

[21] G. B.. i. 231.

[22] G. B.. i. 231.

[23] Кто или что может избежать превращения в духа дерева, если таковым является Зевс? Мистер Фрейзер считает, что дикарь должен рассматривать все деревья, используемые для разведения огня, как источники скрытого огня. "Не могло ли это, - спрашивает он, - быть источником имени "Светлый или Сияющий Единый" (Зевс, Юпитер [Дьяус]), которым древние греки и итальянцы обозначали своего верховного Бога? По крайней мере, весьма знаменательно, что как у греков, так и у итальянцев дуб должен был быть деревом верховного Бога..." — iii. 457. Зевс, как Нум и бесчисленное множество других, также был богом неба. Небо яркое и сияющее, дуб - наоборот. Мы не думаем, что дикарь назвал бы дуб или спичечный коробок "яркими", даже если в них действительно есть семена огня.

[24] G. B.. iii. 449; *Æn.* vi. 203, и далее.

[25] Смотрите две работы профессора Барретта о "так называемом жезле предсказания" в *Трудах Общества психических исследований*.

[26] G. B. iii. 454.

[27] G. B. iii. 236-237.

[28] с. 27.

[29] Мистер Фрейзер замечает, что Плиний вывел слово "друид" из греческого *drūs*, дуб. "Он не знал, что кельтское слово, обозначающее дуб, было тем же самым, *daur*, и что, следовательно, "Друид" в значении "жрец дуба" было подлинно кельтским, а не заимствованным из греческого". Наряду с другими источниками м-р Фрейзер цитирует книгу Дж. Риса "*Кельтское язычество*", стр. 221 и последующие. Директор Рис сообщает мне, что он склонен думать, что

слово "друид" имеет то же происхождение, что и кельтское слово, обозначающее дуб. Мистер Стоукс, похоже, думает иначе и интерпретирует *dru* как эквивалент слова "истина", а слово "друид" переводит как "прорицатель", против чего директор Рис видит фонетические возражения. Сам он видит трудность обеих теорий в том, что они делают слово "друид" арийским, тогда как все друидическое дело может быть неарийским и "аборигенным", пиктским, или как нам больше нравится это называть.

[30] G. B. iii. 350.

[31] G. B. iii. 327.

[32] История омель как "символа жизни" Хейз из Эррола (iii. 449), похоже, основана на недавнем отрывке стихотворения, вырезанном из газеты с неизвестным названием и датой. Я подозреваю, что это из-под пера (около 1822 г.) "Джона Собески Столберга Стюарта", псевдонима Джона Хэя Аллана, автора других апокрифических стихотворений о Хейз из Эррола и их генеалогии.

[33] G. B. iii. 1-59.

[34] G. B. ii. 59-67.

[35] G. B. iii. 450.

[36] G. B. i. xv.

[37] G. B. i. xx.

[38] G. B. ii. 67.

[39] *Двухнедельное обозрение*, апрель 1899 г., стр. 652.

[40] Тернер, *Самоа*, стр. 64, далее.

[41] См. *"Остров сокровищ"*.

[42] G. B. ii. 13.

[43] G. B. iii. 327.

[44] Сравнить i. 232.

[45] G. B. i. 5.

[46] Страбон, v. 3, 12.

[47] Спенсер и Гиллен, стр. 134-135.

РЕЛИГИЯ ЮЖНОЙ АФРИКИ

Предварительная гипотеза, с помощью которой я пытаюсь объяснить ранние стадии религии, может быть изложена словами критика, мистера Хартленда. "Очевидно, утверждается, что вера в высшее существо возникла каким-то образом, о котором можно только догадываться, первой в порядке эволюции, а впоследствии была затемнена и перекрыта верой в призраков и в пантеон меньших божеств".^[1] Я пришел к этим выводам, во-первых, наблюдая за сообщениями о вере в относительно высшее существо и создателя среди племен, которые не поклоняются духам предков (австралийцы и андаманцы), и, во-вторых, отметив незначительное верховное существо, которому часто приписывают будущие награды и наказания, среди политеистов и сторонников предков. поклоняющихся людей слишком много для подробного упоминания. Я предположил, что высшее существо среди этих рас, в некоторых случаях являющееся лишь тенью детской сказки, является смутным пережитком такого явления, как андаманский пулуга или австралийский байаме.

Признавая достоверность доказательств, гипотеза, по-видимому, сопоставляет факты. До поклонения призракам существовало творческое существо (не дух, просто существо). Там, где поклоняются призракам и развиты духовные божества политеизма, которым поклоняются, все еще существует непокоренный создатель, пребывающий в различной степени покоя и пренебрежения. То, что вера в него "пришла каким-то образом, о чем можно только догадываться", достаточно верно. Но если у меня должна быть гипотеза, подобная моим соседям, я предположил, что древний человек, ищущий происхождение вещей, легко воспринял идею создателя, обычно нерожденного человека, который был до смерти и все еще существует. Связанное это существо кристаллизовало привязанность, страх и чувство долга; оно одобряет мораль и замечательное сопротивление древнего человека космическим тенденциям: его представление о бескорыстии. То, что человек так рано осознал себя создателем и отцом, кажется мне весьма вероятным; для моих критиков это трудность. Но один из местных информаторов доктора Каллауэя замечает: "Когда мы спросили: "Из чего было создано солнце?" - они ответили: "Из Умвелинканги". Потому что мы часто спрашивали, когда были маленькими, думая, что старики все знают.^[2] О чем естественно спрашивает ребенок-дикарь, возможно, размышляли его еще более дикие предки. Никакие предположения не кажутся более неизбежными.

Как только человек стал разумным существом, он, должно быть, задался вопросом о происхождении; обычно у него есть два ответа: сотворение, полное или частичное, и эволюция. Как и Топси, он "говорит, что все выросло", когда не догадывается, что все было кем-то сделано. Поскольку тотемизм религиозен, он принимает ответ эволюции: люди произошли от низших типов, животных и растений, их тотемов. Но к ним не всегда относятся с *религиозным* почтением, как иногда к таким творческим существам и отцам, как Байаме. Во многих случаях, как я продолжал говорить, у дикого творческого существа есть заместитель, часто демиург, который осуществляет власть. Там, где это так и где поклонение предкам является действующей религией, заместителя легко представить как первого человека, нерожденного от человеческих родителей, создателя вещей или многих других вещей и культурного героя. Мистер Тайлор говорит: "В мифологии Камчатки отношения между Создателем и первым человеком связаны не личностью, а происхождением". Ясно, что пропорционально исключительному преобладанию

поклонения предкам в качестве рабочей религии идея Создателя может быть стерта, и первый человек может отождествляться с ним. Из этого не следует, что идея творения была полностью утрачена. Первому человеку можно приписать подвиг творения. М-р Тайлор отмечает, что "эти последовательные поклонники гривы, зулусы, первого человека, Ункулункулу, отождествляют с Создателем".[3]

Заявление мистера Тайлора, конечно, предполагает мнение о том, что идея творения присутствует в сознании зулусов. Ункулункулу создавал вещи, как это делали Байаме, Пулуга и другие существа. Подобно им, он не дух, а увеличенный неестественный человек. В отличие от них, он подвергается конкуренции призраков предков, чем более поздних, тем лучше, в получении молитв и жертвоприношений. Не имея особого дома, который называл бы его своим предком, и находясь очень далеко, многие зулусы сейчас считают его мертвым. Его имя - это басня, как и имя Атахокана, придуманная, чтобы позабавить или отвлечь детей; им говорят обращаться к Ункулункулу, когда родители хотят убрать их с дороги.

Все это именно то, к чему привела бы меня моя теория, если бы зулусы когда-то обладали идеей непокоренного творческого существа и потеряли ее в соперничестве почитаемых, почти родственных и полезных призраков. Их наследственный характер отразился бы на нем. Это все равно, как если бы австралийские курнаи стали поклоняться предкам, прославлять Тундуна, сына и заместителя Мунган-нгаура; пренебрегать Мунган-нгауром, смотреть на Тундуна как на творца и, наконец, пренебречь им в пользу духов предков, менее отдаленных и более близких к ним самим. Этот процесс очень легко постичь, и, с нашей точки зрения, он выглядел бы как вырождение религии под влиянием нового религиозного мотива, *отказа* от жертвоприношений духам предков. То, что Ункулункулу стали считать мертвым, тем менее удивительно, что зулус, которому не повезло, будет настолько богохульствовать, что заявит, что духи предков, которым он поклоняется, сами мертвы. "Когда мы приносим им жертвы и молимся, чтобы определенная болезнь прекратилась, а она не прекращается, тогда мы начинаем ссориться с ними и отрицать их существование. И человек, принеся жертву, восклицает: "Амадлози нет; хотя другие говорят, что они есть, но со своей стороны я говорю, что Амадлози из нашего дома умерли навсегда".[4]....

Таким образом, я могу легко предположить, что у зулусов когда-то была идея творческого существа; что они низвели его, по описанным признакам, до первого человека; что они пренебрегли им в пользу полезных призраков; и что теперь они считают его вымершим; как и самих призраков, когда они перестают быть полезными.

Теория мистера Хартленда противоположна моей. Он говорит: "На самом деле, насколько можно судить, сама идея творения была чужда их умам". ... "Земля существовала первой, еще до того, как появился Ункулункулу".[5] Но небес, солнца и всего остального не существовало до Ункулункулу: он создал их, согласно другим местным свидетелям, и доктор Каллауэй на своей первой странице говорит, что зулусы считают Ункулункулу Творцом.

Доказательства, как справедливо утверждает мистер Хартленд, "противоречивы". Но его противоречия противоречат его утверждению о том, что "сама идея творения была чужда их умам". Многие свидетели подтверждают существование в сознании зулусов идеи творения.

"Сначала, до прибытия миссионеров, говорили, что если мы спрашивали: "Из чего были сделаны камни?" "Они были сделаны Умвелинканги". "Древние говорили, до прибытия

миссионеров, что все вещи были сделаны Умвелинканги; но они не были знакомы с его именем". "Местные жители, - говорит доктор Каллауэй, - не могут назвать вам его имя, кроме как Умвелинканги".[6] Солнце и луну мы называли Ункулункулу, вместе со всеми вещами в этом мире, и те небеса мы называли Ункулункулу.... Мы сказали, что все было сделано Unkulunkulu.[7] "Сначала мы увидели, что они были сделаны Unkulunkulu, но ... мы поклонялись тем, кого видели своими глазами" (призракам их отцов), "и тогда мы начали спрашивать обо всем у амадлози". Этот удобный зулус, Умпенгула Мбанда, излагает самую мою гипотезу.[8] Но он, похоже, был новообращенным христианином и, вероятно, построил свою теорию после того, как услышал о христианском боге. "Мы ищем Амадлози, чтобы не всегда думать об Ункулункулу". Итак, спиритуалистов больше интересуют призраки, чем христианский бог. "Со временем мы стали поклоняться только Амадлози, потому что не знали, что сказать об Ункулункулу", точно так же, как спиритуалист "знает, что сказать" о своей тете, которая говорит с ним через знаменитую миссис Пайпер.[9]

Доктор Каллауэй консультировался с очень старым зулусом Укото, чья тетя была матерью короля Чаки (Утшака). Мистер Райдер Хаггард датирует Чаку примерно 1813-1828 годами. С него начались семьдесят лет завоеваний и революции зулу, в ходе которых старые идеи могли быть стерты с лица земли. Укото ответил на расспросы доктора Кэллауэя так: "Когда мы были детьми, нам говорили, что Господь на небесах.... Мы слышали, как говорилось, что Творец мира (Умдабуко) - это Господь, который находится наверху. Когда я рос, говорили, что Создатель мира наверху".[10]

Пока что мы должны либо отвергнуть наиболее авторитетные свидетельства, восходящие к первым годам прошлого столетия, до периода революции зулу, либо отвергнуть мнение мистера Хартленда о том, что сама идея творения чужда уму зулу. Очень пожилая женщина, чье детство было до начала Чакой революционного периода завоеваний (1813), будучи допрошенной зулусом Умпенгулой, сказала, что "когда мы спросили о происхождении кукурузы, старики сказали: "Она пришла от Создателя, который создал все сущее. Но мы не знаем его. " Древние люди говорили: "Творец всего сущего находится на небесах".[11] Тогда старушка изобиловала противоречиями. Она сказала, что Ункулункулу был Творцом на небесах, но всего за день до этого она отрицала это. Доктор Кэллауэй подумал не о том, что ее разум блуждал, а о том, что "в этом рассказе, скорее, наблюдается смешение нескольких верований, которые могли встречаться и соперничать или слиться воедино в то время, на которое она ссылается" — ранние дни Чаки — " 1. Примитивная вера в небесного Господа или Создателя. 2. Вера, поклоняющаяся предкам, которая путает Творца с первым человеком. 3. Христианская вера, снова привлекающая внимание туземцев к Богу, который не является антропоморфным. "Она также могла бы в части своего рассказа сослаться на легендарное вознесение отца короля Чаки до 1813 года.

С моей точки зрения, теория доктора Каллауэя кажется возможной. Воспоминания и идеи людей, которые были "древними", когда Чака и эта пожилая женщина были молоды, до того, как зулусы вступили в "эпоху волков, эпоху войн", уходили далеко в прошлое зулусов, когда их вера, возможно, была ближе к тому виду дикого деизма, который Вайц считает исконным для Африки.[12] Другой очень старый человек, Убебе, сражавшийся против Чаки, сказал: "Что касается источника бытия" (Умдабуко), "Я знаю только то, что находится на небесах. Древние люди говорили, что Умдабуко находится наверху ... ибо Господь дает им жизнь". Умдабуко, источник жизни, может быть "местным или личным, местом, в котором был создан человек, или

человеком, который его создал". ... Здесь умдабуко названы "господом, который дает им жизнь".^[13] Здесь также приводятся свидетельства древности зулу, слова древних времен Чаки. Использование одного и того же имени для обозначения человека и места знакомо нам по "Зевсу" и "Аиду", и мы сами используем "Небеса" для обозначения Бога, как в "воле Небес". Старик использует Умдабуко как личное имя; в других местах оно эквивалентно Утланге, безличному метафизическому источнику бытия, не идентичному УмХланга, "ложу из тростника", из которого в зулусском мифе возникло человечество. "Умчланга - это место, где они откололись или вышли из Учланга".^[14]

Старый Убебе сказал Умпенгуле: "Разве ты не понимаешь, что мы сказали, Ункулункулу создал все, что мы видим или к чему прикасаемся". И Ункулункулу, добавил он, был человеком, а теперь мертв; затем он подумал и добавил: "Очевидно, что все вещи были созданы не человеком, который умер; их создал тот, кто сейчас жив". Он начал с создателя, за которого ручались другие старики; он снова впал в путаницу с первым человеком и либо вернулся к первоначальной идее Доктор Кэллауэй обнаружил, что Убебе заявляет, что традиция утверждает, что создатель был человеком, но что миссионеры утверждали, что Создатель был "небесным Господом". "Старики говорили, что Ункулункулу был предком и ничем более, древним человеком, который породил людей и дал начало всему сущему".^[15] На самом деле первобытное существо низших дикарей, андаманцев и австралийцев, - это человек, лишенный человеческих ограничений и творческий. Моя гипотеза, как и гипотеза доктора Кэллауэя, состоит в том, что Убебе и остальные блуждали между тремя верами: верой, аналогичной вере андаманцев и австралийцев; верой, видоизмененной культом предков, доведенным до высшей степени — создатель отождествляется с первым человеком, и доктриной миссионеров. Неудивительно, что эти древние пребывают в замешательстве, но, возможно, моя гипотеза, которая пока принадлежит доктору Кэллауэю, помогает объяснить их противоречия. "Они говорят о Провидении, но я думаю, что Оно выше него", - сказал британский агроном, столь же сбитый с толку, как и Убебе.

Доктор Каллауэй допросил другого очень старого мужчину, Улангени. Он отрицал, что Утиксо, его имя для Бога, было готтентотским словом, введенным миссионерами, введенными в заблуждение тем, что доктор Каллауэй считает их ошибочной идеей о том, что готтентотский Утиксо олицетворял возвышенную и утонченную теистическую веру. Улангени с крайним презрением категорически отверг идею о том, что его племя позаимствовало утиkho у народа, сломленного и оскверненного голландцами.^[16] "Мы ничего о них не узнали". По мнению Улангени, Утиксо создал Ункулункулу, но, будучи невидимым, был проигнорирован в пользу его видимого заместителя, поскольку Мунган-нгаур мог быть проигнорирован в пользу Тундуна. "И поэтому они сказали, что Ункулункулу был Богом". Я благодарен Улангени за то, что он снова предвосхитил мою скромную теорию. Он далюмористический отчет о прибытии первого миссионера, Уньеганы (Гардинера?), о его "болтовне", о его обещании сообщить новости об Утиксо и о спорах зулусских теологов. Новообращенный местный житель одержал победу и сочинил гимн: все это записано Умпенгулой. При всем уважении к Улангени, он, похоже, был неправ в отношении Утиксо. Колб (1729) называет Гунджа Тиквоа (Utikho) готтентотским словом, обозначающим верховное божество; но, если доктор Каллауэй прав, Колб ошибался.

"Нет ничего проще, чем расспросить дикарей-язычников о природе их вероучения и во время беседы поделиться с ними великими истинами и идеями, о которых они никогда раньше не

слышали, и в настоящее время заставить их вернуться к ним как к символам их собственной первоначальной веры"[17]

Но готтентоты Колба, как отмечает доктор Кэллауэй, говорят, что Тиквоа "хороший человек", они узнали это не от Колба или какого-либо другого миссионера: как я уже сказал, это обычная доанимистическая теория о дикарях, как в Австралии и на Андаманских островах. Более поздние расследования, вплоть до Хана, рассказывают нам о Цуй Гоабе, "раненом колене", существе-готтентоте, которое является всего лишь идеализированным знахарем. Шоу говорит, что "*старшие* кафры говорили об Умдали, Создателе", но Моффат не нашел никаких следов чего-либо более высокого, чем Моримо, другой мифический прародитель, вышедший из земли. Ливингстон утверждает как раз обратное. "Нет необходимости начинать рассказывать даже самым деградировавшим из этих людей о существовании Бога или о будущем государстве, поскольку факты общепризнанны".[18] Что касается бечуана Моримо, мистер Хартленд приводит этимологию своего имени: говорят, что оно происходит от *горимо*, приведенного выше, с приставкой единственного числа *мо*. Таким образом, это означало бы "Тот, кто наверху". Но почему же тогда Моримо вышел из дыры в земле? Был ли он когда-то "Тем, кто наверху", и не путали ли его с первым человеком? Множественное число, *Баримо*, по-видимому, означает духи умерших. Молсино, *тест* Кассилис, используется для обозначения призрака предков. Мистер Хартленд "склонен рассматривать Моримо не как некогда исчезающее верховное божество, а как бога в процессе становления".[19] Я чувствую, что у меня нет оснований строить даже предположения.

Любопытное свидетельство доктора Каллауэя приведено в примечании, которого нет в его книге. Согласно одной из зулусских версий, Ункулункулу был создан Утиксو. Теперь Ункулункулу был виден, Утиксو был невидим, и поэтому стал более заметным и популярным.[20] Таким образом, Ункулункулу является демиургом и заместителем Утиксو, как иногда Дарамулун, Тундун, Хобамок, Оки, Бобовисси, заместителями Байаме, Мунган-нгаура, Кихтана, Ахоне, Ньянкупона и так далее. Эта идея обычна в теологиях дикарей. Теперь доктор Кэллауэй приводит свидетельство другого зулуса: "У нас было это слово до прихода миссионеров; у нас был Бог (Утиkho) давным-давно; ибо человек, умирая, произносил свои последние слова, говоря: "Я возвращаюсь домой; я поднимаюсь на высоту". Ибо в одной песне есть слово, которое гласит:

Веди меня, о Ястреб!
Чтобы я мог подняться к небесам,
Чтобы искать человека с одним сердцем,
Подальше от людей с двойным сердцем,
Которые занимаются благословениями и проклятиями.

Таким образом, мы видим, что эти люди обычно говорили о предмете настоящего времени, который мы ясно понимаем под словом, которому учат нас миссионеры.... Поэтому мы говорим, что нет Бога"(никакого нового Бога)", который только что пришел к нам". Доктор Каллауэй объясняет: "Тот Бог, о котором говорят миссионеры, не новый Бог, а тот же Бог, о котором мы говорили под терминами Уккамата и Утиксо".[21]

Доктор Кэллауэй не мог представить это свидетельство или перевести его из-за архаизмов и намеков, требующих знакомства с древними зулусскими песнями, пока не обратился за помощью к кафру Ксоса.

Я склонен рассматривать архаичный характер произведения как довольно хорошее доказательство подлинной древности. Если свидетельство будет принято, это, в моем понимании, решит вопрос. Религия зулу, в ее высших элементах, была религией на закате, Утико был "одной ногой в могиле", подобно Джону Ноксу; он не был, согласно теории мистера Хартленда, богом в процессе становления. Старые гимны - наши лучшие авторитеты, и гимн доказывает веру в будущее, гораздо более благородное, чем превращение душ зулусов в змей. Божество также подтверждается свидетелем. Но из употребления слова Utikho этим свидетелем следует, что он, возможно, говорит об идеях, заимствованных готтентотами у голландцев, а кафрами - у готтентотов.

Другой странный пример встречается в другом месте. мистер Фрейзер цитирует короля Софалы, или Китевы, или "The Quiteva".[22] Этого короля причисляют к божеству; фактически, "кафры не признают никаких других богов, кроме своего монарха", - говорит Душ Сантуш. Но м-р Фрейзер опускает то обстоятельство, которое добавляет тот же автор: "Они признают Бога, который, как они воображают, и в этом мире, и в мире грядущем принимает меры возмездия за добро и зло, совершенные в этом.... Хотя они убеждены в существовании божества, они не поклоняются ему и не молятся ему".[23] Здесь мы имеем веру в будущую жизнь и бога (Молунгу), аналогичную той, которая раскрывается в архаичном зулусском гимне. Но Душ Сантуш признавал богом только того бога, который получает молитву и поклонение; поэтому он говорит, что у кафров нет богов, а также что они "признают бога", которому не поклоняются. Имя этого бога, Молунга, я полагаю, такое же, как у Мулунгу, который сейчас, "в загробном мире, представлен как человек, занимающий подобающие духам места".[24]

Таким образом, мне кажется, что религия зулу, ныне почти исключительно поклоняющаяся предкам, действительно содержит разбитый и почти стертый элемент веры в высокого бога, которому не поклоняются, управляющего будущей жизнью. Очевидно, что архаичные гимны в их родной интерпретации являются лучшим доказательством, чем противоречивые заявления отдельных зулусов, которые с сомнением относятся к тому, что говорили отцы церкви. Аналогия между верованиями утико и мулунгу также считается подтверждением, в то время как непокоренное верховное существо с заместителем или заместителями (Утико—Ункулункулу) является распространенной чертой религии дикарей. Если бы филология могла пролить какой-либо определенный свет на значения таких названий, как Мулунгу, и так далее, можно было бы достичь более твердой почвы под ногами. Опять же, когда имя относительно высшего существа может рассматриваться как множественное число, например, *Элохим*, может быть сделан вывод, что многие духи предков смешиваются или были смешаны в одно существо. Случай с Мура-Мура австралийского Диери уже встречался нам, в эссе на тему "Магия и религия". Это случай "Они" или "Он"? "Мулунгу = Бог", - сказал местный житель мистеру Клементу Скотту. "Вы не можете использовать множественное число, поскольку Бог един". "Духи - это духи умерших людей" (*Мзима*), "не боги". С другой стороны, мистер Макдональд узнал, что "люди, которые умерли, стали Мулунгу". Все же он также рассматривается как отдельное и высшее существо, которое отводит свое место духам умерших. Само его имя по-разному интерпретируется как "небо" или "предок".

Мы можем возразить, что Мулунгу первичен и что духи умерших, *Мзима*, - это всего лишь "люди Мулунгу", которые, согласно мифу, были до смерти. Или мы можем возразить, что многие мзима были объединены в более поздней концепции мулунгу как единого существа. Несомненно, такие существа встречаются там, где духи умерших не считаются с религией. Я боюсь, что при наличии доказательств студенты встанут на чью-либо сторону в соответствии со своими предубеждениями: по крайней мере, обе стороны будут думать, что так поступают их оппоненты. Я заметил, что многие писатели, по-видимому, осознают только существование религиозной предвзятости, которая указывает на отсутствие чувства юмора.

Что касается Утиkho, м-р Бейдербеке, как и доктор Каллауэй, считает, что кафры, живущие рядом с готтентотами, позаимствовали их имя для бога, Тиксо (Utikho), и отказались от Ункулункулу. Среди овахереро, в регионе, "который еще не находился под влиянием цивилизации и христианства" (1873), г-н Байдербек обнаружил, что верили в бога по имени Карунга. "Посмотрите на наших волов и овец: разве не Карунга сделал нас такими богатыми", как Иегова сделал израильтян? Мукуру использовались верующими в Куринге как имя Бога миссионеров. Мукуру" - это в Отиихереро *the* Происхождение неизвестно, но Омурунга, священная веерная пальма, должно быть, происходит от Омуру, а не Омуру от Омурунги. Слово Отиихереро, обозначающее дух, отличается от обоих: это *Отимбоси*. Как бог, Карунга, по-видимому, не приносит жертвоприношений: они приносятся духам предков. Карунга, по-видимому, не оскорблен грехом, но это, по-видимому, просто выводится из того, что он не получает искупления, как это делают духи. Когда люди умирают, они говорят: "Карунга повелел им прийти". Следы его как творца очень сомнительны, но дождь, гром и так далее исходят от него, как доказывают пословицы, и ему молятся во время опасности — молитвы могут быть постхристианскими. В сказке о сотворении мира Омуамбо или в одной из сказок Калунга, подобно Моримо, выходит из земли и создает мужчин и женщин. Он не призрак. "У них тоже были призраки, - сказал свидетель, - но Калунга был совершенно особенным и уникальным существом".[25]

Мое предубеждение в пользу моей собственной теории нескрываяемо, но я полагаю, что южноафриканская вера в бога, "уникальное существо", подтверждается доказательствами мистера Байдербека.

Для обозначения этого существа, а также призраков и духов существуют разные слова; хотя в других случаях филология находит родственные африканские слова для обоих.

Доктор Кэллауэй заключает: "Похоже, что в сознании туземцев едва ли существует какое-либо представление о божестве, если таковое вообще существует, заключенное в их высказываниях о небесном начальнике. Когда это применяется к Богу, это просто результат обучения. Среди них он не считается ни Создателем, ни хранителем людей; но как сила, это может быть не что иное, как земной вождь, все еще прославляемый по имени — пережиток культа царя египтян; еще одна форма культа предков" - только ему поклоняются![26] Доктор Кэллауэй, самый беспристрастный исследователь, привел несколько случаев с очень старыми зулусами, которые в детстве слышали от старших о создателе, созидательном господине. Но у этого превосходного коллекционера была лишь небольшая, вполне оправданная предвзятость. Он спорил, чтобы доказать, что Ункулункулу, Утланга, Утиkho и остальные небезопасные эквиваленты для использования миссионерами во имя Бога. И они не были безопасными эквивалентами. Умпенгула утверждал, что это указывает на совершенство. Ункулункулу, сказал

он, - это имя, которым можно обманывать детей; вы не должны приходить к нам с новым великим богом и называть его именем существа, которого презирает каждый взрослый зулус.[27] Но то, что это имя презиралось, скажем, в 1860 году "убежденными поклонниками гривы", ни в коем случае не доказывает несуществования высшей веры в прошлом. мистер Ридли счел Байаме подходящим именем для христианского бога: вероятно, было неосторожно использовать его в обучении местных жителей.

Побуждаемый своим обоснованным возражением против использования местных названий для обозначения христианского Бога, доктор Кэллауэй в только что процитированном заключении забыл или отказался от своего мнения о том, что свидетельства древних зулусов представляют собой смесь верований, начиная с "примитивной веры в небесного Господа или Создателя".[28] Я полностью согласен с его выводом о том, что туземцы в целом его поколения не считали "небесного вождя Создателем или хранителем людей" и что "у них вообще едва ли было какое-либо представление о божестве". Но, основываясь на свидетельствах, собранных доктором Каллауэем от очень старых людей, я склонен считать достаточно вероятным, что под давлением военной жизни, завоеваний, что касается культа предков, то зулусы, возможно, забыли и почти стерли с лица земли высшую веру, о которой старики слышали в своем младенчестве. Если это так, то зулусы подпадают под общую линию моих рассуждений. Их слабые традиции (как в случае с атахоканом) свелись к детским сказкам. Они не являются "теоплазмой" бога, который находился в процессе становления. Но, конечно, можно возразить, что эти слабые зачатки пришли вместе с Утиксом через готтентотов, которые подхватили их в разговоре с голландцами. Этот процесс, однако, не применим к вере в высшие существа, которую австралийцы тщательно скрывают от местных женщин, детей и европейцев. Это также не относится к американским кихтанам, ахоне, андуаньи, атахоканам и многим другим. Таковы нерешительные выводы, которые я осмеливаюсь сделать из того, что нам рассказывают о религии народов Южной Африки. В пользу моей теории говорит тот факт, что древнейшие свидетельства о людях, родившихся до того, как гений Чаки произвел революцию в жизни зулу, согласуются с тем, что я ожидаю найти, - творческой традицией.

Успех любой из конкурирующих теорий — той, которая видит элементы высокой религии среди низших дикарей, и той, которая отрицает существование этих элементов, — как мне кажется, не влияет на наши представления об "истинности религии". Каждая теория рассматривает религию как явление, развитое человечеством в соответствии с их сущностной природой. Вопрос только в последовательности этапов эволюции. Предположим, что началом религии было (как в моей гипотезе) уважение к создателю и отцу, которому приписывали утверждение морали и, в некоторых случаях, награждение или наказание за хорошее или плохое в будущей жизни. Эти идеи встречаются в современной религии. Но то обстоятельство, что они также встречались в первобытной религии, не доказывает, что современная религия "истинна". Это только доказало бы, что люди, создавшие первобытную религию, были действительно людьми: очень похожими на своих потомков. Почему бы и нет? Они не породили высшие идеи в чистом виде; или, по крайней мере, в том виде, в каком мы их находим, они всегда загрязнены, смягчены мифами всевозможной степени абсурдности и порочности. Но следует заметить, что вера первобытного человека, насколько это представлено доказательствами, которые я предлагаю относительно очень отсталого человека, не имела некоторых из худших элементов верований более развитых рас. Жертвоприношений там не было никаких. Но когда возникло сельское хозяйство, оно принесло с собой гекатомбы человеческих жертвоприношений, особенно если мы согласны с теорией мистера Фрейзера, изложенной в "Золотой ветви". До сих

пор не подлежит сомнению, что по мере продвижения человека в социальном прогрессе религиозная жестокость становилась все глубже. Подобным же образом религия мира и доброй воли стала сопровождаться, благодаря природе человечества, религиозной жестокостью, столь же варварской, как у ацтеков. *Танте молис эрат*: так трудно было поднять гонку в каком-либо одном направлении, не вызывая новых спадов в других направлениях.

[1] *Народные предания*, март 1901 г., стр. 21. Обращение президента.

[2] Каллауэй, *Религия амазулу*, стр. 10 1868.

[3] *Первобытная культура*, ii. стр. 312, 313, 1873.

[4] Callaway, стр. 29.

[5] Каллауэй, стр. 41; *Фольклор, см. выше*, стр. 23.

[6] Callaway, стр. 10, примечание 25.

[7] *Там же*. стр. 21.

[8] *Там же*. стр. 17.

[9] *Там же*. стр. 26, 27.

[10] *Умдабуко* происходит от *укадабука*, "быть разорванным", слова, подразумевающего предсуществование чего-либо, из чего произошло разделение. Каллауэй, i. примечание 3, 50, примечание 95. Обычно это неопределенный метафизический термин.

[11] Callaway, стр. 52, 53.

[12] Вайц, *Антропология*, i. 167.

[13] *Там же*. стр. 59 и примечание 12.

[14] *Там же*. 61, внимание и 17, 9 и примечание 22.

[15] Callaway, 63 и примечание 23.

[16] *Там же*. стр. 65.

[17] Вайц, *Антропология*, стр. 105, 106.

[18] *Миссионерские путешествия*, стр. 158.

[19] *Народные предания*, март 1901 г., стр. 26, 27.

[20] Каллауэй, *родственник Амазулу*, стр. 67.

[21] *Журнал народных преданий*, Южная Африка, ii. iv. 1880, стр. 59, и далее.

[22] *Золотая ветвь*, i. 155; ii. 10. Душ Сантуш, в Пинкертоне, xvi. 682-687, и далее.

[23] Дос Сантос; в Пинкертоне, xvi. 687. Он путает Китеву, страну, и короля, Китеву. Ср. выше, стр. 97, примечание 3.

[24] Макдональд, *Африка*, i. 66, 67. Для этимологических догадок и применения *Мулунгу* (как у *Баримо*) к духам предков, а также утверждения о том, что "все вещи в мире были созданы Мулунгу", который был до смерти, см. *Africana* и *Словарь языка манганджа в Британской Центральной Африке г-на Клементы Скотта*, и *Making of Religion*, стр. 232-238.

[25] Бейдербеке, *F. L. Journal*, Южная Африка, iv. v. 88-97.

[26] Callaway, стр. 124.

[27] Callaway, стр. 74-76.

[28] Callaway, стр. 55, примечание 4.

XIII

"КУБОК И КОЛЬЦО": СТАРАЯ ПРОБЛЕМА РЕШЕНА

История и античность дают нашим любознательным умам множество приятных и бесполезных занятий. Даже в наши дни образования все еще есть много людей, которые слышали о Человеке в Железной маске и хотели бы знать, кем он был. Никто, конечно, не читает "Писем Юния", но многие были бы рады узнать наверняка, кто их написал.

Моя загадка бесконечно более труднодоступна, но у нее есть одно достоинство: я думаю, что смогу ее разгадать. Если вы когда-нибудь бродили по вересковым пустошам Чевиот-Хиллз, которые находятся недалеко от Чаттон-парка (я думаю, на земле лорда Танкервилля), вы, возможно, заметили выгравированные на валунах углубления в центре, похожие на чаши, окруженные вырезанными концентрическими кругами. Кто выдолбил эти устройства, зачем и в каком возрасте?

Я помню, как задавал эти вопросы, когда впервые увидел "скальпы" уинстоуна, только что выступившие из дерна среди вереска прекрасным сентябрьским днем. Это было уединенное место, где никогда не росли съестные припасы; вокруг нас были голубые вершины Чевиотов, под намисказочный *амнис* из Тилля, который топил трех человек на одного, утонувшего из-за Твида. Мой друг сказал мне, что некоторые говорили, что камни были местами человеческих жертвоприношений друидов, а другие, люди здравого смысла, считали, что пастухи вырезали круги от чистого безделья.

Но эти ответы не пройдут. Не было ни пастухов, ни друидов ни в Центральной Австралии, ни на Рио-Негро в Бразилии, ни у индейцев ваймара, ни на Фиджи, ни в Джорджии в древности, ни в Зулуленде, где эти декоративные отметины встречаются вместе с другими, первобытного характера. В нашей стране их находят не только на скальных обломках, но и на камнях "кругов друидов" от Инвернессшира до Ланкашира, Камберленда и острова Мэн. Они также

встречаются на больших камнях, расположенных на аллеях; на кромлехах (один огромный горизонтальный камень, опирающийся на другие, стоячие); на камнях камерных *курганов* (искусственных насыпей) в Йоркшире; на каменных "кистах" или гробах в Шотландии, Ирландии и в Дорсете; на доисторических обелисках или одиночных "стоячих камнях" в Аргайле; на стенах подземных пиктских домов на Оркнейских островах и в Форфаршире; в доисторических шотландских фортах; возле старых лагерей; а также как на отдельных камнях, скальпах и косточках. Аналогичные двойные спирали встречаются в Нью-Грейндж, в Ирландии, у входа в большую галерею, ведущую в купольный зал; в Скандинавии; в Малой Азии; в Китае и Зулуленде; в Австралии, Индии, Северной и Южной Америке и на Фиджи.^[1]

Итак, кто сделал эти пометки, когда и почему? Сэр Джеймс Симпсон говорит: "Это археологические загадки, разгадать которые в настоящее время мы не в силах". Он приводит несколько догадок. Пометки - "архаичные карты или планы старых круглых лагерей и городов". Это солнечные часы, но они расположены в темных камерах гробниц или подземных домов! Они обозначают солнце, или луну, или поклонение лингаму. Они римские или финикийские — теория, на изучение которой было потрачено много времени.

Всем этим предположениям сэр Джеймс Симпсон противопоставил решение о том, что маркировка носит чисто декоративный характер. "С самых ранних исторических периодов в архитектуре Египта, Ассирии, Греции и т.д., вплоть до наших дней, круги, одинарные или двойные, и спирали формировали, при различных модификациях, возможно, наиболее распространенные виды лапидарного декора". Эта любовь к спиралям и волутам проявляется в полинезийской татуировке. Но, добавил сэр Джеймс, "то, что это были эмблемы или символы, каким-то образом связанные с религиозными мыслями и доктринами тех, кто их вырезал, представляется мне вероятным, по крайней мере, благодаря положению и обстоятельствам, в которых мы иногда находим их размещенными", например, на крышках каменных гробов и погребальных урн. Их дата, должно быть, "очень отдаленная". Они предшествовали письменности и традиции. Их находят в компании с полированным каменным оружием эпохи неолита, как в Бретани, без каких-либо остатков металлов, за исключением в одном случае золота. Нанесение разметки, безусловно, произошло в Австралии раньше, чем использование металлов. Сэр Джеймс экспериментально обнаружил, что разметку можно было сделать даже на абердинском граните кельтским кремнем и деревянным молотком. Он считал их более ранними, чем появление кельтской расы, и просил представить доказательства их существования в Африке, Америке или Полинезии. Он не знал ни фиджийского примера из работы Уильямса о фиджийцах, ни американских и австралийских примеров.

Сэр Джеймс не дождался того, чтобы много слышать об этих таинственных знаках в отдаленных и диких землях. Но в 1875 году профессор Дэниел Уилсон обнаружил или, скорее, сообщил о своем открытии чашек и колец на гранитном валуне в Джорджии. Рисунки вполне привычного ортодоксального типа, а в Огайо встречаются скалы, покрытые глубокими вмятинами в виде чаш.^[2] Сейчас есть антиквары-романтики, все для друидов и финикийцев; и есть сардонические антиквары, которым нравится стирать позолоту с пряников. Доктор Уилсон принадлежал к последнему классу и объяснил, что чашки - это отверстия, проделанные древними людьми в пестиках из точильного камня. Концентрические кольца, возможно, были нарисованы вокруг чаш "для развлечения". Это зажим, но ранний человек не использовал каменные кисты и внутренние стены гробниц в качестве точильных камней; и все же на них есть отметины. Он также не стал бы карабкаться на почти неприступную скалу, чтобы найти свой

точильный камень; тем не менее, вершина такой скалы украшена в приходе Таннадайс (Форфаршир). Поэтому мы можем отбросить теорию доктора Уилсона как общее решение проблемы. Сэр Джеймс Симпсон оставил это с ответом, что знаки носят декоративный характер, *плюс* религиозная символика.[3] Его предположение, которое, я думаю, я могу доказать или, по крайней мере, заставить казаться вероятным, было правильным. Чашки и круги с другими знаками изначально были декоративными, в некоторых случаях имевшими символическое и религиозное значение. Далее я покажу, как я пришел к такому выводу.

Когда вы хотите понять старый бессмысленный обычай или веру, найденные в центре цивилизации, вы пытаетесь обнаружить веру или обычай в каком-нибудь регионе, где они обладают понятной жизнью. Тогда вы можете предположить, что там, где вы сейчас находите это слово лишенным смысла, оно когда-то означало то, что оно делает сейчас, когда оно полно жизненной силы, или означало что-то аналогичное.

Место, где концентрические круги и другие обозначения имеют живое и мощное значение, я обнаружил совершенно случайно. Я читал корректуры господ Дж. Ценная книга Спенсера и Гиллена о "Коренных племенах Центральной Австралии" (Макмиллан). Там я узнал множество фактов о местной чуринге, или "священных предметах", плоских овальных кусках дерева или камня, покрытых концентрическими кругами, чашечках и других украшениях, которые считаются или расшифровываются как записи мифов и легендарной истории местной расы. Эти чуринга бывают разных размеров, до фута или меньше в длину. Я не думал о них в связи с нашими чашечками, кругами и так далее на наших валунах и стоячих камнях. Но в мой кабинет случайно зашел друг, который начал рассказывать мне об удивительном древнем месте Дамбак, открытом мистером У. А. Доннелли (июль 1898 г.) во время прилива в устье реки Клайд, недалеко от Дамбартона. "Странно то, - сказал мой друг, - что они нашли маленькие переносные камни, амулеты, помеченные так же, как камни с надписью на чашке и кольцо", - и он начал набрасывать схему. "Да это же чуринга, - сказал я, - центральноавстралийская чуринга", - объяснили господа Спенсер и Гиллен. Мой друг, узнав о чуринге, сказал мне, что другие образцы были откопаны, также мистером Доннелли, в древнем форте недалеко от другого места раскопок, в местечке под названием Данбуи. Итак, здесь у меня были предметы, очень похожие на чурингу, и с теми же отметинами, что и у наших валунов, кистов и так далее, в двух шотландских местах, где, как я понимаю, до сих пор не были обнаружены ни керамика, ни металл. Затем я обнаружил, что знаки, которые австралийцы выгравировывают на своей маленькой чуринге, они также *рисуют* на валунах, скальных стенах и других элементах ландшафта, на священной земле, запретной для женщин.

Поразительная аналогия между австралийскими и старошотландскими маркировками *some* из *tuisa*.

На обложке книги сэра Джеймса Симпсона золотым тиснением изображен центральный набор из шести концентрических кругов, окружающих чашу. От самого внутреннего круга канавка идет к окружности внешнего круга (круги часто встречаются без этой радиальной канавки), и там линия изгибается, предполагая, что круг образовался из спирали. Над и под этим рисунком расположены аналогичный рисунок с тремя и другой с четырьмя концентрическими кругами; по бокам представлены образцы с двумя и одним кружком с изогнутой линией, а также две чашечки и кружки без изгиба. Теперь сравните рис. 131, стр. 631, господ Спенсера и Гиллена. Здесь у нас есть чуринга илкиния, или священный наскальный рисунок, выполненный красным

и белым цветами, изображающий тотема медоносного муравья племени Варрамунга. Вот, во-первых, семь концентрических кругов, через центр которых проходит прямая линия такой же ширины (встречается только у варрамунга), в то время как к каждому концу добавлены два концентрических круга небольших размеров, заканчивающихся крестом. Вокруг, как и на обложке сэра Джеймса, расположены меньшие наборы менее многочисленных концентрических кругов, точно таких же, как у сэра Джеймса, за исключением радиальной канавки, которая заканчивается изгибом. И снова (рис. 124, стр. 615) у нас есть два набора концентрических кругов с белыми точками, соответствующими чашечкам, а там, где должен быть третий набор кругов, находится спираль, как в Нью-Грейндж, Ирландия, и во многих других примерах на наших островах.

В настоящее время в Центральной Австралии декоративные мотивы или аналогичные мотивы постоянных наскальных рисунков повторяются на маленьких переносных чурингах, которые чернокожие расшифровывают в религиозном или, скорее, мифическом смысле. Следовательно, можно утверждать, что маленькая переносная шотландская чашка и камни с круговой маркировкой, обнаруженные совсем недавно, имели такое же отношение к гравюрам на постоянных камнях, скальпах и валунах, как австралийская чуринга к австралийским священным наскальным рисункам. Возможно, это были переносные священные предметы.

Я не смог посетить Дамбак, который сейчас находится на раскопках, и видел только несколько слепков и набросков пером и тушью, присланных мне мистером Доннелли. Но я изучал похожие предметы из Данбуи, находящиеся в музее в Эдинбурге. Антиквары смотрели на них с сомнением, потому что они не видели ничего подобного раньше (возможно, они видели это в Ирландии), потому что среди находок была раковина с очень современной поцарапанной поверхностью, а также потому, что некоторые отметины на одном или двух камнях выглядят свежими. Но я утверждаю, что думбартонский юморист, желающий разыграть нас, монкбарнсов, вряд ли стал бы "засаливать" старое место предметами, неизвестными шотландским антикварам, но впоследствии обнаруженными в Центральной Австралии. Как такая идея могла прийти ему в голову? Фальсификатор стал бы подделывать известные вещи, такие как кремневое оружие; он не стал бы подделывать новинки, которые, как позже выясняется, соответствуют священным предметам, реально используемым дикарями.

Многие находки в Данбуи выгравированы в статье мистера Миллара о Данбуи.^[4] Но он не выгравировал самую узнаваемую чурингу, маленькую овальную каменную плиту с орнаментом в виде чашечек, повторяющих ее очертания (почти как в ирландском экземпляре), и не снабдил, подобно каменной чуринге в Австралии, отверстием для подвешивания.

Он действительно гравировал некоторые доселе неслыханные изделия - наконечники копий из сланца, два из которых снабжены отверстиями для подвешивания. В одном (стр. 294) есть простейший рисунок, похожий на детский рисунок лиственницы, который повторяется в Австралии.^[5] Я сомневаюсь, что эти сланцевые наконечники копий, проколотые для подвешивания, использовались на войне, хотя некоторые австралийцы используют наконечники копий "из кремнистого сланца"; а там, где кремня так мало, как в Шотландии, может использоваться твердый сланец - например, в Северной Америке.^[6] Я скорее рассматриваю сланцевое оружие как амулеты, или чурингу, аналогичную очень древней и редкой чуринге в форме бумеранга племени арунта (тотем ящерицы) Центральной Австралии. Мистер Миллар отмечает: "Все они были пропитаны маслом или жиром, поскольку вода к ним не

прилипает, а стекает, как с жирной поверхности. "Сейчас австралийскую чурингу очень часто натирают красной охрой и смазывают "жиром для рук" - удивительное совпадение. Следы относятся к числу священных австралийских наскальных рисунков, имеющих легендарный смысл. Они также встречаются, выгравированы на скале в Бретани, Ирландия, на "Камне фей" (илкиния) в Гленеске и на "Камне ведьм" в Монзи, ассоциируются с чашами и концентрическими кругами.[7] Все эти близкие аналогии указывают в одном направлении.

Бессмысленные в Европе, какое значение имеют эти рисунки в Австралии? Хотя полная уверенность невозможна, я полагаю, что сначала они были чисто декоративными, до того, как дикари вложили в них мифический и символический смысл. Они встречаются у мистических "ревущих быков" в Центральном Квинсленде, но я не слышал, чтобы в Квинсленде круги и так далее интерпретировались или расшифровывались так, как среди арунта.[8] Тем не менее, они встречаются здесь в религиозной связи — ревуший бык замахивается на мистерии - и они вырезаны на деревьях во время мистерий, проводимых далеко на юге, в Новом Южном Уэльсе.[9] Но даже в Центральной Австралии знаки иногда встречаются как чисто декоративные на одном камне или другом объекте, в то время как на других они являются священными и интерпретируются как записи легенд,[10] согласно посвящается Спенсер и Гиллен. Существуют "обычные наскальные рисунки" и некоторые другие рисунки, во многих случаях неотличимые от некоторых из первых серий, что касается их формы, но принадлежащие к классу, о котором говорят как о чуринга илкиния, и которые считаются священными, потому что они связаны с тотемами. У каждой местной тотемической группы есть определенные из них, специально принадлежащие этой группе, и в очень многих случаях сохранившиеся на поверхности скал в местах, которые являются строго *запретными* для женщин, детей и непосвященных мужчин. 'Одна из самых распространенных фигур изображает змею, вылезающую из отверстия в скале', которую вполне можно было бы обозначить как "извивающуюся из чашечки" на наших камнях, отмеченных кружком. Некоторые рисунки являются всего лишь "игровой работой"; другие, точно похожие, в другом месте, имеют определенное значение. Значение читается там, где место - священная земля. Концентрические круги "с полным основанием считаются производными от первоначальной спирали". "Гораздо легче представить серию концентрических кругов, исходящих из спирали, чем представить спираль, исходящую из серии концентрических кругов". В этой стране спираль, по-видимому, появилась позже, чем круг.

Эти приспособления встречаются не только на закрепленных камнях и переносных чурингах, их также рисуют на телах мальчиков, посвященных в мистерии: "преобладают концентрические круги с расходящимися линиями".

В книге мистера Хэддона "Декоративное искусство Британской Новой Гвинеи" он описывает узоры из концентрических кругов и спиралей, которые явно являются производными от рисунков человеческого лица.[11] Таким образом, наши концентрические круги и спирали *могут*, в крайнем случае, быть заимствованы из рисунков человеческого лица, хотя *диаблмент* *менялся по ходу дела*.

Итак, как бы мы ни интерпретировали происхождение, декоративное или символическое, священных узоров, их значение в понимании арунта Центральной Австралии в настоящее время?

Арунта являются тотемистами, то есть они верят в тесные отношения, которые связывают группы их общества с определенными растениями и животными. Но они сильно отличаются от других тотемистических рас по всему миру и даже в Австралии. Они отличаются настолько, что можно усомниться в том, что их тотемы вообще можно правильно называть тотемами. В других странах мужчина с данным тотемом — скажем, эму - не может жениться на женщине этой породы; это инцест. Дети наследуют свой тотем либо от матери, либо, реже, от отца. Любая локальная группа в данном регионе содержит людей с различными тотемами. Людям запрещается убивать, употреблять в пищу или каким-либо образом использовать растения и животных, которые в каждом конкретном случае являются их тотемами.

У арунта все иначе. Тотем ребенка может быть тотемом его отца, его матери или отличаться от тотема любого из родителей. Мужчина может жениться на женщине своего собственного тотема, что в других странах является кровосмешением и карается смертной казнью. Таким образом, отец - личинка; мать - личинка; один ребенок может быть личинкой, другой - эму. Более того, здесь тотемы *местные*; почти каждым из них в данном месте будет, например, ящерица или сливовое дерево. Обычно люди едят свои собственные тотемы, хотя и в умеренных количествах, во время магических ритуалов, направленных на размножение животного или растения, с которыми они связаны, в интересах общего обеспечения продовольствием. Личинки совершают ритуал, чтобы вызвать обилие личинок, и они дают другим группам преимущество, умеренно поедая первые плоды личинок. На мой взгляд, это не имеет сильной аналогии с так называемым "тотемным таинством". Чтобы сотворить магию, обладатели личинки или другого тотема должны съесть ее немного. Это, вероятно, подтверждает их отношение к жратве, но не включает в себя *религиозный* элемент. Они не обожают жратву. Если кому-то нравится называть это "тотемным таинством", его довольно легко удовлетворить. Он также не согласен с мнением, что тотем человека-это вместилище его 'жизнь' или 'душа'; если это так, то почему он должен поощрять ближнего своего, чтобы убить и съесть его? Более того, он даже помогает им уничтожить его.

Является ли тотемизм арунта наиболее архаичным видом, от которого произошли все остальные виды тотемизма, или это частный "спорт", отличающийся от основного, нас здесь не касается и является предметом догадок. Арунта и другие племена Центральной Австралии обращаются к мифическому прошлому, когда предки, тесно связанные с тем или иным растением или животным, возможно, с трансформациями такого животного или растения, бродили по стране группами, у каждой из которых было одно и то же тотемное имя, и каждая свободно питалась своим собственным тотемом.

Это было "время Альчеринги", и существующие обряды объясняются "этиологическими мифами", утверждающими, что тот или иной маскарад, который все еще практикуется, изначально практиковался в Альчеринге. Ничего подобного, конечно, и не должно было быть, и подобные мифы не могут рассказать нам, какими на самом деле были нравы и обычаи той смутной эпохи. Деметра была женщиной греческого племени Альхеринга, и греки объясняли элевсинские обряды как происходящие из ее приключений в Альхеринге. Но они, очевидно, были изобретены исключительно для объяснения самих обрядов, а не *наоборот*.

Так вот, среди арунта сегодняшние чернокожие считаются реинкарнациями сказочных предков алчеринга. Каждый из них (как мужчины, так и женщины) носил с собой чурингу, портативные украшенные камни. Когда умирал алчерингит, возвышался камень или дерево, чтобы отметить

это место, но его или ее дух "оставался в чуринге". Много чурингов было сброшено в разных местах, и вокруг них теперь витают духи, связанные с ними. В одном месте - толпа призраков диких кошек; в другом - толпа призраков лягушек, ящериц или эму. Они хотят перевоплотиться. Следовательно, женщина, желающая иметь ребенка, направляется к одному из них (в Аргайлле она бы скатилась по камню с надписью "чаша"!); женщина, которая *не* хочет иметь ребенка, держится подальше. Тотем ребенка происходит не от отца или матери, а от тотема призраков в том месте, где женщина думает, что зачала его. Когда ребенок рождается, ее родственники ищут это место и находят для него чурингу, оставленную духом, который перевоплотился в нем.

Итак, сначала идет сказочный Алчерингит, сам превращающийся в эму, ящерицу, воду, огонь или что-то еще. Затем, после его смерти, его дух бродит по месту, где были захоронены чуринга из его тотема. Этот дух входит в проходящую мимо женщину и рождается заново от нее, и чуринга духа найдена и отныне является чурингой ребенка — овальной каменной тарелкой с чашей, кольцом или другими украшениями.^[12] Все эти чуринги хранятся в центральных священных хранилищах, пещерах или расщелинах. Каждый член племени представлен в этих хранилищах своей "чуринга нанджей". Женщинам запрещено приближаться к этим свяственным хранилищам и видеть чурингу.^[13] Если они это сделают, им выжгут глаза огненной палкой. Мужская чуринга для него *не* похожа на яйцо, в котором была жизнь великана из сказки. Если дело доходит до горя, он не умирает, но ожидает неудачи, как это происходит с нами, если мы разбиваем зеркало. Только после того, как он пройдет через мистерии и самые жестокие увечья, и как раз перед тем, как его разрисуют узором на священной скале его тотема, человек может увидеть склады чуринга. Так вот, в "Тотеме ведчетти граб" это священное изображение совпадает с линиями, вырезанными под концентрическими кругами на покрытии каменного куста в Тилликутри.^[14] В австралийском примере над линиями изображены круги или, скорее, круглые мазки краски, называемые "украшенными глазами", нарисованные на камнях; соответствующие узоры вырезаны на переносной чуринге. В Шотландии узоры вырезаны как на неподвижных, так и на переносных камнях; последние в Дамбаке и Данбуи.

Я наблюдаю много закономерностей, общих для обоих регионов. Здесь есть концентрические круги, спирали, отметины, похожие на подковы, узор дерева, узор ведьминых личинок, спираль, длинный извилистый змееподобный узор, и некоторые из них повторяются в Бразилии, на берегах Рио-Негро.^[15] Теперь, хотя у нас есть такие узоры на *камнях* в Огайо, Бразилии, Австралии, в этой стране, во Франции, в Малой Азии, я знаю только узоры *на переносных небольших камнях* в Австралии, в Данбуи, на раскопках Дамбак и, я думаю, в пирамиде из камней близ Лох-Крю, в графстве Мит. Любопытные в этом последнем случае могут обратиться к "Трудам Шотландского общества антикваров", 1893, стр. 299, где на рис. 6 и 7 он увидит то, что в Австралии называли бы двумя каменными чурингами, с любым количеством ското-австралийских узоров на крупных камнях. На одном узор похож на рисунок камня из Данбуи.

В Австралии члены каждого тотема расшифровывают знаки, чисто условные, как символы тотема и приключений во времена Алчеринга. Например, знак, подобный двум обручам для крокета или подковам, означает "старуха, собирающая лягушек". Концентрические круги - лягушки; точки вокруг них - следы женщин; скучные, часто грязные истории рассказываются о приключениях алчерингитов, увековеченные узорами. На священных камнях, расписанных узорами, совершаются магические церемонии, чрезвычайно ребяческие, чтобы обеспечить запас съедобного тотема, который представляет этот узор. Там, в Альчеринге, произошло какое-

то событие; ритуал повторяет то, что в мифе совершалось тогда, и животы мужчин натираются чурингой "на удачу". Таково применение чуринга. Существовали ли они когда-то везде, где были украшенные подобным образом неподвижные камни? Расшифровывали ли изготовители украшений в Шотландии чурингу так, как это делают сейчас жители Центральной Австралии? Были ли жители Клайда (гораздо более развитые в культуре, чем австралийцы) тотемистами, считавшими, что их маленькие украшенные камни ассоциируются с духами предков-алчерингов? Сползают ли женщины в Аргайлле со скалы, отмеченной чашей, в надежде на потомство, потому что тотемистические призраки когда-то витали вокруг нее, жаждая перевоплотиться? Факт скольжения засвидетельствован главой клана Диармид.

Никто не может ответить! Я показал, что эти украшенные камни имеют живое значение, жизненно важную легендарную символику в Центральной Австралии. Я не могу доказать, что они имели такое же значение в графстве Мит или Дамбартоншир. Австралийцы, возможно, начали с простого украшения, а позже добавили символику, соответствующую их удивительной теории жизни. В нашей стране украшения могут иметь совсем другой символический смысл, но, вероятно, какой-то смысл у них был. Иначе зачем их гравировать не только на камнях, но и на маленьких камешках, проткнутых для подвески? Возможно, мужчины верили во времена Алчеринга на Клайде; возможно, они размножали лососей и оленей с помощью магических представлений на выгравированных скалах; возможно, это были священные места, запретные для женщин. Или же совсем другой набор басен и обычаев, возможно, сформировался в Шотландии вокруг помеченных камней и маленьких камешков с надписями. Я не могу доказать, что, как и в Австралии, в старину мальчики из Клайдесдейла, при посвящении в мистерии, наносили рисунок на свой священный тотемный камень и каменную или деревянную чурингу. Но если не эти обряды, то другие, как я полагаю, были связаны с декоративными узорами, встречающимися во многих все еще диких странах.

Одно свидетельство скорее указывает в этом направлении. Австралийские каменные чуринги по форме напоминают деревянные чуринги, а они имеют форму *тундуна*, или "бычьего рева". Бычий рев (который встречается в Австралии, где каменные чуринги не встречаются) - это священный овальный кусок дерева, который не должен быть виден женщинам, которым вертят во время мистерий и который издает ветреный ревуший звук. Тот же предмет использовался с той же целью в мистериях Америки, Африки и, в древности, в Греции. [16] Ревущий шум принимается за голос Тундуна, сына Мунган-нгаура, "Нашего Отца" на небесах, среди курнаев, и богов или культурных героев с другими именами в других племенах. Теперь в кельтской Шотландии (как и в Англии) этот инструмент, тундун, встречается как простая игрушка, на гэльском называемая *страннам*. Происходит ли он от священного предмета диких мистерий, и является ли австралийская каменная чуринга — по форме похожая на тундун и похожая на тундун, запрещенный для женщин, — всего лишь лапидарной модификацией деревянного тундуна? Как бы то ни было, *странанам* выглядит как звено в длинной цепи, которая связывает нас с доисторическим прошлым.

Исправляя корректурные листы этой статьи, я прочитал в *Glasgow Herald* (7 января 1899 г.) статью о Дамбаке и Данбуи доктора Манро, выдающегося специалиста по кранногам, или свайным жилищам, и вообще по доисторической Шотландии. Доктор Манро, насколько я понимаю, не считает Дамбак ни стоянкой старше средневековья, ни настоящим кранногом. На резные камни он смотрит либо как на самые необычные (если они подлинные), либо как на современные подделки - мнение, которое он, по-видимому, предпочитает. Тогда он не был

знаком с подобными объектами ни в одной части мира. Здесь я привел ссылки на аналогичные предметы из Центральной Австралии, и я предлагаю изучить *очевидно* похожие ирландские предметы, представленные в "Трудах Шотландского общества антикваров", 1893, стр. 299, рис. 6 и 7. Не видя этих камней, я могу лишь дать подсказку, подсказанную иллюстрациями в "Трудах." Я не могу догадаться, зачем кузнецу понадобилось подделывать такие неизвестные предметы и помещать их в Данбуи в 1895 году, еще до того, как были описаны камни Центральной Австралии. Я также не могу в достаточной мере выразить сожаление по поводу глупости того же гипотетического фальсификатора, который не "засолил" Данбуи и Дамбук неолитическими орудиями, будь то древними или сделанными каким-нибудь современным Мастером по изготовлению Кремня. Оба его греха - упущение и совершение - *связаны с яростным использованием в личных целях*. Однако доктор Манро, как я понял из его статьи о Дамбуке в "Реликварии" (апрель 1901 г.), по-прежнему отказывается признавать украшенные Дамбуком переносные камни подлинной древности.

[1] Для Индии см. *Архаико-логические заметки о древних скульптурах на скалах в Кумаоне, Индия*, мистера Дж. Х. Биветта-Карнака, Калькутта, 1883. Форма еврейской арфы распространена в Индии и Шотландии.

[2] *Proceedings S.A.S.*, июнь 1875 г. "Каменные знаки штата Огайо".

[3] *Древние скульптуры чаш, кругов и т.п.* Эдинбург, 1871.

[4] *Труды S.A.S.* том xxx. 1896, стр. 291-316.

[5] Спенсер и Гиллен, стр. 632, № 14-23. - Илкия и тотем Сливового дерева.

[6] Доказательств наличия австралийских сланцевых наконечников копий недостаточно. Капитан. Кинг раздобыл связку коры во время набега на туземцев. В ней было "несколько наконечников для копий, наиболее искусно и любопытно сделанных из камня "... камень был покрыт красным пигментом и казался *кремнистым сланцем*". — См. *"Изображение Австралии"*, стр. 243. Лондон, 1829 год.

[7] Симпсон, стр. 182-184.

[8] Оба, уроженцы Нью-Йорка, Квинсленд, стр. 129, стр. xvii.

[9] *Журнал антропологии. Институт*, май 1895 г., стр. 410, стр. 21, рис. 7.

[10] В популярной *истории человечества* Ратцеля, i. 379, на некоторых деревянных чурингах выгравированы "Австралийские волшебные палочки". Они в точности соответствуют чуринге из Арунты.

[11] Королевская ирландская академия, *Мемуары Каннингема*, № x. 1894.

[12] О чашках см. Спенсера и Гиллена, стр. 129; о концентрических окружностях см. стр. 131.

[13] Племенные склады чуринга *не* совпадают с местами, где чуринга сбрасывалась в Альчеринге.

[14] *Материалы S.A.S.* том xxix. стр. 193. Спенсер и Гиллен, рис. 132, № 6.

[15] S.A.S. 1884-5, том vii. стр. 388-394. Сравните для графства Мит ту же работу, 1892-93, стр. 297-338.

[16] Смотрите авторский *обычай и миф: Бык-ревун*. Проф. Хэддон обнаружил много других примеров; см. Также *"Золотую ветвь"*, iii. 423 и далее.

XIV

ПЕРВЫЕ ПЛОДЫ И ТАБУ

Табу - одно из немногих диких слов, пустивших корни в Англии. Завезенный из Новой Зеландии (*тапу*) и других островов Полинезии, он используется в английском языке для обозначения запрета. Эта, та или иная вещь, или человек, или книга являются "табуированными". Многие из Десяти Заповедей являются, в этом смысле, табу. Но на антропологическом языке "табу" обычно обозначает нечто большее, чем запрет. Обычно это означает запрет, для которого, на взгляд цивилизованного человека, не существует очевидного значения. Таким образом, запрещающие заповеди - это не совсем табу; довольно очевидно, почему мы не должны красть или убивать, хотя *смысл существования* Седьмой заповеди неясен некоторым продвинутым умам. Но причины, по которым Синклер не должен пересекать Орд в определенный "законный день", или почему в другой "законный день" рыбаки Сент-Эндрюса не могут отправиться на рыбалку, напоминают многие дикие табу из-за отсутствия явной причины "почему". Во-вторых, нарушение табу дикарей в целом, в отличие от нарушения декалога, влечет за собой свое собственное наказание. Запрещенная пища — это яд, на запретную землю опасно ступить, обращение с запрещенным имуществом может означать смерть; никто не знает, какая ужасная космическая катастрофа может произойти, если женщина, на которую наложено табу, увидит солнце; многие слова и названия табуированы, и их использование не принесет успеха - например, вы не должны называть "лосося", "свиней" или священника, когда рыбачите в некоторых частях Шотландии.

Во многих случаях причину того или иного табу легко обнаружить. День считается несчастливym, потому что все рыбаки, как в Сент-Эндрюсе, погибли в этот день в прошлом столетии из-за шторма; или Синклеры в другой день были отрезаны во время экспедиции. У большинства из нас есть свои удачные или неудачные дни, одежда и прочие мелочи тщеславия. Опять же, по какой-то причине все является табу в том виде веры, который утверждает, что вещи, связанные ассоциацией идей, на самом деле связаны мистически. Вы не должны упоминать лосося, чтобы они не услышали вас и не сбежали; или олово при малайской добыче олова, чтобы олово буквально "не стало дефицитным". Вы не можете называть фей, завистливый народ. Поэтому вы говорите "люди мира" и так далее. Но многие другие табу имеют веские практические причины. Если бы женщинам среди нас было запрещено ловить лосося, есть устриц или заходить в курительные комнаты (чего только можно пожелать), причиной было бы удобство мужчин, которые желают найти убежище в курительной комнате и хотят оставить устриц и рыбалку при себе. Довольно ясно, почему вид королевской сокровищницы табуирован для западноафриканского короля: говоря разговорным языком, если ему позволят увидеть

сокровища, он "посинеет". Табу часто защищает с помощью сверхъестественной санкции собственность и лиц привилегированных классов. Если бы зонтик епископа или баронета был табуирован, его бы не забрали из клуба случайно.

Это простое объяснение охватывает многие табу.

Брат и сестра могут едва ли когда-либо видеть друг друга, не говоря уже о том, чтобы разговаривать или называть друг друга по имени, когда закон, запрещающий браку или любовным связям брата и сестры, является единственным наиболее определенным законом сообщества. "Поэтому нет ничего удивительного, - говорит мистер Джевонс, - в том, что более ранние исследователи обычая" (табу)" считали его искусственным изобретением, частью государственной политики, хитроумно разработанной в интересах знати и священников. Однако в настоящее время от этой точки зрения в целом отказались, "потому что табу" наиболее распространено в сообществах, где нет государственной организации, и процветает там, где нет священников. Прежде всего, вера не искусственна и навязана, а спонтанна и естественна."^[1]

Я сомневаюсь в этой теории. Табу едва ли может процветать больше, чем в Полинезии и Западной Африке, где есть короли и священники. Более того, хотя существуют человеческие общества без королей или священников (как в Австралии), нет обществ, в которых искусственные правила не распространялись бы, не устанавливались и не приводились в исполнение взрослыми мужчинами, собирающимися в советы. Арунта из Центральной Австралии, конечно, далеки от "примитивности". У них есть институты, церемонии, оружие, правила и законченная система философии, для развития которой, должно быть, потребовались неизвестные века. У них есть местные главы, или Алатунджи, чья должность всегда переходит по мужской линии: от отца к сыну, если сын достиг совершеннолетия, чтобы наследовать престол, или, если он еще не достиг совершеннолетия, к брату, после смерти которого она переходит к сыну. Алатунджа, умирающий без сына, назначает своего брата или племянника своим преемником. Господа. Спенсер и Гиллен не знают эквивалента этому закону среди других австралийских племен, и это указывает на то, что среди так называемых "примитивных" арунта наблюдается заметный прогресс по сравнению с другими племенами в социальной эволюции. Алатунджа является наследственным Созывающим Совет, и если способный человек обладает значительной властью. Он является хранителем Таинства группы, определяет дату окончания закрытого времени для определенных видов дичи, дату магических церемоний по выращиванию дичи или съедобных растений и руководит церемониями. На советах, созываемых алатунджа, похоже, могут быть внесены изменения в стереотипизированный обычай. Люди, сведущие в обычаях и искусные в магии, "улаживают все". Явное доказательство фундаментальных нововведений, введенных таким образом господами Дж. Спенсер и Гиллен не обладают; но традиция указывает на изменение обычаев, и вполне возможно, что сильный алатунджа при хорошей поддержке может провести даже радикальную реформу.^[2] Среди знахарей и торговцев спиртным также есть признанные уровни мастерства, которые должны иметь свою долю социального влияния.

Короче говоря, хотя у этих отсталых племен и нет жрецов или королей, у них есть советы, созывающие собрания и директора, должность которых передается по мужской линии. Эти люди на протяжении неизвестных веков формировали обычаи и табу, которые в такой же степени санкционированы традицией и авторитетом, но в такой же мере не являются

"спонтанными и универсальными", как если бы короли и священники изобрели их в целях управления государством. Далее мистер Джевонс утверждает, что табу "не могло быть выведено из опыта. Оно предшествует опыту и даже противоречит ему. Короче говоря, это врожденная тенденция человеческого разума". Точно так же предок Гиббона, герольд в Синей мантии, находясь среди североамериканских индейцев, заявлял, что геральдика - это врожденная тенденция человеческого разума, врожденная идея.

Мнение не обязательно является ошибочным из-за того, что оно устарело, или точка зрения неправильной из-за того, что от нее обычно отказываются. - Я здесь для обслуживания 'вообще отказались от гипотезы, что многие табу, по крайней мере, искусственной и навязанной, против Мистер Джевонс идея, что табу, как и гербы, результаты от 'врожденная склонность человеческого разума, до и даже противоречивый опыт.' [3], что новорожденного опасен, или, что воду, в которой святой человек постирал опасно, - мой собственный опыт не говори мне; в самом деле, я никогда не сделал ни эксперимент: никогда не tubbed в воде, который ранее использовался для епископа. Но я готов признать, что наш опыт не доказывает, что ни младенцы, ни епископы опасны. Вопрос не в этом. Дикарь утверждал, основываясь не на беспристрастном научном эксперименте, а на *воображаемом* опыте. Так, мистер Джевонс упоминает маори, который умер после того, как обнаружил, что съел, сам того не подозревая, остатки обеда святого человека, вождя. Был опыт, вызванный внушением. Это предложение было выдвинуто в интересах священных вождей; как пишет мистер Мэннинг, на них было наложено "табу толщиной в дюйм". Что касается младенца, то даяки, как и в наших собственных сказочных верованиях, придерживаются мнения, что "новорожденные дети - особая добыча злых духов", точно так же, как трупы были в Шотландии, где, если дверь оставляли приоткрытой, труп садился, мыл пол и косил траву. Если наблюдатели покидали его и обедали в "но", в "бене" возникала ужасная *пустота*. Вошел священник, утихомирил суматоху, попросил щипцы и вернулся, держа в щипцах *окровавленную перчатку*! Это он бросил в огонь.

Такого рода вещи противоречат опыту мистера Джевонса, но не *воображаемому* опыту даяков, шотландцев и других рас. Таким образом, общественное мнение устанавливает табу в соответствии с опытом или тем, что считается опытом, и вера подкрепляется внушением, которое приводит к смерти или болезни, когда табу нарушается. По аналогии с инфекционными болезнями, вред, связанный с табуированными вещами, считается заразным.

Таким образом, я не могу согласиться с мистером Джевонсом в том, что человеческий разум снабжен *априорным* категорическим императивом о том, что есть некоторые вещи, которые не следует делать", "чувством", "независимым от чувственного опыта".[4] Если выбор того, чего "не следует делать", кажется нам "иррациональным", то это просто потому, что наш разум более просвещен, чем у дикаря. Он запрещал только такие вещи, как его философия, и то, что он считал своим опытом, показало, что он опасен по неясным причинам. Любому дураку было понятно, что есть ядовитые ягоды или резвиться с медведем опасно. Но потребовалось поразмыслить, чтобы обнаружить, что младенец или труп опасны из-за злых духов, *Ирунтаринии*, которую *Алкна Бума*, или ясновидящая, могла видеть и описывать, хотя мистер Джевонс и я не могли их различить.[5] Эти ирунтаринии, как известно, похищают женщин и, вероятно, подобно феям, имеют наилучшие шансы в час рождения ребенка: во всяком случае, у фей они есть.[6] Вера общественно полезна: она не позволяет молодым женщинам из племени Арунта бродяжничать в одиночку и выходить за рамки дозволенного.

Таким образом, эти табу санкционируются племенными консультантами как результаты опыта, возможно, не их собственного, а *Алкна Бума*, или ясновидящего, или "сенситива", или "медиума", или человека с обычными галлюцинациями. Другие табу, касающиеся женщин, вводятся по очень веским причинам, хотя и не по тем, о которых говорится, и нарушение табу (в реальном обычном опыте) не влечет за собой наказаний, которые, однако, могут быть вызваны внушением.

Таким образом, табу накладывается не иррационально и не в знак уважения к "врожденной тенденции человеческого разума" (эта миссис Харрис из философии), а по очень веской причине, как гласит рассуждение дикарей, и в соответствии с тем, что считается опытом и, благодаря внушению, действительно становится опытом.

Со стороны доктора Джонсона было "иррационально" прикасаться к определенным столбам, обходить определенные камни и дважды входить в дверь, если он впервые вошел в нее не той ногой. Всю свою жизнь у меня были подобные личные табу, хотя никто лучше меня не знает, что это чепуха. Но какой-то уединенный опыт в детстве, вероятно, предполагал причинно-следственную связь, где существовала лишь случайная последовательность предшествующего и последующего, и поэтому мы с доктором Джонсоном (хотя и не так явно, как Доктор) наложили на себя табу из уважения к (воображаемому) опыту. Древний человек действовал таким же образом в широком масштабе, не подчиняясь никакому категорическому *априорному* императиву, а просто руководствуясь своей философией и опытом, которые реальны для него, но не для цивилизованных людей. Обычно они этого не понимают, но образованные люди, в психике которых сохранились остатки дикости, находят это дело понятным.

Но причина некоторых табу, основанная на реальном практическом опыте, должна быть ясна самым цивилизованным умам, за исключением тех, кто плохо голосует в приграничных районах. Человек, находящийся на стадии охотника, *должен* соблюдать охотничьи законы и строго следить за съедобными животными и растениями. Пограничный водоем не допускает близкого вылова форели, предпочитая уничтожать ее, а вместе с ней и ее потомство, когда они станут тяжелыми и непригодными для употребления в пищу человеку, или до того, как они восстановят кондицию.

"Примитивные" арунта не столь иррациональны и проводят время в уединении, защищенные табу или, по крайней мере, церемониями более или менее магического характера. В этих церемониях народа, не занимающегося скотоводством или земледелием, мы, по-видимому, видим зачатки подношения первых плодов богам или духам, хотя австралийские продукты не предлагаются ни духам, ни богам. Эти племена действительно признают великого духа, Тваньирику, но то, что он играет какую-либо иную роль в религии или обществе, кроме руководства племенными мистериями, у нас в настоящее время нет доказательств. Подобные фигуры, связанные с мистериями, в других частях Австралии обросли богатой мифологией и подчинены существу более величественному и отдаленному. Но либо арунта - продвинутые мыслители, вышедшие за рамки таких идей, либо они еще не достигли их, либо наши свидетели неосведомлены по этому вопросу.^[7] В любом случае, первые плоды дичи, личинки и растения Арунты не предлагаются Тваниирике или младшим эльфам, *Ирунтаринии*.

Церемонии, частично предназначенные для того, чтобы сделать существ, используемых в пищу, плодовитыми, а частично, я думаю, чтобы указать, что время закрытия закончилось и что существ можно брать и есть, называются Интичиума. На мумиях, которые, как ожидается, сделают животных и растения обильными, нам нет нужды останавливаться. В каждом случае церемонии проводят мужчины, принадлежащие к тотему зверя, личинки или растения. Считается, что существует тесная и существенная связь между человеком с тотемом кенгуру и всеми кенгуру, между человеком с тотемом личинки и всеми личинками, поэтому каждая тотемная группа творит магию, чтобы распространить своего союзника среди животных или растений. Как возникли эти идеи, мы не знаем. Но если местная группа изначально называлась кенгуру или личинки (и у нее должно было быть какое-то название), ассоциация названий неизбежно привела бы, благодаря ассоциации идей, к представлению о существовании таинственной связи между людьми с тотемным именем и растением, животным или чем-то еще, что дало название. Следовательно, эти люди должны были использовать магию для размножения своих сородичей в животном и растительном мире. Но существование этой связи также наводило бы на мысль, что, соблюдая обычную порядочность, человек не должен убивать и употреблять в пищу своих родственников-животных или растений. В большинстве частей света он воздерживается от этого неподобающего поведения: среди арунта он может умеренно употреблять в пищу свой тотем и должен делать это в конце сезона закрытия или в начале сезона.

Таким образом, он, как ближайший родственник настоящих кенгуру или личинок, объявляет сезон открытым и дает своим соседям из других тотемов преимущество. Теперь они могут начать есть личинок или кенгуру; табу снято. Так, в 1745 году Гаск наложил табу на кукурузу своих арендаторов; они не должны были ее жать, потому что они отказались "встать и следовать за Чарли". Принц Чарльз, услышав об этом, срезал несколько початков своим клеймором, тем самым сняв табу. Точно так же люди-личинки или кенгуру публично съедают немного своего собственного тотема, после чего соплеменники и другие тотемы могут наброситься на них и сожрать. Когда личинки или что бы это ни было, становится много, после магических действий по ее размножению ее собирают и кладут перед некоторыми членами тотема личинки. *Алатунджа*, или организатор, измельчает часть жратвы, он и его товарищи-тотемисты съедают немного и передают массу обратно членам других тотемов. Они едят немного своего собственного тотема, частично, господа. Спенсер и Гиллен говорят, чтобы укрепить свою мистическую связь с этим существом. Это, в некотором смысле, "сакраментальная" идея, хотя растениям и животным не уделяется никакого религиозного внимания. Но мужчины тоже принимают участие, чтобы снять табу и позволить остальной части сообщества объедаться на законных основаниях.[8]

Таким образом, ритуал имеет практическую цель. Личинки или другие существа не уничтожаются преждевременно, как форель на границе. На самом деле, форель сама по себе достаточно разумна, чтобы не начинать кормление майской мухой преждевременно. "На протяжении предыдущей недели, - рассказывает сэр Герберт Максвелл, - было замечено несколько майских мух ... но ни одна форель не ткнула ни в одну из них носом.... Эта нерешительность форели перед началом своего ежегодного банкета - одна из наиболее известных и в то же время наименее объяснимых особенностей двухнедельной майской мухи." [9] Арунта также дает личинкам полностью подняться перед кормлением. Когда определенная луковица созревает, мужчины ее тотема протирают и сдувают шелуху, после чего широкая публика может приступить к кормлению. В этой церемонии нет ничего

сакраментального, она просто открывает сезон поедания клубней. Табу снято. То же самое и в других случаях: люди-кенгуру смазываются жиром кенгуру и съедают немного животного.^[10] Члены племени, не являющиеся кенгуру, могут затем съесть кенгуру. Традиции племени арунта представляют их мифических предков, которые в некоторых случаях питались *исключительно* своими тотемами. Но это не может быть правдой. Человек, добывающий пищу, умер бы от голода, когда закончились бы личинки, и так же поступили бы остальные. "Когда есть фрукты, кошек нет", и человек с тотемом крыжовника, который ел только крыжовник, погибнет жалкой смертью.

Поедание тотема Арунтой не имеет ничего общего с посвящением первых плодов личинок или кенгуру богу или с поглощением качеств духа. Когда шведские крестьяне пекут пирог в форме девочки из последнего снопа молодой кукурузы, они, возможно, изначально ели пирог "как основу кукурузного духа".^[11] Но когда литовский фермер делает первый глоток нового пива — "второе пиво было для слуг" — возможно, он всего лишь заявляет о своем праве собственности и открывает пивной сезон.^[12] В неназванной части Йоркшира священник срезает первую кукурузу; он - *Алатунья*, и начинает сбор урожая. На Целебесе священник открывает сбор урожая риса; все едят его; "после этого каждый может заняться своим рисом". В Сент-Эндрюсе в День награждения (который приходится на время сбора урожая) Алатунджа (то есть новый капитан) забрасывает мяч с первой мишени; после этого каждый может уйти в свою очередь — но не раньше. В некоторых местах, как, например, в Индокитае, первые плоды предлагаются богу; в стране Зулусов король кладет немного в рот каждому присутствующему мужчине, который "может немедленно заняться своим урожаем". Если бы он начал собирать урожай раньше, то умер бы, или, если бы его обнаружили, был бы проткнут копьем или конфискован. Иногда первые плоды предлагаются "святому духу огня". Существуют всевозможные способы и церемонии открытия сезона и снятия табу. Я действительно не думаю, что из этого следует, что первые плоды опасно есть перед церемонией, *потому что* они считаются инстинктом с божественной добродетелью, и, следовательно, их поедание является таинством или причастием.^[13] Есть их опасно, как было бы опасно украсть запрещенный зонтик. На них наложено табу, потому что время близится.

Могут возникнуть и другие идеи, можно подумать, что за нарушением табу следует автоматическое наказание, хотя мы не узнаем, что это имеет место среди арунта. Но происхождение табу на незрелую пищу, я думаю, кроется в совершенно практической идее близкого времени: нельзя преждевременно собирать растения и убивать животных. Более или менее верховное существо огнеземельцев сердится, если вы стреляете по хлопущкам. "Очень плохо стрелять в маленькую утку, идет дождь, дует ветер, очень сильно дует".^[14] "Великий черный человек, от которого никуда не деться и который влияет на погоду в соответствии с поведением людей" прав насчет хлопущек. Он санкционирует необходимый игровой закон. Как (король) Тонги обычно ждал, пока созреет ямс, затем назначал день для его сбора и выполнял религиозную функцию. Вид функции зависит от стадии, на которой достигла местная религия; но своевременность — никаких преждевременных убийств или собирательств — является практической идеей, лежащей в основе всех этих мероприятий по сбору первых плодов. Любое другое суеверие, жертвенное или сакраментальное, может кристаллизироваться вокруг практического примитивного запрета, особенно когда оно санкционировано старым добрым механизмом автоматического наказания за нарушение табу.

Если бы сэр Герберт Максвелл смог убедить мистера Томаса Шоу, члена парламента, что вошедшая в поговорку отвратительная погода на границе является прямым результатом рыбалки, особенно с лососевой икрой, не в сезон; если бы рыбалки не было до тех пор, пока мистер Шоу, отведав первую форель, не объявил сезон открытым; если бы священнослужители всех конфессий почтили своим присутствием впечатляющую церемонию, тогда, я полагаю, что Твид, Эттрик, Тевиот, тысячелистник, Айл и Кале стоили бы того, чтобы снова ловить рыбу.

Табу, как соглашаются м-р Фрейзер и м-р Джевонс, имело свое применение в эволюции морали; но заметьте, что строго моральные правонарушения нигде не подпадают под табу. Вы можете воровать (при условии, что украденный предмет не табуирован и не принадлежит вождю или жрецу), вы можете убивать, вы можете вмешиваться в семейное счастье вашего соседа, вы можете лгать, но автоматического наказания за нарушение табу нигде не последует. Байаме или Пунджел могут наказать вас; но нет мгновенного механического наказания, как при табу.

После написания этой статьи я обнаружил, что опыт, полученный мистером Робертом Льюисом Стивенсоном *в тапу* Тихом океане, привел его к тому же мнению, которое выражено здесь. "Рыбы-дьявола, по-видимому, становилось все меньше на рифе; было сочтено целесообразным прервать то, что мы бы назвали закрытием сезона ... должен был быть объявлен тапу." Описанные тапу "преследуют вполне разумные цели". Есть тапу, которые кажутся нам абсурдными, "но тапу чаще всего является инструментом мудрых и необходимых ограничений".^[15]

Эти табу наложены сверху, правительством. В других случаях, когда табу выражает вывод, вытекающий из дикарского суеверия (скажем, что младенец или труп опасны), табу налагается только общественным мнением. Это мнение утверждается (как и в случае с первыми плодами) действиями Алатунджи, или вождя: в более развитых обществах - королем. Во многих случаях жреческие коллегии налагают табу на самого короля. Но величайшим авторитетом является традиция, опирающаяся на воображаемый опыт.

[1] *Введение в историю религии*, стр. 82.

[2] Спенсер и Гиллен, стр. 10-16.

[3] Джевонс, стр. 85.

[4] Джевонс, стр. 85-87.

[5] Спенсер и Гиллен, стр. 15, 515.

[6] *Там же*. стр. 517.

[7] Спенсер и Гиллен, стр. 222, 246.

[8] Поедание тотема Арунта во время магической церемонии не является религиозным. Мистер Джевонс, однако, приводит это как доказательство "существования тотемного таинства", сохранившегося "в этиологированной форме". "Но какие у нас есть доказательства того, что

тотемы когда-то были "тотемными богами" или каким-либо образом божественными, среди Арунта? Джевонс, "Наука религии", *Международный ежемесячник*, стр. 489, апрель 1901г.

[9] *Воспоминания о месяцах*, 1900, стр. 132, 133.

[10] Спенсер и Гиллен, глава vi.

[11] G. B. ii. 318.

[12] *Там же*.

[13] G. B. ii. 335.

[14] Фицрой, *Путешествие на "Бигле"*, ii. 180.

[15] *В южных морях*, стр. 47-50.

XV

ИДУЩИЙ СКВОЗЬ ОГОНЬ

Возможно, тему этой статьи можно отнести к разделу "Магия", хотя во многих случаях обряд прохождения через огонь санкционирован религией, а неприкосновенность исполнителей объясняется покровительством богов. Иммуитет - действительно любопытная черта. Мистер Фрейзер описывает китайский весенний фестиваль огня весной, связанный с широко распространенным обычаем "возрождения огня" в определенное время года. Главными исполнителями являются труженики, которые должны поститься в течение трех дней и соблюдать целомудрие в течение недели; в то время как в храме их учат, как выполнять трудную и опасную обязанность, которая должна быть возложена на них. "Огонь разводится в огромной жаровне из древесного угля, иногда шириной в двадцать футов". Огонь заправляется солью и рисом, которые бросает в него даосский священник. Далее: "два экзорциста, босые, за которыми следуют два крестьянина, снова и снова обходят костер, пока он немного не погаснет". Затем процессия исполнителей проходит среди большого возбуждения. Их иммуитет объясняется ороговевшей консистенцией подошв, и они страдают, если огонь касается их лодыжек.[1] Г-н Фрейзер приводит различные индийские примеры. Капитан Маккензи счел это представление далеким от "сенсационного" и подумал, что пострадают только девушки с нежными подошвами. У Страбона также приводится случай, когда исполнителями были женщины, и хорошо известен пример Хирпи из Соракте.[2] Мистера Фрейзера интересует главным образом религиозное, магическое или ритуальное значение обряда, которое варьируется в разных местах. С другой стороны, мне кажется, что иммуитет исполнителей является предметом, достойным физиологического исследования.

Эта тема встречается повсюду в истории, легендах, фольклоре, праве и ранней религии, и все же никто не счел нужным собирать древние сообщения и сравнивать их с хорошо подтвержденными современными примерами. В знаменитой работе мистера Тайлора

"Первобытная культура" на эту тему есть лишь один или два случайных намека. "Они построили высоты Ваала в долине сына Еннома, чтобы их сыновья и дочери могли пройти к Молоху", то есть пройти через огонь, "будь то в ритуальном или символическом жертвоприношении".[3] В качестве предполагаемого обряда очищения церемония снова слегка затронута.[4] Еще раз: "Древняя церемония прохождения через огонь или перепрыгивания через горящие головни энергично поддерживалась на Британских островах",[5] а именно, в разгар лета церемонии, когда есть или был обычай перепрыгивать через костры или пробегать сквозь них. Никто не догадается, что обряд сознательного прохождения невредимым через печи все еще существует в Японии, Болгарии, на островах Общества, Фиджи, Южной Индии, Тринидаде, в поселениях Пролива, на острове Маврикий и, без сомнения, в других регионах.

Мы должны проводить различие между такими спортивными играми с огнем, которые недавно преобладали на наших островах, и более серьезной Церемонией возгорания в Центральной Австралии, которая проверяет выносливость, с одной стороны, и очевидным нарушением закона природы - с другой. Опять же, мы должны не принимать во внимание распространенный ответ о том, что руку можно быстро погрузить в расплавленный металл и извлечь оттуда без травм, поскольку нас не беспокоит столь кратковременное воздействие тепла. Еще раз, теория применения какого-то неизвестного химического вещества должна быть отвергнута, потому что, как мы докажем, безусловно, существуют случаи, в которых ничего подобного не делается. Более того, науке неизвестно ни одно вещество — квасцы, разбавленная серная кислота или тому подобное, — которое могло бы предотвратить прижигание.[6] Сэр Уильям Крукс, по крайней мере, не знаком ни с какими подобными научными источниками. Его показания относительно обращения с огнем Д. Д. Хоума общеизвестны, и я понимаю, что мистер Подмор может объяснить это только гипотезой о трюке, разыгранном в невыгодном свете, с помощью асбестовой перчатки или какого-то подобного прозрачного трюка.[7] Возможно, он добавляет немного "галлюцинации" со стороны зрителей. Но об асбесте и галлюцинациях не может быть и речи в тех случаях, которые я собираюсь процитировать.

Хоум находился или притворялся, что находится, в состоянии транса, когда выступал с fire. Лурдская провидица Бернадетт также пребывала в религиозном созерцании, когда позволила пламени свечи играть в ее сцепленных пальцах (которые остались невредимыми) в течение четверти часа.[8] Некоторые индийские преданные, опять же, утверждают, что они "медитируют" на некое божественное существо, проходя над тлеющими углями, а нистинаре из Болгарии, которые танцуют в огне, описываются как находящиеся в более или менее ненормальном психическом состоянии. Но даже это условие отсутствует в хорошо засвидетельствованных раиатских и фиджийских примерах, в которых также не используется никакой химический препарат. Наконец, когда речь заходит о дикарях, особое внимание уделяется твердости кожи их ног, как в уже цитированном примере с Китаем. Но, во-первых, подошва ботинка подгорел бы в сложившихся обстоятельствах, пока их ноги не коснулись; далее, дикари ноги были не кожистые (доктор Хокен Аверс); В-третьих, одним из европейцев, кто прошел сквозь огонь на Раротонге заявляет, что подошвы его ноги особенно нежным. Таким образом, каждое известное физическое или предполагаемое психическое состояние невосприимчивости не соответствует случаю, и мы остаемся полностью без установленной или обоснованной гипотезы "причины, почему" для этих явлений.

Я начну с самых недавних и наиболее достоверно подтвержденных случаев и вернусь в прошлое, к цивилизации. Мистер Трегир, известный лексикограф маори и родственных языков

мангара, недавно прислал мне двадцать девятый номер "Журнала полинезийского общества" за март 1899 г., Веллингтон, Северная Каролина. Профессора Макс Мюллер и Сейс были почетными членами Общества, изучающего полинезийские языки, обычаи и условия жизни. Мистер Трегир свидетельствует о честном характере британского чиновника, который рассказывает о своем собственном эксперименте. Поскольку журнал не имеет широкого распространения в Англии, я цитирую краткий отчет полностью.

ЦЕРЕМОНИЯ УМУ-ТИ, ИЛИ ХОЖДЕНИЯ По ОГНЮ

ПОЛКОВНИК ГАДЖЕН, британский РЕЗИДЕНТ На ОСТРОВЕ РАРОТОНГА

[В этом Дневнике, том ii, стр. 105, мисс Тейра Генри описывает эту церемонию как практикуемую в Раиатеа, из Общественной группы. Недавно мы получили от полковника Гаджена следующий отчет о его опыте хождения босиком по раскаленным камням местной печи, изготовленной на Раротонга человеком из Райатеа. Со времени публикации цитируемой статьи выяснилось, что маори Новой Зеландии были в равной степени знакомы с этой церемонией, которую совершали их предки. Прочитав рассказ полковника Гаджена некоторым старым вождям племени Уревера, они не выразили удивления и сказали, что их предки тоже могли совершать эту церемонию, хотя она давно вышла из употребления.— РЕД.]

Я должен сказать вам, что я видел церемонию возгорания *Уму-ти*.

Печь разожгли примерно на рассвете 20 января, и я заметил, что камни были очень большими, как и поленья, которые использовались в печи для обогрева.

Около 14:00 мы подошли к духовке и обнаружили, что *тохунга* (мужчина из племени райатеа) готовит блюда, и я сказал ему, что, поскольку мои ноги от природы нежные, косточки следует немного выровнять. Он согласился с этим, и, очевидно, он намеревался это сделать, потому что вскоре после этого мужчины с очень длинными шестью, снабженными крюками, начали выравнивать камни в печи, которая была около 12 футов в диаметре. Затем он пошел со своим учеником и указал на два камня, которые не были горячими, и объяснил ему, что причина в том, что они были взяты из *марае*, или священного места.

Затем он размотал два пучка, которые оказались ветками крупнолистной *Ти* (или *драцены*), сорванными, как говорят, с двух из этих деревьев, стоящих близко друг к другу, и говорят, что посвященные могут в таких случаях видеть тень женщины с длинными волосами, называемой *те варуа кино* (злой дух), стоящей между деревьями. Первой срывается правая ветвь, и говорят, что ветви наклоняются, чтобы их сорвали.

Вот и все о шаманизме, а теперь перейдем к фактам.

The *тохунга* (священник) и его *тауира* (ученик) подошли каждый к печи, а затем, остановившись, пророк произнес несколько слов, после чего каждый ударил по краю печи ветками *ти*. Это повторилось трижды, а затем они медленно и неторопливо прошли по раскаленным камням толщиной в две сажени. Когда это было сделано, *тохунга* подошел к нам, и его ученик вручил свою *ветвь* branch томистеру Гудвину, у которого состоялась церемония, и они прошли через нее. Затем *тохунга* сказал мистеру Гудвину: "Я передаю свою *ману* (силу) тебе; веди своих друзей через реку". Итак, европейцев было четверо — доктор У. Крейг, доктор Джордж Крейг, мистер Гудвин и я — и я могу только сказать, что мы

выступили смело. Я переправился невредимым, и только один из группы был сильно обожжен; и с ним, как говорят, заговорили, но, подобно жене Лота, он оглянулся, что противоречит всем правилам.

Я с трудом могу передать вам свои ощущения, но могу сказать вот что: я прекрасно понимал, что иду по раскаленным камням и чувствую жар, но при этом не обжегся. Я почувствовал что-то похожее на легкий удар током, как в тот момент, так и после, но это все. Я не уверен, что должен рекомендовать всем попробовать это. У человека должна быть *мана*, чтобы сделать это; если у него ее нет, будет слишком поздно, когда он окажется на горячем камне Тама-ахи-роа.

Я не могу сказать, что мне удалось бы проделать этот волшебный трюк, если бы я не был одним из отцов полинезийского общества и не был обязан поддерживать превосходство новозеландца во всей Полинезии - более того, во всем мире. Я бы ни за что не пропустил это представление.

Чтобы показать вам, насколько горячи камни, буквально полчаса спустя кто-то заметил священнику, что камни будут недостаточно горячими, чтобы приготовить *ти*. Единственным его ответом было бросить свою зеленую ветку в духовку, и через четверть минуты она запылала. Поскольку я съела изрядную долю *ти*, приготовленного в духовке, могу сказать, что оно было достаточно горячим, чтобы хорошо прожариться.

Я шел босиком, и после того, как мы это сделали, за нами последовало около 200 маори. Насколько я видел, никто не прошел в ботинках. Я шел по печи не быстро, а осторожно, потому что боялся наступить на острые камни и упасть. Мои ступни тоже были очень нежными. Я не упоминала об этом факте, но когда я подходила к духовке, у меня создалось впечатление, что с моих ног вся кожа слезет. Тем не менее, все, что я действительно почувствовал, когда задача была выполнена, - это покалывание, похожее на легкие удары электрическим током по подошвам моих ног, и это продолжалось в течение семи или более часов. Самое забавное, что, хотя через час камни были достаточно горячими, чтобы сжечь зеленые ветки *ти*, очень нежная кожа моих ног даже не затвердела от огня.

Многие маори думали, что они обгорели, но это было не так — по крайней мере, не сильно.

Не думайте, что человек, руководивший этим бизнесом, был старым *тохунгой*. Он молодой человек, но из семьи Райатеа, которые являются потомственными ходоками по огню.

Я могу только сказать вам, что это *мана*—*мана тангата* и *мана атуа*.

По этому отчету можно предложить несколько замечаний. (1) По крайней мере, европейцам не применяли никаких химических, растительных или иных препаратов. (2) "Передача *маны*" (или силы) практиковалась Хоумом, иногда успешно (как утверждается), как, например, когда голова и седые локоны мистера С. К. Холла не пострадали от раскаленного угля; иногда безуспешно. Один мой знакомый священник до сих пор носит волдырь, образовавшийся, когда он принял раскаленный уголь из рук Хоума, о чем он сообщает мне в письме. (3) "Прогулка" была короче, чем кажется обычным: всего 12 футов (4 шага). (4) Друг полковника Гаджена был сильно обожжен, и названная причина была хорошей фольклорной, со времен жены Лота, Феокрита и Вергилия: он оглянулся. (5) Заслуживает внимания ощущение "легкого удара электрическим током". (6) Полковник Гаджен явно считает, что человеку без *маны* лучше не пытаться, и под

маной здесь он, вероятно, имеет в виду "нервы". Поскольку мы вряд ли можем предположить, вопреки Хоуму, что *мана* в сверхъестественном смысле может быть "передана" одним человеком другому, опыт полковника Гаджена, похоже, в равной степени ставит в тупик любую теорию о том, "как это делается". Возможно, мы все сможем это сделать. Люди могут проводить свои собственные эксперименты. Возможно, полковник Гаджен столкнулся с огнем столь необычным образом из-за описания доктором Хокеном фиджийского обряда на Мбенге, острове в двадцати милях к югу от Сувы. Этот отчет был опубликован в "Трудах Новозеландского института", т. xxxi. 1898, было зачитано в Институте Отаго 10 мая 1898 г. и здесь перепечатывается полностью следующим образом:—

ОТЧЕТ О ЦЕРЕМОНИИ ВОЗГОРАНИЯ НА ФИДЖИ

ДОКТОР Т. М. ХОКЕН, Ф.Л.С.

Среди множества инцидентов, свидетелем которых я был во время недавнего посещения тропического острова Фиджи, вероятно, ни один не превзошел по удивлению и заинтересованности тот, о котором я предлагаю рассказать сегодня вечером и к которому можно применить название "огненная церемония". Местные жители называют ее "*вилавилаурево*". В ходе этой замечательной церемонии несколько почти обнаженных фиджийцев быстро и невредимыми проходят по раскаленным добела камням, которыми выстлана огромная местная печь, называемая "*лово*", в которой вскоре после этого готовится сочное блюдо. сладкие корни и сердцевина *Cordiline terminalis*, одного из капустных деревьев, известного маори как "*му*", а фиджийцам - как "*масаве*". Эта чудесная способность ходить по огню в настоящее время не только очень редко используется, но, по крайней мере, на Фиджи, ограничена небольшим кланом или семьей — *На Ивиланката*, проживающей на Бега (= Мбенга), острове группы, расположенном несколько южнее Сувы, и в двадцати милях от этой столицы.

Небольшой остаток жреческого ордена на Раиатеа, одном из Островов Общества, все еще способен произнести подготовительное заклинание, а затем пройти сквозь огонь.

Он существует также в других частях света, например, в некоторых частях Индии, в поселениях Проливов, на островах Вест-Индии и в других местах. Очень интересные описания церемонии в Раиатеа и Мбенге можно найти во втором и третьем томах "Журнала полинезийского общества", а также в очаровательных "Рассказах о южных морях" Бэзила Томсона. Эти описания наполнили нашу маленькую компанию из трех человек — моей жены, доктора Колкхауна и меня — желанием увидеть это собственными глазами и, если возможно, дать какое-то объяснение тому, что казалось необъяснимой тайной. Наши желания были полностью реализованы.

Достопочтенный мистер А. М. Дункан, член Законодательного совета Фиджи и агент в Суве паровой компании "Юнион", которому я вручил рекомендательное письмо от мистера Джеймса Миллса, управляющего директором этой Компании, был очень вежлив и услужлив и обещал приложить все усилия в этом вопросе. Его энергия и готовность откликнуться увенчались успехом, в результате чего большая компания из Сувы наслаждалась таким днем, который каждый из них должен был отметить красной буквой.

Необходимо было дать туземцам три дня на приготовления — соорудить печь и выложить ее камнями, которые затем требовали обогрева в течение тридцати шести-сорока восьми часов, по крайней мере, с помощью яростного костра, в который подкладывали бревна и

ветки. Они также должны были собрать свои запасы еды, чтобы заложить основу для огромного пира, приготовление которого должно было последовать за мистической церемонией. В течение этих трех дней мы не упускали возможности получить от бывших свидетелей церемонии любую информацию или объяснения, которые они могли предоставить, но без особого удовлетворения: факты были неоспоримы, а объяснений совершенно недостаточно. Некоторые думали, что главные действующие лица натирали свои тела секретным препаратом, который делал их огнеупорными; другие - что пожизненное трение о твердые горячие камни, коралловые рифы и пески настолько утолщило и затвердело подошву, что она не поддавалась воздействию огня; но все были согласны *сдобросовестностью* представления. Также подтвердился инцидент, описанный в "Полинезийском журнале", когда леди Терстон бросила свой носовой платок на плечо одного из актеров, и хотя он оставался там всего несколько секунд, прежде чем его сорвали длинной палкой, он сильно обгорел.[9]

История или легенда, связанная с этим странным даром хождения по огню, была рассказана нам, с некоторыми вариациями, двумя или тремя разными людьми, и в основном она такова: Далекий предок нынешних наследников этой силы однажды гулял, когда заметил угря, которого поймал и собирался убить. Угорь пискнул и сказал: "О! Туи На Галите (= англ. Galita), не убивай меня; пощади меня. Я бог, и я сделаю тебя таким сильным на войне, что никто не устоит перед тобой." "О, но, - ответил На Галита, - я уже сильнее на войне, чем кто-либо другой, и я никого не боюсь". "Ну что ж, - сказал угорь. "Я сделаю ваше каноэ самым быстрым, чтобы плавать по этим морям, и никто не догонит его". "Но, - ответил На Галита, - "как бы то ни было, никто не может обогнать мое каноэ". "Ну, тогда", - ответил угорь. "Я сделаю тебя большим любимцем среди женщин, так что все в тебя влюбятся". "Это не так, - сказал На Галита, - у меня есть одна жена, которую я очень люблю, и я не желаю никакой другой". Затем бедный угорь сделал другие предложения, которые также были отклонены, и его шансы на жизнь быстро таяли, когда он предпринял последнюю попытку. "О, На Галита, если ты пощадишь меня, я сделаю так, что ты и твои потомки впредь будете проходить через *печь масаве* невредимыми". "Хорошо, - сказала На Галита, - теперь я тебя отпускаю". Эта история несколько отличается от той, что рассказана в "Полинезийском журнале".[10]

Богатое событиями утро было ослепительно жарким и ослепительно ярким, а на ярко-голубом небе не было ни облачка, когда мы на всех парах спускались к Мбенге в s.s. *Хаурото*. Мистер Воан, выдающийся житель Сувы, возглавляющий тамошний метеорологический отдел, был в нашей группе и нес термометр. Это был самый подходящий для нашей цели экземпляр; он был в прочном корпусе из японской жести и выдерживал температуру 400 ° по Фаренгейту. У нас также было три фотографа-любителя.

Из-за многочисленных коралловых рифов и отмелей мы, наконец, пересели на "*маори*", пароход с гораздо меньшей осадкой. Приближаясь к тихому, покрытому зеленью островку с его узким пляжем из белого кораллового песка, мы увидели тонкую голубую дымку, вьющуюся над высокими кокосовыми деревьями на небольшом расстоянии в глубине острова, что позволило определить местонахождение таинственного места. Теперь мы сели в корабельную шлюпку и вскоре, сойдя на берег, пробирались по узкой тропинке в густом кустарнике, пока не вышли на открытое пространство, расчищенное от леса, посреди которого находилось *большое логово*, или печь.

Теперь перед нами предстала замечательная и никогда не забываемая сцена. Там были сотни фиджийцев, одетых в соответствии с законами природы и их собственным искусством — то есть, они были слегка увешаны тут и там своими фантастическими *ликуликами* из травы, украшенными ярко-алыми и желтыми цветами гибискуса и гирляндами из нежного ленточного дерева. Они в воздушном изобилии свисали с их шей и вокруг талии, выгодно подчеркивая их прекрасную коричневую гляцевитую кожу. Кроме того, многие носили чистые белые хлопчатобумажные *сулусы*, или набедренные повязки с подвесками. Все были возбуждены, двигаясь туда-сюда в диком смятении и заставляя лес снова звенеть от их шумного веселья. Некоторые взбирались на высокие кокосовые пальмы, перебирая руками, нога за ногу, со всей ловкостью обезьян. Достигнув вершины и укрывшись среди перистых листьев, они осыпали своих гостей дождем орехов, чтобы подкрепиться.

Скорость, с которой они открывали орехи, была поразительной и служила примером использования каменных орудий труда. В землю была воткнута толстая палка длиной 3 фута, заостренная с обоих концов, и несколькими ловкими ударами по ней вскоре сорвали с ореха его наружную толстую оболочку. Затем с помощью длинного камня с острыми краями была отколота верхняя часть скорлупы так же чисто и аккуратно, как ножом снимают крышку с яйца, и получилась пинта восхитительного молока - самого желанного напитка в этот невыносимо жаркий день.

Огромная печь лежала перед нами, изливая потоки тепла от огромных углей, которые все еще яростно горели на лежащих под ней камнях. Это были поистине тающие моменты для зрителей. Безжалостное полуденное солнце и не менее безжалостный печной жар, скопившиеся на глубокой, похожей на колодец лесной поляне, довели нас до состояния решения, из которого не было выхода. Несмотря на это, фотографы заняли свои места, а другие из нас продолжили свои наблюдения. *Лово*, или печь, была круглой, диаметром 25 или 30 футов; ее наибольшая глубина составляла, возможно, 8 футов, а общая форма напоминала блюдце с покатыми стенками и плоским дном, последнее было заполнено раскаленными добела камнями. У края духовки, с наветренной стороны, термометр показывал 114°.

Внезапно, словно началось столпотворение, воздух наполнился дикими воплями; толпа туземцев окружила печь и самым изобретательным и эффективным способом принялась вытаскивать тлеющие несгоревшие поленья и отбрасывать их на некоторое расстояние. Большие петли из негорючих лиан, прикрепленных к длинным шестам, были ловко перекинuty через горящие стволы, во многом напоминая манеру охотников за головами в Новой Гвинее, когда они ловили свою человеческую добычу. Один-два оборота петли надежно опутали бревна, которые затем были вытащены объединенными усилиями десятков туземцев, которые все это время выкрикивали какую-то дикую ритмичную песню. После этого камни на дне печи раскрылись, и то тут, то там пламя замерцало и разветвлялось, пробиваясь сквозь щели. Диаметр участка, занятого этими камнями, составлял около 10 футов, но он был быстро увеличен до 15 футов или более с помощью второго остроумного метода. Туземцы воткнули свои длинные шесты, сделанные из нерасходуемого дерева *ви (Spondias dulcis)*, между камнями с интервалом примерно в 1 фут. Длинная, похожая на веревку лиана *-ва*, — ранее помещенная под шесты на расстоянии 1 или 2 футов от их концов, теперь была натянута десятками похотливых дикарей, что привело к разбрасыванию и выравниванию камней. После этого наш

термометр был подвешен с помощью простого устройства над центром камней и примерно в 5 или 6 футах над ними; но его пришлось почти сразу же извлечь, так как припой начал плавиться и капать, а прибор подлежал разрушению. Однако он зарегистрировал 282 ° по Фаренгейту, и несомненно, что, если бы не произошел этот несчастный случай, диапазон в 400 ° был бы превышен, и термометр лопнул.

Во время всех этих диких сцен мы ничего не видели о главных действующих лицах - потомках На Галиты. Несомненно, чтобы произвести более впечатляющий эффект, они прятались в глубине леса до тех пор, пока не будет подан сигнал и не наступит их собственный решающий момент. И вот они появились, числом семь или восемь, под громкие крики окружающих. Достигнув предела, они неуклонно спускались по склону печи гуськом и шли, как мне кажется, неторопливо, но, как думают другие из нашей группы, быстро, по камням и вокруг них, оставляя печь у входа. Лидер, который дольше всех находился в духовке, провел в ней секунду или две меньше полуминуты. Почти сразу же груды мягких и сочных листьев гибискуса, собранных специально для этой цели, были брошены в духовку, которая, таким образом, немедленно наполнилась облаками шипящего пара. На листьях и в клубах пара сидели или стояли вернувшиеся туземцы, давая их, готовясь приготовить различные яства, которые должны были стать для них роскошным пиршеством в этот вечер или на следующий день.

Но для нас самая интересная часть драмы была позади, и оставалось только проанализировать наблюдения и сделать выводы. Как раз перед великим событием дня я получил разрешение осмотреть одного или двух огнеходцев перед тем, как их погрузить в печь. Это было удовлетворено без малейших колебаний главным местным судьей округа Рева по имени Н'Дабеа, но обычно известным как Джонатан. Этот туземец обладает большим умом и влиянием, является членом клана На Галита и сам в разное время проходил через огонь. В этом случае он не принимал никакого другого участия в церемонии, кроме как наблюдал за ней или руководил ею. Двое мужчин, таким образом отправленных вперед для осмотра, не обнаружили никаких особенностей. Что касается одежды, то они были слегка обвиты гирляндами вокруг шеи и талии; пульс не был затронут, а кожа, ноги и ступни были свободны от какого-либо видимого воздействия. Я убедился в этом на ощупь, по запаху и вкусу, не стесняясь использовать свой язык в качестве подтверждения. Подошвы были сравнительно мягкими и гибкими — ни в коем случае не кожистыми и не бесчувственными. Таким образом, были отвергнуты две суванские теории. Этот тщательный осмотр был повторен сразу после извлечения из духовки с тем же результатом. Выражаясь языком Священного Писания, "до них не донесся запах огня". Не было произнесено никаких заклинаний или других религиозных церемоний. Хотя раньше это практиковалось, с приходом христианства они постепенно вышли из употребления. Мне не удалось раздобыть старую формулу заклинания; несомненно, она была похожа на формулу древней раиатской церемонии, которая приведена во втором томе "Журнала полинезийского общества", стр. 106.

Проходя сквозь огонь, доктору Колкхауну показалось, что лица ходящих по огню выражали некоторую тревогу. Я ничего этого не видел, и ни при одном осмотре мне это не было очевидно. Камни, которые были базальтовыми, должно быть, раскалились добела, но из-за яркого света дня этого не было видно.

Различные туземцы, которых допрашивали за объяснениями, отвечали, пожимая плечами: "Они могут делать эту замечательную вещь, а мы не можем. Вы видели это; мы видели это". Хотя, таким образом, я не могу предложить никакого объяснения или теории, я абсолютно уверен в истинности фактов *идобросовестности* действующих лиц. Особенность заключается в том, что везде, где обнаруживается эта сила, ею обладают лишь немногие. Меня также заверили, что любой человек, держащий за руку одного из огнеходцев, может сам пройти через печь невредимым. Это положительно утверждают туземцы.

Мой друг мистер Уолтер Кэрю, в течение тридцати лет постоянный комиссар и получающий стипендию магистрат на Фиджи, часто беседовал с Джонатаном (упомянутым выше), который, хотя и не утаивает никаких объяснений, но и не может их дать. Он говорит: "Я могу это сделать, но я не знаю, как это делается"; и, далее, что в это время он не испытывает никакого жара или других ощущений.

Объясняет ли какое-либо психическое состояние эти факты, как предлагается в "Современной мифологии" Ланга?^[11] Я, конечно, не наблюдал никаких признаков транса или другого психического состояния. В связи с этим мистер Кэрю считает, что причиной является глубокая вера, и что если бы это было нарушено, потомки На Галиты больше не были бы очарованы. Но трудно понять, как какое-либо психическое состояние может помешать действию физического закона. Гипноз и анестетики могут вызывать нечувствительность к боли, но не мешают прижиганию.

Многие из так называемых огненных чудес действительно замечательны, но их легко объяснить, и они ни в коем случае не относятся к данной категории. Такие, например, как погружение руки, которая защищена вставленной пленкой пота, принимающей шаровидное состояние воды, в кипящий свинец. Аналогично, многие фокусы. В начале нынешнего столетия итальянец по имени Лионетти провел замечательные эксперименты: натер руки, ноги и волосы раскаленным докрасна железом и зажал его в зубах; он также пил кипящее масло. Доктор Сементини из Неаполя тщательно изучил эти эксперименты и экспериментировал сам, пока не превзошел огнеупорные качества своего суггестора. Он обнаружил, что частое трение сернистой кислотой сделало его нечувствительным к раскаленному железу; раствор квасцов сделал то же самое. Слой сахарной пудры, покрытый мылом, сделал его язык нечувствительным к жаре. В этих и подобных примерах, однако, было дано объяснение, хотя, вероятно, и не очень достаточное, но в том, что составляет предмет данной статьи, не было предложено никакого решения. Следует ознакомиться с главой Ланга о "Хождении по огню"; его рассказ о болгарских нистинарах столь же прекрасен и необъясним, как все, что здесь рассказывается. Весь этот предмет требует тщательного научного изучения.

Мой следующий случай произошел среди цивилизованной расы, японцев, и за него ручаются мистер Лафкадио Хирн, американский писатель, книги которого у меня нет под рукой, и полковник Эндрю Хаггард.^[12] Полковник Хаггард видел огненную прогулку в Токио 9 апреля 1899 года. Костер был 6 ярдов в длину и 6 футов в ширину. Обряд проводился в честь горного бога. Исполнители совершали омовения в холодной воде, и одна молодая леди рассказала полковнику Хаггарду, что она не только прошла через огонь, но и "смогла долго сидеть зимой, погруженная в ледяную воду, ни в малейшей степени не чувствуя холода". После нескольких взмахов палочками и посыпания солью люди всех возрастов прошли сквозь нее, в данном случае не раскаленные камни, а "раскаленный уголь". "Потом я осмотрел их ступни: они были

довольно мягкими, на них не было и следа огня". Полковник Хаггард говорит, что этот обряд - "очень необычная вещь" в Японии: многие японцы, живущие в Токио, никогда раньше о нем не слышали. Полковник Хаггард не смог получить никакого внятного ответа относительно того, почему совершается этот обряд. Священник говорил что-то о добром Боге, который имел власть над злой стихией огня. Непонятно, каким образом при столь необычном обряде две японские леди сказали полковнику Хаггарду, что они "часто проходили через огненное испытание".

Если кому-то не терпится узнать подробности обряда, практикуемого на острове Маврикий, он может связаться с тамошними полицейскими, которые ежегодно наблюдают за проведением обряда. Кули из южной Индии делают то же, что японцы и фиджийцы. Однако наша администрация не разрешает женщинам проходить через огонь.

После приведения этих недавних примеров на Маврикии, Японии, Раротонга и одном из островов Фиджийской группы я вынужден вернуться к свидетельствам, уже изложенным в главе XII моей книги "Современная мифология" (1897). Болгарскую практику я беру из "Справочника по фольклору, литературе и науке", редактируемого болгарским министром народного просвещения при содействии доктора Шишманова (которого я знаю лично) и Мастова. В частном письме доктор Шишманов намекает на *чрезмерную религиозность*, например, на членовредительство дервишей и факиров. Их поступки достаточно необычны, но религиозного экстаза не было ни у шестилетнего японского мальчика, которого полковник Хаггард видел проходящим через огонь, ни у полковника Гаджена, ни у фиджийцев, которых наблюдал доктор Хокен. Огнеходцев в Болгарии называют *Нистинарес*, и эта способность считается *наследственной*. То же самое мнение мы находим на Фиджи, в древней Италии и в Испании прошлого века. В Испании ходящие по огню помогали тушить пожары. История приведена в эссе о последнем графе Маришале в моей книге "Спутники Пикля" (стр. 24) и взята из рассказа д'Аламбера о графе: "В Испании есть семья или каста, которые от отца к сыну обладают способностью идти в огонь, не обжигаясь, и которые с помощью чар, разрешенных инквизицией, могут тушить пожары". Герцогиня Медина Сидония сочла это доказательством истинности католической веры и, желая обратить графа в свою веру, попросила его посмотреть представление. Но он настоял на том, чтобы самому разжечь костер, а испанцы на это не согласились, поскольку граф был еретиком.

Возвращаясь к болгарским нистинарам, они танцуют в огне 21 мая, в праздник Св. Елены и Константина. Елена и Константин. Разводятся большие костры из десятков телег сухих дров. На тлеющих углях нистинаре (у которых синеют лица) танцуют и произносят пророчества, после чего опускают ноги в грязную землю, на которую были пролиты возлияния с водой. В отчете ничего не говорится о состоянии их ног. Нистинаре начинает ощущать воздействие огня после того, как к его лицу возвращаются привычный цвет и выражение.

Что касается Индии. Я могу процитировать мистера Стокса в "Индийском антикваре" (ii. 190); доктора Опперта в его книге "Исконные жители Индии" (стр. 190); и мистера Крукса во "Введении в популярную религию и фольклор Северной Индии" (стр. 10). Мистер Стоукс использует свидетельства следствия по делу мальчика, который попал в огонь и умер от полученных травм в Периангриди. Яма для костра была 27 футов в длину, 7 футов в ширину и пядь в глубину. Через нее прошли тринадцать человек. Мистер Стоукс не был свидетелем этого

представления (что запрещено нашим законом), но объясняет, что огонь "вряд ли повредил бы жесткую кожу подошв ног рабочего". И все же он убил мальчика!

Недоверчивые говорят, что ходящие по огню смазывают свои ноги маслом из жира зеленой лягушки. Доктор Опперт, признавая, что "по соседству с канавой невыносимая жара", говорит, что гуляющие "как правило, не причиняют себе большого вреда". Это расплывчато. Столь же расплывчатой является ссылка на слухи о некой консервирующей мази.

В Тринидаде. Мистер Генри К. Сент-Клер из Британской Вест-Индии в письме ко мне описывает (14 сентября 1890 г.) подвиг, совершенный индийскими иммигрантами-кули. Он лично был свидетелем ритуала, похожего на тот, что описал мне мистер Стивен Пондер. В обоих случаях исполнителями были клин. Случай, свидетелем которого был мистер Пондер, произошел в поселениях Стрейтс, провинция Уэлсли. Траншея была около 20 ярдов в длину, 6 футов в ширину и 2 фута в глубину. Костер из дров высотой 4 или 5 футов разожгли в полдень; к 4 часам дня он превратился в груды раскаленных углей. Мужчины, которые длинными граблями разгребали золу, не могли выносить жары "больше минуты кряду". Недалеко от конца траншеи была яма, полная воды. Шестеро кули прошли весь путь, а оттуда в воду. "Ни у одного из них не было ни малейших признаков увечий". Их подготовил "дьявольский доктор", а не брамин. Позже мистер Пондер услышал, что один из них упал и "сильно обгорел".

В этих случаях на Тринидаде (и Маврикии) и в поселениях Стрейтс исполнителями являются южноиндийские кули. Во всех случаях было множество европейских зрителей, за исключением Маврикия, где, как я узнал, европейцы обычно не проявляют интереса к деяниям язычников.

Возвращаясь к Тонге, у нас есть отчет мисс Тейры Генри.^[13] Сестра и ребенок сестры мисс Генри ходили по раскаленным камням, как в случаях с островами Раротонга и Фиджи. Печи имеют диаметр 30 футов. Представление было сфотографировано лейтенантом ВМС Франции Морне, а оригинал фотографии был отправлен редактору "Полинезийского журнала", а копия - мистеру Барнфилду из Гонолулу. Церемония, подготовительная к приготовлению растения *ти*, носит религиозный характер, а исполняемый архаичный гимн полон устаревших слов. Мистер Хаствелл из Сан-Франциско опубликовал трактат о райатском обряде, свидетелем которого я не был. Камни были раскалены до красно-белого каления". Туземцы "неторопливо прошли по ним" пять раз; "от их одежды даже не пахло огнем" (цитируется в "Полинезийском журнале", том ii, № 3). В "Полинезийском журнале" есть подтверждающее свидетельство мистера Н. Дж. Тона из провинции Уэлсли, Стрейтс Сеттлментс, ii. 3, 193. Он не видел самого обряда, придя слишком поздно, но увидел яму для костра и осмотрел голые ноги идущих. Они не пострадали. Свидетельство мистера Тона - это выдержка из его дневника.

Что касается Фиджи, то существуют различные версии. Лучший - это труд мистера Бэзила Томсона, сына покойного архиепископа Йоркского. Мистер Томсон был официальным лицом на Фиджи и является известным антропологом. Его набросок в "Рассказах о южных морях" (стр. 195, и далее) слишком длинный, чтобы его цитировать. Этот обряд проводится ежегодно, перед приготовлением *масаве* (*драцены*) в печи, через которую проходит клан На Ивиланката. "Яма была заполнена раскаленной добела массой, из которой вырывались маленькие язычки белого пламени". "Дно ямы было покрыто ровным слоем раскаленных камней... языки пламени постоянно играли среди них. "Ходоки ставили "свои ноги прямо и твердо на каждый камень". Мистер Томсон внимательно осмотрел ступни четырех или пяти туземцев, когда они вышли. "Они были прохладными, и на них не было следов ожога, и их ножные браслеты из сухого

древесного папоротника не обгорели", хотя "сухой древесный папоротник горюч, как трут". "Подъем покрыт кожей не толще нашей собственной, и мы видели, как мужчины аккуратно опирались ногами о камень." Большой камень был вытащен из ямы до того, как вошли мужчины, и один из группы уронил на камень носовой платок ", когда первый мужчина прыгнул в печь и схватил то, что от него осталось, когда последний бросил камни "Каждая складка, касавшаяся камня, была обуглена. Мистер Томсон любезно показал мне носовой платок. Он также показал мне довольно размытую фотографию странной сцены. Она была грубо воспроизведена в "Журнале народных преданий" за сентябрь 1895 года.

Такова часть современных свидетельств; о древних см. "Энеиду", xi. 784*и последующие*; Сервий об этом отрывке; Плиний, "Hist. Nat." vii. 2; Silius Italicus, v. 175. Это свидетельство относится к хирпи горы Соракте, классу, освобожденному римским правительством от военной службы, потому что, как говорит Вергилий, "Сильные в вере, мы проходим сквозь огонь и оставляем свои следы в пылающей массе". Хирпи, или волки, возможно, изначально были тотемной группой, подобной волчьему тотему краснокожих индейцев Тонкауэй; у них, как и у тонкауэй, был обряд, в котором им было сказано "вести себя как волки".^[14] Богиней, умиловленной во время их хождения по огню, была Ферония, богиня огня (Макс Мюллер), или богиня молнии (Кун), или богиня кукурузы (Маннхардт). Каждый из этих ученых основывает свое мнение на этимологии.

Я просто привел доказательства древности, широкого распространения и реальной практики этого необычного обряда. Ни физическая, ни антропологическая наука даже не взглянули на это (за исключением случая доктора Хокена), возможно, потому, что факты явно невозможны. Я должен был бы сделать исключение для сэра Уильяма Крукса, но у него, несомненно, были галлюцинации, или он был одурачен употреблением асбеста, или и то, и другое. Возможно, мистер Подмор сможет применить эти объяснения к зрителям, которых я процитировал. Со своей стороны, я остаюсь без теории, как и все европейские наблюдатели, которых я процитировал. Но, по моему скромному мнению, все обычные теории, будь то о коллективной галлюцинации (галлюцинации фотографических камер), о психических причинах, о применении химических веществ, о кожистой оболочке на подошвах ног и так далее, неадекватны. Остается "предложение". Любой гипнотизер, с разрешения своего пациента (в письменной форме и при свидетелях), может провести этот эксперимент.

С тех пор, как была написана эта статья, я видел статью доктора Т. Паскаля "Хозяева тьмы" на ту же тему.^[15] Первая часть эссе представляет собой выдержку из "Французского теософического ревю". Дата не указана, но описанный обряд был просмотрен в Бенаресе 26 октября 1898 года. Я не могу понять, является ли доктор Паскаль сам зрителем и рассказчиком "Теософского ревю", или же он цитирует (он использует кавычки) какого-то другого писателя. Явления были обычного рода, и автор, осмотрев ступни двух исполнителей, обнаружил, что кожа на подошвах тонкая и неповрежденная. В четырех случаях, когда исполнители вошли в костер после того, как процессия — вместе с церемониймейстером и двумя возбужденными людьми, которые раскалывали кокосовые орехи мечами, — ушла, были небольшие прижигания, зажившие два дня спустя. Автор этого отрывка говорит о брахмане (очевидно, "Распорядителе церемоний"), который заметил м-ру Говинде Дасу, "что контроль над огнем был не таким полным, как обычно, потому что к изображениям святилища прикасались мусульмане и другие люди в толпе".

Второй случай, не приведенный в кавычках, произошел в парке Магараджи Тагора 7 декабря 1898 года. "Присутствовал француз, сын доктора Жавала из Парижа". Рассказчик, "ноус", также

присутствовал и поднялся после обряда, чтобы рискнуть сунуть руку в печь. Его предупредили, что Браммин ушел десять минут назад и что "огонь восстановил свою активность". Однако Махараджа приказал повторить церемонию, и через несколько минут все было готово. Затем рассказчик пересек костер босиком со скоростью *un petit trot*, "чуть менее двух шагов в секунду". Поскольку 100 ярдов можно пробежать за десять секунд, эта рысь была удивительно медленной. На первом и втором шагах он почувствовал жжение, на пяти следующих шагах - сильный жар. На его ступнях были три маленьких коричневых отметины, которые образовали волдыри, но не мешали ходить и зажили "через несколько дней". Теперь он узнал, что *главный помощник* брамина провел церемонию не совсем успешно. Он убежден, что, если бы не церемония, он был бы серьезно ранен.

Третий случай произошел в Бенаресе в феврале 1899 года. Трое индусов столкнулись и упали в воду: ни они, ни их одежда не сгорели.

Автор явно считает, что исполнители церемонии способны "значительно укротить разрушительную энергию огня". Это, конечно, теория диких приверженцев. Церемония представляла собой всего лишь процессию священных изображений, которые несли в застекленном святилище, и брамин произносил слова, неизвестные зрителю. Окропили святой водой и бросили в духовку кокосовый орех. Как уже было сказано, заклинания произносятся на Фиджи и в других местах.^[16]

Следующий случай произошел недавно: он взят из "Дейли мейл", 9 ноября 1900г.

ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ

Согласно "Japan Herald", в прошлый понедельник группа выдающихся американцев (американский министр и его жена, два военно-морских офицера и другие) присутствовали на религиозных обрядах онтакэ джинша, могущественной секты синтоистов.

В большую печь была помещена куча горящего древесного угля. Исполняющий обязанности священника прочитал службу над огнем, после чего иностранные гости в количестве семи человек, включая дам, сняли обувь и прошли через огонь, на их голых ногах не было никаких признаков ожога.

Представление вызвало, говорится в отчете, восторженное одобрение зрителей.

Еще более недавним является следующий случай из Гонолулу, репортером которого был мистер Гортен, корреспондент "Бостон Ивнинг Транскрипт", 20 марта 1891 года. Мы цитируем отрывок:—

Мы уже были свидетелями еще одного странного зрелища, наводящего на мысль о некромантии и заклинаниях Востока. Папа Ита, таитянин, показал нам знаменитое хождение по огню, которое до сих пор практикуется на островах Южного моря и в некоторых частях Японии и Индии. На пустыре, охваченном год назад пожаром в Чайнатауне, была вырыта большая эллиптическая яма и уложено в нее большое количество дров, на которые были навалены лавовые камни. Огонь горел весь день, пока камни не раскались добела; тогда седовласый туземец с Таити подошел к раскаленной печи, одетый в халат из белой тапы, с поясом и головным убором из священных листьев ти и пучком листьев в руке вместо жезла. Ударив по земле жезлом из листьев ти, он произнес

заклинание на своем родном языке, которое было молитвой своим богам умерить жар и позволить ему пройти; затем спокойно и неторопливо, босиком, он прошел вдоль ямы, высоко подняв жезл из листьев ти. Задержавшись на мгновение на другой стороне, он снова ударился о землю и вернулся по той же огненной траектории. Это повторилось несколько раз, и он даже остановился на несколько секунд посреди ямы, чтобы дать возможность сфотографироваться. Камни, несомненно, были горячими, и их переворачивали с помощью длинных шестов непосредственно перед ходьбой, чтобы самая горячая сторона была обращена вверх, а из промежутков между камнями постоянно вырывалось слабое пламя. Жар, исходивший от зрителей, был очень сильным. Это был факт, что другие последовали за папой Итой в обуви, но не нашлось никого, кто согласился бы принять постоянное предложение в размере 500 долларов тому, кто босиком последует за папой Итой. Никто, кроме местных жителей, конечно, не верит, что существует что-то сверхъестественное, но мы не можем объяснить, как он это делает. Это нельзя назвать подделкой, потому что он действительно делает то, за что себя выдает, и пока никто не осмеливается ему подражать. Туземцы падают ниц перед ним, как перед великим Капуной, и многие, заинтересованные в благополучии гавайцев, сожалеют об этих выставках, чувствуя, что это плохо для туземцев, поскольку это укрепляет их старые узы суеверий, сводя на нет большую часть достигнутого ими прогресса. Как раз сейчас Папа Ита совершает поездку по другим островам группы, и ходят слухи, что его менеджер повезет его на панамериканскую выставку в Буффало. В таком случае люди в Штатах смогут сами увидеть и оценить эту любопытную выставку.

Я заканчиваю единственным примером (переданным от корреспондента мистером Т. С. О'Коннором) подтвержденного использования мази для уменьшения эффекта пожара. Доктор Хокен и полковник Гаджен, как мы видели, не нашли никаких следов этого устройства; оно также не упоминается в японских свидетельствах.

Испания, Тринидад, Британская Колумбия, 8 июня 1897 года.

Некоторое время назад вы упоминали ходящих по огню. Я видел выступление некоторых из этих джентльменов совсем недавно и получил объяснение от нашего клиента-кули, который наблюдал за происходящим вместе со мной. Кажется, они натирают себя маслом, приготовленным из корня табукутча (латинского названия не знаю), которое обладает свойством выделять обильный пот, и в сочетании этих двух факторов образуется маслянистый покров, который нагревается очень медленно и его трудно высушить при нагревании. Но даже в этом случае важно, чтобы мужчины были хорошими Стоиками. Я даю объяснение, чего это стоит, но сам видел приготовление и попросил человека, который был готов к обряду, соскрести немного этого вещества, выложить его на кусок жести и поддержать на огне, и оно, конечно, не высохло и не нагрелось в спешке.

Ясно, что это объяснение не объясняет некоторые случаи, когда помазание не используется. Мы можем только согласиться с доктором Хокеном в том, что эти показатели заслуживают изучения физиологами и врачами. Объяснение Ямвлиха "они ходят по огню невредимыми" состоит в том, что "бог внутри них не позволяет огню причинить им вред". Это подразумевает, что возвышенное психическое состояние исполнителей обеспечивает их невосприимчивость. Но в тех случаях, где принимали участие европейцы, и даже при обследовании туземцев доктором Хокеном не было обнаружено никаких признаков, кроме нормального психического

состояния. По мере поступления новых данных, возможно, не исключено, что наука заинтересуется этой проблемой.

- [1] G. B.. iii. 307, 308, со ссылкой на *Международный архив этнографии* (1896), стр. 193-195.
 - [2] Г. Б.. iii. 311, 312; Страбон, xii. 2-7, для Кастабалы в Каппадокии; Вергилий, *Эн.* xi. 784; и комментарий Сервия.
 - [3] *Первобытная культура*, ii. стр. 281.
 - [4] *Там же.* ii. стр. 429.
 - [5] *Там же.* i. стр. 85.
 - [6] Смотрите примечание в конце главы.
 - [7] *Исследования в области психических исследований*, стр. 58-59.
 - [8] Доктор Дозус рассчитал время "чуда". Буассари, *Лурд*, стр. 49.
 - [9] Я не видел эту учетную запись.
 - [10] Смотрите также "*Пряжу Южных морей*" мистера Томсона.
 - [11] Теперь я бы отозвал это предложение в свете недавних доказательств.
 - [12] *Поле*, 20 мая 1899 г., стр. 724.
 - [13] *Полинезийский журнал*, том ii. № 2, стр. 105-108.
 - [14] Сервер. *Энейд*, vii. 800.
 - [15] *Анналы психических наук*, июль-август 1899г.
 - [16] В журнале "*Широкий мир*" (декабрь 1899 г.) японская леди описывает представление, свидетелем которого был уже цитировавшийся полковник Хаггард.
-

ПРИЛОЖЕНИЕ А

ТЕОРИЯ ЗАИМСТВОВАНИЯ МИСТЕРА ТАЙЛОРА

Я так нервничаю из-за разногласий с мистером Тайлором относительно заимствования краснокожими индейцами идеи высшего творческого существа у иезуитов, что пересмотрел его эссе.[1] Он утверждает, что "Великий Дух принадлежит не необразованным, а образованным умам дикарей." Я не утверждаю, что слова "Великий Дух" имеют местное происхождение и используются для обозначения того, что я называю высшим существом. Я считаю, что туземцы необузданно верили в такое существо, а не в то, что они называли его "Великим Духом".

Мистер Тайлор отсылает нас к "Отношениям супругов", 1611, стр. 20, Квебекское издание 1858 года. Здесь (для перевода отрывка) Я читал: "Они верят в бога, так они говорят, но могут называть его только именем солнца, *Нускамину*, и не знают ни молитв, ни способа поклонения ему". Когда они голодны, они надевают священные одежды, поворачиваются к востоку и говорят: "Наше Солнце, или наш Бог, дай нам поесть". Итак, вот молитва, облачение и обращение к востоку. Таким образом, иезуиты не вводили их в первый раз; они также не вводили концепцию высшего существа, о котором так умоляли.

Аналогичное отношение к солнцу как к существу, к которому обращаются в молитве, существует и сейчас среди черноногих индейцев Америки. У них слово *Natos* означает "святой или божественный", а также является названием солнца. Натосу возносятся молитвы и жертвоприношения, а также исполняются жестокие обряды танца Натос. Добродетельным раздают языки крупного рогатого скота: "этот обряд имеет характер таинства". Молодые люди приносят в жертву палец в знак признания того, что Натос ответил на молитвы. "Молитва возносится только Натосу, и все в Окане" (церемония) "священно только для него". [2]

Это передовые, тщательно продуманные и полностью местные обряды, зародыш которых можно найти в религиях, описанных в иезуитских "Отношениях" 1611 года.

Мистер Тайлор говорит: "особенно благодаря миссионерскому влиянию, начиная с 1500 года, идей ... посмертное возмездие за деяния, совершенные при жизни, было привито туземному политеизму в различных частях мира." Но его иезуитский авторитет 1611 года в цитируемом им отрывке пишет: "Они верят в бессмертие души и в воздаяние хорошим и плохим людям, смутно и в общих чертах, но они больше не ищут и не заботятся о том, как обстоят такие вещи" (*комментарий cela doit estre*). Авторитет мистера Тайлора, признаюсь, не кажется мне подтверждающим его мнение. Туземцы верили в грядущее "возмездие".

Другие его тексты [3] показывают нам дикарей, консультирующихся каждый со своим маниту, "могущественным существом" (*quelque nature puissante*) или дьяволом. Маниту - это "любое высшее существо, хорошее или злое": Бог иезуитов - это *добрый Маниту*, сатана - это *моветон Маниту*.

Я не утверждаю, что эти фразы больше похожи на голубиный французский язык дикой стаи, или что высказанные идеи позже не укоренились в их умах. Но мистер Тайлор в своем эссе 1892 года опускает то, что он цитирует в своей "Примитивной культуре", свидетельство иезуитов 1633 года (стр. 16) об "одном атахокане, который создал все". Однажды, разговаривая о Боге в хижине, они спросили меня: "Что такое Бог?" Я ответил: "Всемогущий, сотворивший небо и землю". Затем они начали говорить друг другу: "Атахокан, Атахокан, он и есть Атахокан". "У них нет поклонения, которое они привыкли воздавать тому, кого они считают своим богом". (Это религиозное состояние кафров, описанное Душ Сантушем в "Пинкертоне", xvi. 687.) Теперь меня интересует Атахокан, как человек, предшествовавший миссионерству: без сомнения, его не звали *добрым Маниту*— но это был он! В 1634 году отец Ле Жен проконсультировался с очень враждебно настроенным колдуном, который минимизировал Атахокана. "Они не знают, - сказал колдун, - кто был творцом мира, возможно, Атахокан: это было неопределенно. Они говорили об Атахокане только так, как говорят о чем-то столь отдаленном, что это вызывает сомнения. На самом деле слово *Нитатахокан* означает на их языке "Я рассказываю историю,

старинную сказку". [4] "Колдун", слуга знакомых духов, не проявлял интереса к Атахокану, хотя соплеменники признавали в нем Бога и Создателя отца Ле Жене. Существовала лишь угасающая традиция первозданного творца; интересная и важная только потому, что она шла на убыль и, следовательно, не могла быть представлена свежими европейцами. Существами, получавшими жертву, были *Кичикуаи*, которым они с молитвой бросали жир в огонь. [5] Мне кажется, что эти приветливые фамильярные призраки, практически пригодные для использования, отодвинули скучного Атахокана на задний план. Но он, как и Андуньи, Кьетан и другие, несомненно, был там до иезуитов, и эти существа упоминаются мистером Тайлором в другом месте. Вопрос заключается в существовании веры в такое существо, а не (по крайней мере, для меня) в происхождении, которое вполне может быть постевропейским, слов "Кичи Маниту, или Великий Дух". Если манданы верили, как не отрицает г-н Тайлор в "Омаханке Нумакчи, Творце, чье имя, по-видимому, означает "Владыка Земли", то совершенно неважно, что "нет манданского божества, чье имя соответствует имени Великого Духа". [6]

В первом эссе этой книги я упомянул версию мистера Макса Мюллера рассказа епископа Сальвадо о Мотагоне, умершем творце из Западной Австралии. Мистер Тайлор узнает в нем Меттагонга сэра Джорджа Грея, "незначительного демона, отождествляемого с фосфорным грибом". Но умер ли этот демон "давным-давно в дряхлой старости", как Мотагон епископа Сальвадо? Похоже, нет никакой надежды добиться от Motagon чего-либо ясного. Мистера Олдфилда, цитируемого мистером Тайлором от Австралии, я никогда не цитировал: его рассказ не может быть достоверным. Однако туземцы, возможно, верили в злого духа до того, как украсили его рогами, как утверждает мистер Олдфилд, которых нет ни у одного местного животного. "Их доктрина *орогатом* дьяволе" должна быть современной, хотя и не обязательно их вера в злого духа. С теорией мистера Тайлора о Байаме как о "миссионерском переводе слова, обозначающего творца", сделанном еще в 1850 году, я уже имел дело в моем втором эссе, показывающем, что Байаме - это исконное слово, существовавшее до миссионерства, какова бы ни была его этимология. Миссис Лэнглох Паркер переводит это не как "создатель" (от *baia*- кроить или фасонировать), а как "большой человек".

[1] J.A.I.. Февраль 1892г.

[2] *Танец Солнца черноногих*, преподобный Дж. Маклин, Торонто. 1889.

[3] *Rel. des Jésuites*, 1633, стр. 16; 1637, стр. 49.

[4] *Rel. des Jésuites*, 1634, стр. 13.

[5] Там же. стр. 32, 33.

[6] J. A. I.. Февраль 1892 г., стр. 287.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

МУЧЕНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ ДАСИУСА

Трудно установить факты об этом деле. Вот первые два кратких рассказа. Один напечатан в "Ménologie de Basile".^[1] Другой в Cod. Ambrosianus, D 74, fol. 65r. М. Кумон считает, что оба имеют единый источник, а именно сокращенный вариант "Деяний святого Дасиуса", опубликованный им самим по "Паризину" 1539 года, рукописи одиннадцатого века. В двух кратких поздних повествованиях говорится, что *греки* в Доростоле ежегодно устраивали праздник Кроноса. За тридцать дней до праздника они выбрали красивого молодого воина, облачили его в царские одежды и дали ему тридцать дней разгула, после чего он должен был принести себя в жертву на алтаре Кроноса. Жребий пал на Дасия, который предпочел умереть как мученик за Христа. Диоклетиан и Максимиан, услышав об этом, повелели предать его мечу. Вторая рукопись называет Басса офицером, трибуналом которого Дасиусу было предъявлено обвинение.

В длинной рукописи, впервые опубликованной М. Кумоном, говорится, что человек, на которого пал жребий, олицетворял самого Кроноса. На тридцатый день разгула он погиб от меча как жертва "нечистых идолов". Затем автор добавляет, что в его время так называемые христиане поклонялись дьяволу, танцую в звериной шкуре на новый год, который не совпадает с датой Сатурналий (17-23 декабря). В отличие от этих грешников, которые таким образом отдают себя дьяволу, Дасиус решил отказаться быть жертвой языческим богам. Он никогда бы не принес себя в жертву Кроносу. Он объявил себя христианином, был брошен в темную камеру и на следующий день предстал перед Басом, "легатом".

Басс спросил, в чем его обвиняют, его имя и профессию. Дасиус назвал свое имя, профессию и вероисповедание. Басс (который, по-видимому, был мягким человеком) велел ему почитать изображения императоров, соль которых он ел (δωροδομένων ἡμῖν τὰ σιτηρέσια). Дасиус в духе завета ответил, что он не служил никакому земному монарху. Басс снова призвал его поклоняться изображениям Императора, "которым отдают дань уважения даже варварские народы". Дасий бросил вызов дьяволу и предвосхитил в своем исповедании все еще неоформленный Никейский символ веры. Басс, на удивление сдержанный, сказал, что каждый человек должен подчиняться установленной власти. Дасий ответил: "Делай со мной все, что прикажут твои грязные и нечестивые императоры". Затем Басс предложил ему два часа на размышление, "чтобы ты сам мог подумать, как тебе жить среди нас с честью". Дасий отказался от отсрочки в вульгарных и дерзких выражениях. Затем Басс приказал обезглавить его. У него был последний шанс, когда ему предложили возжечь благовония перед императорскими статуями, но он бросил их на землю и был убит.

Ни слова про макет царствования прошли между митрополитом Полтавским и bassus He, который просто попросил его проанализировать обычная жертва, которую он может жить достойно в полк' (ὅπως δυνήθεινς ζῆν ἡμῶν ἐν δόξῃ). Как мог бы Дасиус жить дальше, если бы его "во что бы то ни стало" принесли в жертву? Почему Дасий не рассказал Бассу о предполагаемых фактах дела — о том, что он возражал против месяца неосвященного разгула, за которым последовало самопожертвование Кроносу? Басс, очевидно, ничего не знал обо всем этом. Солдат подчиняется только своим приказам; Дасий оскорбил религию и главу государства: он отказался отречься, и Бассу пришлось вершить закон. Если Дасиусу не нравился закон, ему не нужно было записываться в армию.

В двух кратких рукописях ничего не говорится об этом разговоре Басса и Дасиуса. Этот сквернословящий исповедник, по словам мистера Фрейзера, "отказался играть роль языческого бога и запятнать свои последние дни развратом. Угрозы и доводы его командира Басса не поколебали его стойкости, и, соответственно, он был обезглавлен".^[2] Но Басс, безупречный джентльмен, никогда не просил Дасиуса омрачать свои последние дни развратом или играть роль языческого бога. Он просто предложил Дасиусу обычное испытание, точно так же, как Клеверхауз мог бы предложить Клятву Отречения. Положение Дасиуса в точности соответствовало положению драгуна 1684 года, который "отказался от отречения".

По моему мнению, Дасиус, вероятно, был казнен за свои угрызения совести, дерзко выраженные, если верить его биографу; а если мы не верим его биографу, свидетельства перестают существовать. Биограф, зная об обычном Распорядке сатурналий в каждом римском доме и желая проверить, сохранились ли следы языческого разгула в новый год, заявил, что Распорядитель Сатурналий на самом деле был принесен в жертву Сатурну. Но в его собственном отчете о беседах между Дасиусом и его командиром ни слова не говорится о Сатурналиях и принесении в жертву псевдокороля. С другой стороны, командующий офицер или военный судья прилагает все усилия, чтобы спасти жизнь Дасиуса, не осознавая, что ей каким—либо образом угрожает опасность - кроме как из-за его самоотвода. Это едва ли фигурирует в кратком резюме мистера Фрейзера. Но взгляд на оригинальные "Деяния святого Дасиуса" показывает природу доказательств.

Если какая-то часть этого имеет официальную основу, как предполагает месье Кумон, то этой частью должно быть обследование Дасиуса Бассом. Здесь нет и намек на принесение в жертву Дасиуса в роли Сатурна; Басс ожидает, что он бросит благовония в пламя и останется честным солдатом Империи. Он ничего не знает о принесении в жертву Дасиуса. Таким образом, с точки зрения историков, утверждение о ежегодной жертве Сатурну, сделанное спустя много времени после этого события и после утверждения христианства, действительно является слабым доказательством. Ибо это не имеет подтверждения в трудах латинских или греческих историков или антикваров. Но антропология - это не история, и мистер Фрейзер утверждает, что "рассказ мартирологиста о Сатурналиях настолько хорошо согласуется с описаниями аналогичных обрядов в других местах, которые, возможно, не были ему известны, что существенная точность его описания может считаться установленной".^[4]

Теперь у нас есть дело ацтеков и дело сакеев. Но жертва ацтеков - пленник, а не свободный солдат, жизнь которого Бассус больше всего стремится сохранить. Сакская жертва не приносится в жертву, а является осужденным преступником. Мистер Фрейзер сказал: "Когда нация становится цивилизованной, она если и не отказывается совсем от человеческих жертвоприношений, то, по крайней мере, выбирает в качестве жертв только таких негодяев, которые в любом случае были бы преданы смерти".^[5] Но такой ценный солдат, как Дасиус, - это не тот негодяй, которого в любом случае предали бы смерти. Опять же, среди многочисленных случаев периодов распущенности, подобных Сакеа, мы знаем только один случай жертвоприношения преступника в Ашанти. Наше дело - доказать, что свободные римские солдаты добровольно приносили себя в жертву на Сатурналиях. Принесение в жертву пленника у ацтеков, казнь преступника у персов и фольклорные обряды с аналогичным описанием едва ли делают римский обычай вероятным, в то время как прямым свидетельством является только мартиролог. Его показания относительно смерти Дасиуса просто утверждают, что он погиб из-за отказа от обычного испытания. Опять же, как утверждает М. Пармантье, жертвоприношение,

если оно существовало, могло иметь восточное происхождение. При таком состоянии доказательств, особенно с учетом того, что на Сатурналии отводится тридцать дней, что в противном случае было бы неслыханным сроком, приостановление судебного разбирательства представляется разумным.

[1] Урбино, 1727, том i, стр. 198.

[2] *Золотая ветвь*, iii. 141.

[3] *Analecta Bollandiana*, xvi. стр. 5-16. Точная должность такого "легата", как Басс, довольно расплывчата. Если бы он был офицером, ему не нужно было спрашивать Дасия, какова его "профессия".

[4] *G. B.* iii. 142.

[5] *G. B.* iii. 120.

ПРИЛОЖЕНИЕ С

ПОЕЗДКА БЕЗБОРОДОГО

Рассуждения мистера Фрейзера о Поездке Безбородого и возможных следах подобного бурлескного представления, предшествующего Распятию или следующего за ним, проследить нелегко. Возможно, в тексте я неправильно понял смысл моего автора. Мы знаем о путешествии безбородого по Персии из работ Хайда, опубликованных в Оксфорде в 1700 году, а затем снова в 1760 году. Я сокращаю рассказ Хайда в том виде, в каком его дал мистер Фрейзер.[1] Датой празднования безбородого был "первый день первого месяца, который в древнейшем персидском календаре соответствует марту, так что дата церемонии совпадает с датой празднования вавилонского Нового года в Закмук". В третьем томе мистера Фрейзера Сакаи совпадают с Закмуком, хотя во втором томе дата празднования безбородого совпадает с датой празднования Нового года в Закмук. Плоды созревают в июне-июле. Мы предположим, что в данном отрывке он придерживается даты похода на Сакею. Поездка безбородого, если это так, происходит в сакейскую дату. Но Хайд обнаружил, что некоторые персы считали езду на безбородом недавним учреждением; если они были правы, то это не имеет никакой прослеживаемой связи с древней Сакеей. Не было никакого псевдокороля, замешанного в поездке безбородого; и не было никакой вероятной священной блудницы; еще меньше было двух безбородых с двумя священными блудницами, как в теории мистера Фрейзера о Сакеа. Во всяком случае, Хайд говорит о священных блудницах не больше, чем Дион Златоуст или записи любого другого древнего автора о Сакеа. Безбородого шута, отнюдь не одетого по-королевски, водили голым верхом на лошади, муле или осле, обмахиваясь веером и жалуясь на жару, в то время как люди обливали его льдом, снегом или холодной водой. Находясь при дворе короля или губернатора, он вымогал пожертвования. Товары, захваченные между рассветом и утренней молитвой, попадали к губернатору или королю; то, что шут брал между первой и второй молитвами, он оставлял себе; а затем исчезал. Население могло бы избить его позже, если бы поймало.

Итак, если этот праздничный фарс существовал в Сакеа и Закмук во времена изгнания, евреи не могли позаимствовать сакский обычай вешать псевдокороля, поскольку, по теории мистера

Фрейзера (если я не понимаю ее неправильно), поездка безбородого произошла "после того, как серьезное значение обычая" (повешение псевдокороля) "было забыто". Поездка безбородого — это "выродившаяся копия оригинала" — сакского избиения плетью, повешения и бичевания осужденного преступника, - который, я полагаю, вышел из употребления. Лагард не придерживается такого мнения: он думает, что автор "Книги Есфири" знал и сочетал цвета персидской магофонии, Сакии и езды безбородых. На самом деле, Дион Златоуст не говорит нам, что сакский псевдокороль разъезжал верхом, будь то обнаженный или в великолепии, по городу; и что он собирал принудительные пожертвования, насладиться которыми ему не позволили дожить до конца. Эти вещи, возможно, и происходили, но никаких записей, подтверждающих их, нет. И все же м-р Фрейзер должен, предварительно, предположить, что сакская жертва была с честью увезена и собрала пожертвования, и что наш Господь пользовался теми же привилегиями. Описание Его последнего триумфального въезда в Иерусалим звучит почти как отголосок того блестящего продвижения по улицам Сузы, к которому стремился Аман и которого добился Мардохей. "Наш Господь, по-видимому, не был ни нагим, как безбородый, ни облаченным в великолепие, как Мардохей, ни коронованным и облаченным в мантию, ни сопровождаемым воинами Пилата или Ирода. Он одолжил ослицу с ее жеребенком, и толпа разбросала ветки и закричала: "Осанна Сыну Давидову". Затем он "опрокинул столы менял и выгнал всех, кто продавал и покупал в Храме": "набег", как говорит мистер Фрейзер. Но официально не зафиксировано, что он наложил арест на какое-либо имущество, и его мотив был расценен как возражение против коммерческих сделок в священном здании.

Может показаться несколько произвольным связывать эти деяния Христа не с тем, что, насколько нам известно, когда-либо делала сакская жертва, а с тем, что было сделано безбородым шутом, его дегенеративной копией. Сначала мы должны предположить, что сакский псевдокороль действовал подобно тому, кого мы должны считать его поздней "выродившейся копией"; а затем прочитать в Евангелиях идею, почерпнутую из рассказов о древнем или современном шуте. Более того, в то время как Христос представляет псевдокороля Сакеи в "высокой трагедии древнего обряда" - поскольку Он предан смерти, — его двойник, Варава, совершает воображаемую поездку, которая является простым "фарсом", как у безбородого шута. Теперь мистер Фрейзер говорит, что "после того, как серьезный смысл сакрального обычая был забыт, а заместителю позволили сбежать со своей флейтой, высокая трагедия древней церемонии быстро превратилась в фарс".[2]

Вырождение действительно было быстрым: в мгновение ока. Христу не позволили спастись: в его случае существовала "высокая трагедия древнего обряда". Но мгновенно "высокая трагедия" была забыта! Варава, двойник Христа, по теории мистера Фрейзера, "вполне может... расхаживал по улицам, разодетый в безвкусное великолепие, с мишурной короной на голове и бутафорским скипетром в руке, впереди и за ним шли все тряпичные и короткошерстные горожане, улюлюкая, глумясь и отпуская грубые шуточки на его счет, в то время как одни делали вид, что отдают честь его насмешливому величеству, а другие колотили осла, на котором он ехал. Вероятно, именно таким образом в Персии безбородый и одноглазый мужчина совершал свое недостойное шествие по городу, к радости оборванцев и ужасу лавочников, чьи товары он конфисковывал, если они не спешили сложить свои мирные подношения к его ногам." [3]

Все это относительно Вараввы подразумевает, что "высокая трагедия" Сакеи уже была утрачена в "фарсе" "дегенеративной копии", скачке безбородого. Если так, то почему Христос лишился своей жизни? Если *Он* торжественно умер как признанный бог (что, как мне кажется, мистер Фрейзер отрицает в iii. 120 и утверждает в iii. 194-197), почему его не менее священный двойник, Варавва, также и одновременно является двойником безбородого шута?

Либо все это было торжественно и трагично, когда Аман (Христос) и Мардохей (Варавва) были признаны божественными, либо все это было фарсом, и ни во Христе, ни в Варавве не было никакой признанной божественности. Мистер Фрейзер ставит веру в божественность Христа в зависимость от современного признания божественности сакской жертвы, мужское потомство которой, возможно, также признавалось божественным.[4] Но он также уверяет нас, что божественность сакской жертвы, должно быть, была "забыта".[5] Точно так же Христос, как жертва, был признан божественным, и поэтому, по необходимости, его двойником был Варавва; "будь то трезвый факт или благочестивый вымысел, Варавва или Сын того Божественного Отца, который великодушно отдал своего собственного Сына умереть за мир".[6] Однако этот Сын Божественного Отца был настолько далек от священного, что всего за три страницы до утверждения его Сыновства у нас есть фотография, на которой он разъезжает верхом на осле под насмешки "тряпичника и бобтейла".[7] Трудно принять обе теории (по моему скромному мнению, не очень последовательные), которых мистер Фрейзер, по-видимому, способен придерживаться одновременно или попеременно. Если Варавва ехал на осле под насмешки оборванцев, то у Христа не было триумфального въезда в Иерусалим. У него тоже была просто бурлескная поездка, если у Вараввы была бурлескная поездка, как мистер Фрейзер считает вероятным. По сути его теории, Христос и Варавва были двойниками, оба были божественны, или, по общему мнению, ни один из них не был божественным. Если Варавва был персонажем низкого фарса (как предполагает мистер Фрейзер), то таким же был и Христос, и никакого ореола божественности не может возникнуть от участия в бурлеске, который также не может быть высокой трагедией, с божественными актерами. Как будто трудности никогда не прекратятся, безбородый шут является дегенеративной копией сакской жертвы. Но хотя *он* был доверенным лицом царя, а также представителем Хуммана, или Мардука, или Таммуза, или Гильгамеша, или Эбани, или бога, еще не идентифицированного: в его популярной форме безбородого шута "его притворство, что он страдает от жары, и его окончательное исчезновение наводят на мысль, что если он и олицетворял какое-либо из времен года, то это была уходящая зима, а не наступающее лето".[8]

Если это так, был ли шут популярной церемонии фольклорным оригиналом сакского псевдокороля или он был выродившейся копией этой разносторонней жертвы с новым значением, которое в народе придавалось ему? Мы должны "распознать в нем знакомые черты мнимого или временного короля",[9] хотя у него нет ни короны, ни скипетра, ни мантии, ни чего-либо, что могло бы прикрыть его наготу. Если он не является популярным оригиналом псевдокороля Сакеи, то как он и как его магия позволяют нам "окончательно разоблачить главных персонажей Книги Есфирь"?[10] Если он является новой популярной интерпретацией сакского псевдокороля, неправильно истолкованным пережитком, он не может не объяснить Сакею, или "Эстер", особенно если, как игрок в фарсе, который был смягчением Сакеи, он не появился на свет, когда была написана "Эстер". Но, если безбородый шут представляет популярный зародыш сакской жертвы, тогда эта жертва изначально не была ни доверенным лицом царя, ни Таммузом, ни Мардуком, ни Гильгамешем, ни Эбани, но, возможно, "уходящей зимой". Он может служить теории в этом качестве, только если ему будет предоставлен

двойник, представляющий наступающее лето, в то время как у него и его двойника есть самки, о которых в наших источниках нет ни малейшего упоминания, будь то в случае с Сакеей, "Ездой безбородых" или "Уходящей зимой". Распятие. Никто не говорит, что там были два безбородых шута, но свидетельств о них столько же, сколько и о предполагаемых двух священных персонажах с двумя священными блудницами в Сакее. Мы должны избегать *мультипликации*, которая является *необходимой*.

[1] G. B. iii. 181, 182.

[2] G. B. iii. 183.

[3] G. B. iii. 192.

[4] G. B. iii. 186.

[5] G. B. iii. 120.

[6] G. B. iii. 195.

[7] G. B. iii. 192.

[8] G. B. iii. 184.

[9] G. B. iii. 182.

[10] G. B. iii. 184.
